65

Альберт Кайков

На гаполярной ШИРОТЕ

Альберт Кайков

На заполярной широте

Книга вторая

Новосибирск 2010

ББК 84(2Рос=Рус)

К14

Кайков А.С.
К14 **На заполярной широте.** Повесть.- Книга вторая.
Редакционно-издательский центр «Светоч» правления Новосибирской областной общественной организации «Общество книголюбов» - г. Новосибирск, 2010г.

Кайков А.С.,2010г.
Редакционно-издательский центр «Светоч» правления Новосибирской областной общественной организации «Общества книголюбов»,2010г.

«Таланты земли Новосибирской»

Об авторе

Мне нравятся книги, написанные безо всяких придумок и выкрутасов. Типа дневников, где обстоятельно описаны события и случаи из жизни автора, события эти для меня интересны, новы, затрагивают мои чувства и мои стремления к познанию.

Такова, на мой взгляд, повесть Альберта Сергеевича Кайкова «На заполярной широте». Тут сама тема «работает» на автора: многие ли из нас бывали в заполярье, встречали живущих там людей, видели суровую природу того далекого края?

А потому меня даже особенно не смущают те иногда излишние подробности в описании, которые я бы посоветовал автору в дальнейших работах все - таки избегать. . .

Ему есть что рассказать – это главное. Не нужно что-то придумывать, все, о чем он пишет, пережито в реальной жизни, и этот ценный опыт является лучшим доказательством достоверности написанного.

Обратите хотя бы внимания на главу «Встреча с эвенками». Здесь рассказано об уникальном опыте выживания человека в неимоверных условиях жестокого дикого Севера. Написано коротко и ясно, на одном примере обращения родителей с грудным ребенком сказано о многом.

И подобных примеров в повести имеется немало. Хотя бы взять подробное, так любимое автором, описание охоты и рыбалки. Необходимо отметить, что у Альберта Сергеевича недавно уже выходила первая часть его повести «На заполярной широте, где я писал о сложном жизненном пути автора: ему пришлось в детстве побывать под фашистской оккупацией, в юности окончить Владивостокское высшее военно-морское училище и походить на кораблях Тихоокеанского флота, а после, уже в Новосибирске, получить профессию строителя и поработать не только в нашем городе, но и «на заполярной широте».

Теперь вот пишет книги о прожитом и пережитом, памятуя о том, что жизнь человека всегда оставляет след на земле. Каков он, этот след?

Петр Дедов,
Член Союза писателей России,
Академик Петровской академии
наук и искусств.

На заполярной широте

Книга вторая

Вместо предисловия

Начало прошлого века было ознаменовано многими событиями, связанными с изучением Арктики. В печати, по радио постоянно можно было слышать о полярной экспедиции И. Д. Папанина, о пароходе «Челюскин», застрявшем во льдах Арктики, о самоотверженности челюскинцев, о летчиках - героях, спасших членов экспедиции, о В.П. Чкалове, совершившем первый перелет через северный полюс в Америку. На карте, в заполярной зоне, появились новые названия населенных пунктов: Тикси, Диксон, Норильск, Игарка, Амдерма и другие. В школе учителя, охваченные общим патриотическим порывом, с интересом рассказывали нам, ученикам, о современных исторических событиях.

Часто в школе, стоя перед большой классной картой, я мысленно путешествовал по Заполярью, старался запомнить названия городов, рек и горных хребтов; стремился представить себе облик природы далекого, казалось, недоступного для меня севера. Еще одним толчком к проявлению интереса к северу послужили произведения Джека Лондона. Из его книг я знал природу далекой Аляски. Меня очаровывали своими названиями Клондайк и недоступная суровая река Юкон. Из прочитанных художественных произведений «Остров Баранова», «Юконский ворон» и других я имел хорошее представление о далекой Аляске, когда-то принадлежащей России, но не имел понятия о нашем Заполярье.

Я никогда не думал, что жизненный путь приведет меня в этот суровый край, покорит своеобразной природой, свяжет мою судьбу с замечательными людьми, память о которых сохранилась на всю жизнь.

Вступление

Полярная ночь предстала во всей своей красе: на небе ярко мигали звезды, на северной стороне небосвода, ниже Полярной звезды, желтыми сполохами разливалось северное сияние. Мне неоднократно приходилось видеть его, оно всегда неповторимо, чарует и завораживает своей холодной красотой. Январский мороз за пятьдесят градусов заставлял идти быстрым шагом, скрип снега под ногами разносился в морозном воздухе и неприятно отдавался в моих ушах. Под стать морозу и ночной темноте было мое настроение.

Я обходил лаборатории и прощался с сотрудниками Мерзлотной станции. Кто-то мне сочувствовал, сожалел о расставании, кто-то поздравлял с повышением.

С тяжелым чувством приходилось мне покидать Мерзлотную станцию. За полтора года работы успел привыкнуть к коллективу, со многими подружиться. Работа увлекла меня - мечтал об участии в новой экспедиции, о продолжении работы над диссертацией, а тут по велению Партии завтра надо быть на новом месте работы в Игарском лесокомбинате.

Игарский лесопильно-перевалочный комбинат

Директор комбината Филипп Григорьевич Долинин сидел за большим двухтумбовым письменным столом, покрытым зеленым сукном. Через длинный кабинет были видны его голова, плечи и лежащие на столе руки. Мне показалось, что он спрятался под стол и пытается вылезти, опираясь на локти. Когда подошел ближе к столу, это впечатление исчезло. На стене, за спиной Филиппа Григорьевича, висела карта Карского моря с побережьем западной Сибири, на ней в период навигации отмечались флажками морские суда, идущие в Игарку за пиломатериалом. Долинин поднялся из-за стола, обошел его, поздоровался со мной и предложил присесть за приставной столик. В его руке была блестящая шариковая ручка. В то время это была редкость, в продаже шариковых ручек не было, их дарили счастливцам иностранные моряки.

- Красивая игрушка, - похвалил я ручку.

- Подарок капитана английского теплохода, - не без гордости похвастался он, и добавил:

- Очень удобная вещица, имеет четыре цвета: синий, черный, красный и зеленый.

Он взял лист бумаги и, щелкая кнопками, расположенными по периметру ручки, выдвигал стержни и демонстрировал мне все четыре цвета, чиркая стержнями по бумаге. Разговор велся в дружественных тонах как людей давно знакомых. Мы с ним часто встречались, когда я работал начальником участка на строительстве объектов комбината.

У меня закружилась голова от поставленных им задач: найти подрядчика и заключить с ним договор на забивку свай под пятиэтажный панельный дом, найти проектные организации для проектирования реконструкции речного порта, школы, детского сада и других объектов.

Долинин по выражению моего лица, видимо, понял, что я слишком озадачен, улыбнулся и произнес:

- Это задачи ближайшей перспективы, первостепенная задача построить до начала навигации десять общежитий для сезонных рабочих. В этом году мы планируем завезти более трех тысяч человек. Круглый лес для свай строители могут получить в любое время, брус напилим по их заявке. Если задачи понял, впрягайся и за работу, - подытожил он беседу.

- У меня есть одно условие.

- Какое еще условие? – удивился Долинин.

- В ОКСе работает моя жена. Прошу ее уволить с завтрашнего дня.

- У нее заключен договор на пять лет, я не могу вот так, запросто, взять и уволить.

Я положил на стол перед директором письмо и сказал:

- Это ходатайство о переводе моей жены на работу в Мерзлотную станцию, на мою должность. Я этот вопрос обговорил в Горкоме партии, когда давал согласие на переход работать в ваш комбинат.

- С женой, я надеюсь, ты этот вопрос согласовал?

- В первую очередь.

- Сейчас я приглашу работников ОКСа и представлю им тебя.

Филипп Григорьевич вызвал секретаря и попросил пригласить всех работников ОКСа.

- Я давно всех знаю, особенно свою жену, зачем представление?

- Знаешь, не знаешь, существует определенный порядок. Сегодня я представлю тебя строителям, а на очередной планерке - всему инженерно-техническому персоналу комбината.

В кабинет вошли старший инженер Вера Васильевна Большакова, инженеры Алевтина Александрова Архипова, Наталья Ивановна Кайкова, инженер по оборудованию Владимир Михайлович Болтов и бухгалтер Августа Ивановна. Все они мне были хорошо знакомы. Когда я работал прорабом, мне приходилось ежемесячно бывать в ОКСе, чтобы подписать процентовки выполненных работ, иногда забегал навестить жену и посоветоваться по ходу ведения работ.

Архипова была женой моего друга Володи Архипова. Это была тихая, спокойная женщина, не лишенная привлекательности. Ее нельзя было назвать красавицей, но в ней было что-то притягивающее и располагающее. Красота была в ее внутреннем содержании, в ее умении разговаривать, в ее незабываемой улыбке. Густые светлые волосы, зачесанные назад, были обрезаны на уровне шеи и очень ее молодили. Она очень добросовестно относилась к своим обязанностям и никогда не шла на компромиссы. Вместе с этим, была добрым и отзывчивым человеком. Меня восхищал ее поступок: имея двоих детей, она удочерила девочку, оставшуюся сиротой. От нее и от своей жены я знал, что в ОКСе сложилась напряженная обстановка. Возмутителем спокойствия была Большакова.

Когда я был у Архиповых в гостях, Алевтина поделилась со мной своими душевными переживаниями. Она курировала строящийся противопожарный железобетонный резервуар, прорабом строительства был муж Большаковой. При испытании резервуара утечки воды были больше допустимых, Архипова отказалась подписывать акт приемки резервуара и объем выполненных работ. На следующий день у нее состоялся неприятный разговор с Большаковой.

- Почему не подписываешь акт приемки резервуара? – начальственным голосом спросила Вера Васильевна.

- Он течет.

- Утечка небольшая, нанесут торкрет* и течь исчезнет.

- Когда нанесут - тогда и подпишу.

- Заканчивается месяц, нужно выполнение плана.
- Ты старший инженер, возьми и подпиши сама.
- Объект закреплен за тобой, ты должна подписать.
- Я должна следить за соблюдением строительных правил.

Не убедив Алевтину подписать акт, Большакова отправилась к директору комбината жаловаться. Долинин вызвал Архипову. Она принесла ему строительные нормы и правила. Он не был строителем, но разобрался в сути вопроса, и акт был подписан, когда были устранены течи в резервуаре. Алевтина переживала по поводу случившегося конфликта.

Переживать следовало Большаковой, но у нее был другой характер. Она вела себя так, словно ничего не произошло. В ней настойчивость, граничащая с нахальством, соединялось с хитростью и мстительностью. Жгучая брюнетка, с завитыми волосами и большими глазами, была хороша собой. Ее привлекательности ничуть не мешал невысокий рост, ни вздернутый слегка носик. Она знала о своей привлекательности, всегда полагалась на свою внешность, кокетничала с мужчинами и часто достигала своей цели.

Бухгалтер Августа Ивановна была стройная, миловидная, средних лет женщина, с русыми пышными волосами. Мне казалось, что она очень нежная, хрупкая и в любой момент может переломиться. Она была матерью - одиночкой, воспитывала дочь. Я всегда удивлялся: в городе мужчин намного больше, чем женщин, почему ее, симпатичную женщину, никто не берет замуж?

Вскоре мне стала известна ее судьба. У этой тихой, спокойной женщины был волевой характер. В молодости ее обманул любимый человек, и она решила никогда не связывать свою судьбу с мужчиной. Предложений ей поступало много, но она их все отвергала.

Инженер по оборудованию Болтов был строгим, угрюмым человеком моих лет. Его высокий рост и широкие плечи выдавали в нем крепкого, спортивного человека.

Вошедшие прошли по длинному кабинету и остановились около стола директора. Мне показалось, что их взоры были направлены на меня, сидящего у стола директора.

Когда все расселись, Долинин сказал:

- У меня две новости: приказом по объединению «Красноярсклесоэкспорт» заместителем директора комбината по капитальному строительству назначен Альберт Сергеевич Кайков, прошу любить и жаловать.
- Мы его знаем, а что касается любви – жена будет ревновать, - сказала Большакова.
- Вот поэтому у меня есть вторая новость: мне поступила просьба Мерзлотной станции – перевести Кайкову к ним на работу. Наталья Ивановна, вы согласны на перевод?

* Торкрет – высокопрочная штукатурка, наносимая торкретпушкой.

- Да, я согласна, - ответила она.

- Зайдите в отдел кадров и напишите заявление.
- Можно задать вопрос, - спросила Большакова, обращаясь к Долинину.
- Да, пожалуйста, слушаю вас.
- Мне известно, что увеличен штат отдела капитального строительства и введена должность начальника ОКСа. Кто будет начальником ?
- У меня теперь есть заместитель по строительству, он решит этот вопрос.

Вера Васильевна, с недовольной миной на лице, села на свое место. Она, видимо, ожидала, что ее назначат на эту должность.

Внимательно наблюдая за своими сотрудниками, я думал: каждый человек индивидуальная личность, смогу ли я с ними сработаться? Мой характер складывался во время службы на Флоте, там требовалось поручения отдавать четко и ясно, командным голосом, все поручения исполнялись немедленно и беспрекословно. Эти мои качества пригодились при работе на стройке. Теперь требовалось менять свое отношение к сотрудникам, к каждому находить подход, терпеливо относиться к их недостаткам и своим отношением к ним и общему делу добиваться, чтобы коллектив стал единым слаженным организмом.

Обиженная женщина

На следующий день, не заходя в свой кабинет, я пришел в просторное помещение отдела капитального строительства, сел за свободный стол и предложил:

- Сегодня проведем первую планерку, мне хочется вникнуть в ваши дела, все документы у каждого под рукой, так что здесь будет удобнее вести разговор.
- По каким дням у нас будут проходить планерки? – спросила Августа Ивановна.
- Давайте решим совместно: какой день лучше – пятница или понедельник.
- В пятницу нельзя, - подал голос Болтов, - женщины торопятся домой, а за два дня забудут, что наметили на следующую неделю. Лучше в понедельник.
- Сам ты все забудешь, - одернула его Вера Васильевна.
- Поскольку Владимир Михайлович единственный мужчина в вашем коллективе, давайте примем его предложение, - поддержал я его.
- Теперь, пожалуйста, введите меня в курс своих дел: за кем какие объекты закреплены, каково состояние объектов, как идет выполнение плана у строителей?

Выслушав своих сотрудников, пришел к выводу, что Большакову нельзя назначить начальником ОКСа. Она небрежно вела бумажные дела, на любой мой вопрос, прежде чем ответить, рылась в беспорядочно сложенных бумагах. Я вспомнил, что когда работал прорабом, она редко проверяла

объемы выполненных работ, всегда была возможность завысить объемы, если это требовалось для выполнения месячного плана.

Постепенно разговор перешел на другие темы. Вера Васильевна, между прочим, спросила:

- Сколько человек планируется в новом составе отдела?

- Двенадцать.

- Кого вы думаете назначить начальником ОКСа?

Мне не понравилась ее настойчивость, и я ответил:

- Пока не знаю, давайте вместе подумаем, кого из строителей мы можем пригласить к себе на работу.

- Разве нельзя в своих рядах найти специалиста на эту должность? - спросила Вера Васильевна.

Мне не хотелось вступать с ней в разговор. Меня выручил Болтов.

- Хорошо бы пригласить Филиппова из Горкомхоза, - предложил он, - только не знаю, согласится ли он, у нас объем работ во много раз больше, чем у него сейчас.

- Зато у нас оклад будет больше, чем там у него, - поддержала его Архипова. Алевтина Александровна не стремилась в начальники, у нее было трое детей, и она очень много времени отдавала детям. Вместе с тем она, видимо, не хотела видеть своим начальником Большакову.

Вера Васильевна недовольно поджала губы. Она не хотела расставаться с мечтой - занять должность начальника отдела, которая прельщала не столько окладом, сколько возможностью часто бывать в командировках. В ее голове созревал план достижения цели.

Чтобы прекратить разговор на эту тему и закончить беседу, я поднялся с места и произнес:

- Прошу всех подумать, кого мы можем пригласить к себе на работу не только начальником ОКСа.

2

Впервые я ехал в Строительное управление не на попутном самосвале, а на черной Волге. В те годы на черных Волгах ездили только руководящие работники Обкомов и Горкомов партии. Эта машина какой-то судьбой досталась Лесокомбинату от Горкома партии, когда он получил новую. Машина при тряске издавала разные звуки, дверцы скрипели, глушитель стучал по днищу. На материке такая машина никогда бы не прошла техосмотр. В Игарке все легковые машины можно было пересчитать по пальцам, и такая развалина считалась приемлемым транспортом. За шесть лет, прожитых в городе, я ни разу не видел на дорогах сотрудника ГАИ.

По календарю была весна, но северная природа не хотела считаться с календарными сроками. В апреле стояли морозы, и лежал нетронутый солнцем снег. Слева от дороги разместился склад леса, называемый биржей пиломатериалов. Штабеля досок были прикрыты одно - двухскатными крышами и походили на дома, стоящие вдоль прямых и длинных улиц.

Справа от дороги тянулась лесотундра, местами из сугробов торчали верхушки кустарников.

Поднимаясь по знакомой лестнице на второй этаж конторы Строительного управления, я подумал, что прошло почти полтора года с того времени, когда я бывал здесь почти каждый день. Внешне ничего не изменилось: те же таблички на дверях с названием отделов, как всегда, открытая дверь в приемную начальника.

Поздоровавшись с секретарем, я спросил:

- Начальник у себя?

- Пожалуйста, проходите, он вас ждет.

Енин встретил меня добродушной старческой улыбкой со словами:

- Наслышан о тебе, мой друг, теперь мною будешь командовать.

- Зачем командовать? У вас свое начальство в Красноярске не дремлет. Я вас уважаю, будем сообща решать все вопросы.

- Говори, с чем пожаловал?

- Надо осваивать новую площадку, к началу навигации построить десять общежитий, - сказал я и положил на стол схему генплана.

- Где эта площадка?

- Северный поселок, рядом с существующими общежитиями, против столовой.

- Площадка удобная, недалеко от нашей базы, но ты берешь слишком круто, до открытия навигации осталось меньше четырех месяцев.

- Срок строительства общежития три месяца, так что успеем.

- У меня нет ресурсов.

- Круглый лес на сваи можете начать получать завтра, брус на стены зданий комбинат уже начал пилить.

- Скоро наступит тепло, сваи не успеют вмерзнуть в пропаренный грунт, - не сдавался Енин.

- Промерзание грунта вокруг сваи в большей степени идет за счет окружающих мерзлых грунтов. Вы же знаете, что за счет наружной температуры воздуха грунт промерзает до двух метров. Это деятельный слой, который в расчет не принимается.

- Обычно мы ждем не менее месяца, чтобы сваи смерзлись с грунтом, затем начинаем нагружать. Как мы узнаем, когда сваи можно нагружать полной нагрузкой?

- Давайте поступим так: около двух свай опустим в пропаренный грунт трубы. Измеряя в трубах температуру, мы узнаем: замерз грунт вокруг свай или нет. По этой температуре определим несущую способность свай. Чтобы сваи не перегрузить, на них поставим динамометры, и в любой момент будем знать нагрузку на сваю. Кроме этого по одной скважине оборудуем в центре подполья здания.

- Ты хорошо все продумал, чтобы меня убедить,- сдался Енин, - кто будет заниматься наблюдениями?

- Я думаю, работники ОКСа. Этот вопрос я полностью беру на себя.

- После забивки свай, тебе придется подписывать акты по каждому общежитию, разрешающие на нагрузку свай.
- Согласен.
- Оборудование трех скважин под одним общежитием будет недостаточно, - произнес, задумавшись Енин, - площадка строительства большая, грунтово-мерзлотные условия могут оказаться разными. Придется устраивать скважины под каждым общежитием.

Мне стало приятно, что Енин не только согласился со мной, но сам стал думать, как лучше выполнить поставленную задачу.

- Прекрасно, я беспокоился, что вы меня не поддержите, полностью с вами согласен, - обрадовавшись, произнес я.
- Одного согласия мало, потребуется триста метров труб, эти расходы в сметах на строительство общежитий не предусмотрены.
- Будем искать оплату среди статей сводного сметно-финансового расчета. Сократим расходы по благоустройству.

Мы расстались хорошими партнерами, каждый думал о выполнении взятых на себя обязательств.

3

На очередной планерке с работниками ОКСа, я рассказал о своей договоренности с Ениным по строительству общежитий. Большаковой поручил курировать строительство.

- Вера Васильевна, - обратился я к ней, - пожалуйста, проконтролируйте, чтобы рабочие не забыли опустить в скважины трубы.
- У нас не предусмотрено проектом и сметой установка труб под общежитиями.
- Они нужны для наблюдения за температурой грунтов основания, чтобы знать, когда можно будет нагружать сваи.
- Кто будет наблюдать за температурой грунтов?
- Вас, надеюсь, это не затруднит?
- В мои обязанности не входит проводить научные исследования.
- Придется мне договориться с Мерзлотной станцией, надеюсь, их это заинтересует, и они мне не откажут.

Про себя подумал, что Мерзлотная станция квалифицированно проведет наблюдения. У меня уже была предварительная договоренность.

Через несколько дней, встретив меня в коридоре, Долинин сказал:

- Зайди ко мне, есть разговор.

Кабинет директора был залит лучами весеннего солнца через три широких окна с южной стороны. Я сел за приставной столик спиной к солнцу.

- Как идет строительство общежитий? – поинтересовался он.
- Площадка очищена от снега, работают два парообразователя и два копра, сваи забиваются под два общежития. Работы ведутся в две смены.
- До меня дошли слухи, что ты решил на общежитиях проводить опыты для своей диссертации? – спросил он, глядя мне в глаза.

Не отводя взгляда, я сказал:

- Не знаю, понадобятся или нет эти опыты для диссертации, но для скорейшего строительства общежитий необходимы.

Мне пришлось обстоятельно и доходчиво рассказать ему о строительстве на вечной мерзлоте. Филипп Григорьевич меня понял и в конце разговора сказал:

- Поступай как знаешь, но чтобы общежития были построены в срок.

Вскоре мне пришлось вылететь в командировку в Новосибирск, где предстояло заключить договор с трестом «Востокбурвод» на устройство свайных фундаментов под пятиэтажные панельные дома. Проектом предусматривалось заглублять железобетонные сваи на полметра в скалу, залегающую на небольшой глубине на участке строительства. Игарские строители не имели бурового оборудования и опыта бурения скальных пород.

Аэропорт «Толмачево» встретил меня жаркой погодой. Пришлось снять меховую шубу и шапку. Немного поразмыслив, что делать с этой обузой, я положил шубу и шапку в автоматическую камеру хранения и отправился на стоянку 101 автобуса. После морозов в Игарке, теплый воздух приятно ласкал кожу лица, я с наслаждением вдыхал его полной грудью.

Вернувшись из командировки, первым делом отправился на строительство общежитий. Приятно было смотреть, как поднимаются брусчатые стены нескольких общежитий, обнесенные строительными лесами. Внутри зданий воздух был насыщен сосновым ароматом от недавно напиленного бруса.

К сожалению, время летело быстрее, чем шло строительство. Меня беспокоили сроки. Хотелось первое свое задание по возведению общежитий выполнить к началу заезда сезонных рабочих. Обходя общежитие за общежитием, обдумывал меры поощрения строителей, чтобы заинтересовать их в ускорении темпов строительства.

Вскоре подписал документы на оплату выполненных строительных работ. Обычно любой заказчик старается экономить средства, я же радовался большим суммам, начисленным за выполненные работы. Мое настроение было испорчено звонком из производственного отдела строительного управления:

- Нам банк отказал в оплате выполненных работ, - услышал я знакомый голос экономиста.

- Нина Васильевна, в чем дело? – поинтересовался я.

- В оплату включены работы, не предусмотренные сметой на общежития.

- Не беспокойтесь, я разберусь и вам позвоню.

В те далекие годы банк проводил оплату выполненных работ строго по позициям сметы. Я догадался, какие работы не предусмотрены сметой и кто об этом мог сообщить в банк. На строящиеся объекты представитель банка выезжал, чтобы убедиться в выполненных объемах работ, чрезвычайно редко.

Беседа с уполномоченным Строительного банка Кустовым затянулась надолго. У нас нашлось много общих интересов, мы стали приятелями. В

дальнейшем я часто вспоминал Большакову, благодаря которой приобрел хорошего друга, с которым приходилось не раз советоваться и находить выход из сложных ситуаций.

Мне непонятны были мотивы Веры Васильевны, которыми она руководствовалась, делая маленькие пакости. «Неужели такими действиями она думает занять должность начальника отдела?- недоумевал я. - Какие выходки можно ожидать от нее в дальнейшем?»

Отправляя меня в командировку в Красноярск, Долинин напутствовал:

- Пошли водителя на рыбозавод, чтобы купил крупную стерлядь. Без рыбы в гостиницу не устроишься.

- Вы предлагаете мне дать взятку? – удивился я.

- Это не взятка, а презент. Придешь в гостиницу к администратору и скажешь: это вам от ваших друзей из Заполярья. Номер в гостинице будет обеспечен. . .

Мой одноместный номер в гостинице «Енисей» выходил окном на простор могучей реки. Я любовался теплоходом, идущим по реке, мне казалось, что он зацепит мачтой за строение моста, расположенного недалеко от гостиницы. Теплоход благополучно прошел под мостом, сверкая белизной бортов в лучах заходящего солнца. Мой взгляд переключился на чаек, летающих над рекой. В это время постучали в мою дверь. Открыв дверь, я был очень удивлен: передо мной стояла Вера Васильевна с бутылкой вина. Такие бутылки называли огнетушителями. Моя растерянность и удивление заставили ее перейти в наступление:

- Может, вы пригласите меня войти в номер?

- Прошу, проходите.

Она смело, с улыбкой на лице, прошла к столу, поставила бутылку с вином и, положив пакетик конфет, посмотрела на меня завораживающим взглядом, которым, видимо, пользовалась для достижения намеченной цели.

Удивление, которое возникло у меня в первый момент, сменилось на любопытство.

- Как вы оказались в Красноярске? Насколько я знаю, командировка у вас не планировалась.

- Все вопросы потом, сейчас я хочу с вами выпить, подайте рюмки и откройте бутылку, - она смело брала инициативу в свои руки.

Открывая бутылку, я подумал, что она, возможно, желает рассказать мне о причине своих поступков. Не могла она их совершать без продуманной цели.

Ничего не значащие тосты следовали один за другим, Вера Васильевна кокетничала, пыталась очаровать меня своими томными глазами, но ни словом не обмолвилась о цели своего визите ко мне. Наконец, она сделала вид, что захмелела и произнесла:

- Мы с вами должны жить дружно, вместе будет легче решать любые проблемы.

- Я с вами не ссорился, а что касается дружбы, то это веление сердца, а не договор на условиях.

После нескольких выпитых рюмок, Большакова притворилась пьяной и улеглась на мою кровать.

- Вера Васильевна, пойдемте, я провожу вас в ваш номер.

- Я хочу ночевать здесь, - пролепетала она заплетающимся языком.

Мне стала ясна ее цель: добиться со мной близости и затем шантажировать для достижения своих целей. Во мне закипела злость, и я грубо сказал:

- Если вы не покинете мой номер, я приглашу дежурную, чтобы вас сопроводила в вашу комнату.

Она поднялась с кровати, в ее черных цыганских глазах кипели злость и презрение. Покидая номер, произнесла:

- Тоже мне мужик называется!

Я тогда не мог себе представить, на что способна отвергнутая женщина.

Возвращаясь в Игарку на самолете, обдумывал поступок Веры Васильевны. На что она рассчитывала? Неужели она всегда таким методом добивается своей цели? Следует или нет рассказать жене и Долинину? В конце концов решил, что не буду никому рассказывать, чтобы не вызвать кривотолков.

Выслушав результаты моей командировки в Красноярск, Долинин сказал:

- После твоего отъезда, приходит ко мне Большакова и говорит, что ты забыл сметы, которые надо согласовать в институте «Красноярскгражданпроект». Мне пришлось отправить ее в командировку. Кстати, сметы она тебе передала?

- Да, передала, - ответил я, хотя никаких смет не забывал.

Мне стало понятно, каким путем Вера Васильевна оказалась в Красноярске.

4

Москва утомила меня суетой и длинными переездами из одного конца города в другой. Жил я в гостинице Главка на улице Полковой, недалеко от Белорусского вокзала. Ежедневно приходилось ездить в Министерство с длинным названием Минлесбумдревпром, которое располагалось на улице Грицивец, около открытого плавательного бассейна. Мне казалось, что москвичи не умеют ходить пешком. В метро меня вталкивали в вагон, на переходах толпа заставляла идти с общей скоростью, почти бегом.

В одном из переходов я увидел продажу билетов в Оружейную палату. Билеты продавались с нагрузкой – билетом в Малый театр на грузинскую постановку. Не задумываясь, я купил билеты. Мне, провинциалу, было интересно побывать во многих театрах и на выставках. Постановка оказалась на грузинском языке, я плохо понял ее содержание, все мое внимание было приковано к грузинским национальным костюмам. Зато, посещение Оружейной палаты оставило неизгладимое впечатление.

По телефону я пообщался со всеми знакомыми мне людьми, бывшими жителями Игарки. Владимир Осипович Орлов, занимавший когда-то должность заместителя начальника Игарской мерзлотной станции, пригласил к себе в гости. Он недавно издал книгу и защитил кандидатскую

диссертацию по материалам, накопленным на станции. Мне не довелось работать с ним на станции, так как он уехал в Москву раньше, чем я перешел туда работать. Мое знакомство с ним состоялось как с консультантом, на строящихся объектах, когда я работал прорабом. Люди, проработавшие долгие годы в Заполярье, к своим знакомым относятся как к землякам, им всегда интересно пообщаться и узнать новости о севере.

И вот, мы сидим в креслах около низенького столика, Владимир Осипович внимательно слушает меня, его интересуют любые мелочи и детали: кто уехал из Игарки, кто из его знакомых еще живет там.

- Лавров Евгений Васильевич еще работает в Игарке? – спросил он, когда я закончил перечислять, как мне показалось, всех его знакомых по Игарке.

- Нет, не работает, ему разрешили уехать на материк.

- Очень жаль, был опытный строитель. Мне постоянно вспоминается такой случай: едем мы с ним на водозабор, стоит трансформаторная подстанция, которую две недели назад я не видел.

- На каком фундаменте вы поставили трансформаторную подстанцию? – спрашиваю его.

- На плавающем, - отвечает.

- Расскажите, пожалуйста, подробней, какие детали у вас плавают?

- Секрет в том, что трансформаторная подстанция стоит устойчиво, даже не шелохнется.

- Тогда раскройте свой секрет?

- Мы выкопали котлован, глубиной около трех метров, засыпали гравием и на железобетонных плитах поставили трансформаторную подстанцию.

- Вы просто законсервировали вечную мерзлоту, причем тут плавающий фундамент?

- Это мой научный термин, дарю его вам, - предложил Евгений Васильевич.

- Я тоже часто вспоминаю Лаврова, с ним было легко работать.

- Кто теперь возглавляет строительное управление?

- Сергей Дмитриевич Енин.

- С ним не был знаком, - произнес Владимир Осипович.

По его лицу было видно, что он напрягает память, чтобы вспомнить эту фамилию.

- Енин при вас не жил в Игарке, он приехал из Норильска, - сказал я, чтобы вывести его из задумчивости.

К концу беседы Орлов достал с книжной полки миниатюрную шкатулочку палехской работы и протянул мне. В шкатулочке лежала маленькая записная книжица с корочками палехской работы. Я держал на ладони изящную вещицу и с интересом и восхищением рассматривал на ней рисунки.

- Передайте, пожалуйста, когда вернетесь в Игарку, этот подарок Витосу Бергену, - произнес Владимир Осипович.

- Кто он? Я с ним не знаком.

- Это бывший сторож Мерзлотной станции, он из царских офицеров, был ссыльным. После окончания ссылки ему не разрешили выехать из Заполярья. Многие годы работал на станции. Мне нравились его образованность и

начитанность, гордый и подтянутый вид. Во время дежурства обычно взбирался на вышку триангуляционного знака, стоящего в центре территории станции, и вел наблюдение не только за объектами станции, но и за прилегающими улицами.

- Он давно не работает на станции, но я разыщу его и передам ему ваш подарок, - пообещал я.

5

Закончив очередную планерку, я достал из портфеля шкатулку, показал ее сослуживцам и спросил:

- Кто знает адрес, по которому живет Берген? Мне надо передать ему этот подарок из Москвы.

- В шкатулке, наверное, драгоценности? - спросила Большакова, - зачем пожилому мужчине такая изящная вещица?

- В шкатулке записная книжица.

Я достал и показал всем красивую вещь.

Никто адреса Бергена не знал. В делах и заботах обещание передать шкатулку отошло на второй план. О записной книжке в шкатулке мне напомнил сотрудник КГБ.

Дверь моего кабинета выходила в отдел капитального строительства, я никогда не закрывал ее, чтобы видеть, чем заняты сотрудники, и чтобы они могли видеть меня.

Однажды утром в моем кабинете появился молодой человек, он плотно закрыл за собой дверь, без приглашения сел на стул около моего стола и протянул к моему лицу удостоверение в красной обложке. Я не успел прочитать его фамилию, взгляд замер на словах: сотрудник комитета государственной безопасности. Он, видимо, посчитал, что мне не обязательно читать дальше, с самодовольным видом быстро закрыл документ, щелкнув твердыми корочками, и положил его в нагрудный карман. Колючим любопытным взглядом уставился на меня, наблюдая, какой произвел эффект.

Испуга у меня не было, но в душе появилось тревожное опасение. Я помнил людей с такими удостоверениями, они увели моего дядю, Петра Алексеевича, которого с тех пор никто не видел. Мозг лихорадочно работал - какой я мог совершить проступок, в чем мог провиниться? Думал и не находил ответа.

Посетитель, выдержав паузу, спросил:

- Вы были недавно в Москве?

- Да, был.

Мои мысли переключились на события в Москве, стал вспоминать каждый свой шаг, ничего предосудительного не мог вспомнить.

- Кто вам передал записную книжку для бывшего политического заключенного?

Я смутно начал догадываться о цели его визита. Беспокойство не покидало, но еще появилось и любопытство.

- Владимир Осипович Орлов, бывший заместитель начальника Мерзлотной станции.

- Что написано в записной книжке?

- Я не раскрывал ее.

- Вы знаете адрес Орлова в Москве?

- Естественно знаю, я был у него в гостях.

- Напишите его адрес на листе бумаги.

Только теперь мне стало ясно, в чем меня подозревают. «Неужели оказался связным шпионской организации», - мелькнула мысль. Как сквозь сон услышал слова:

- Вы успели передать записную книжку?

- Нет, еще не передал, не смог узнать адрес.

- Покажите мне ее.

Достав из стола шкатулку, протянул чекисту. Он долго вертел в руках изящную вещь, затем осторожно листал записную книжку. Все страницы были чистыми.

- Мне придется шкатулку с книжкой взять с собой, проверим, нет ли на ней тайнописи, - произнес посетитель. - Никому о нашем разговоре ни слова, - добавил он.

После его ухода облегчения на душе не наступило. Потянулись тревожные дни ожидания вызова в КГБ. Я ходил как во сне, появилась апатия к служебным обязанностям. Это, видимо, заметили сотрудники.

После очередной планерки Августа Ивановна, добрая и отзывчивая женщина, спросила:

- У вас какие - то неприятности? Вы сильно изменились за последнее время.

- Все на свете временно, настроение тем более.

Большакова смотрела на меня с хитрой ухмылкой, на толстых губах скользила недобрая улыбка, в ее черных глазах сияло злорадство и наслаждение. Лицо, казавшееся мне раньше красивым, производило неприятное впечатление.

« Вот кто знает о причине моего плохого настроения», - подумал я.

Через неделю в моем кабинете вновь появился знакомый сотрудник КГБ. Меня удивило его изменившееся поведение и отношение ко мне.

- Позвольте, я присяду к вашему столу, - произнес он мягким голосом.

- Прошу, присаживайтесь.

- Мы не нашли в записной книжке никаких записей, - сказал он то ли с сожалением, то ли с извинением.

- Вы сняли тяжелый груз с моего сердца, я беспокоился, что попал в плохую историю. Кто сообщил вам о подарке, который я привез?

Пропустив мои слова мимо ушей, он продолжал говорить:

- У нас к вам поручение, сходите к Бергену на квартиру, передайте ему подарок лично, посмотрите, как он живет, побеседуйте с ним, прощупайте

его благонадежность, задайте несколько провокационных вопросов о советской власти.

В один момент из подозреваемого я превращался в сыщика. Меня это не обрадовало. Чтобы избавиться от поручения, сказал:

- Может быть, вам лучше самому передать подарок, я не знаю адреса.

- Вот вам адрес Бергена, - и он протянул мне заранее заготовленную бумажку с адресом.

- Где мне вас найти, чтобы рассказать о результатах посещения?

- Я сам вас найду. . .

6

Витус Берген жил в комнате на втором этаже двухэтажного деревянного общежития. В такой комнате я жил три месяца по приезде в Игарку на работу. Его застал за чтением книги. Он был удивлен посещению его незнакомым человеком. Когда я сказал, что привез ему подарок от Орлова, на его лице появилась приятная улыбка, глаза засияли, и он пригласил меня присесть на подставленный табурет и рассказать, как живется Владимиру Осиповичу в Москве.

Передо мной стоял высокий стройный мужчина возрастом за семьдесят лет. Его нельзя было назвать стариком, фигура сохранила военную выправку, узкое лицо без морщин, с прямым носом напоминало греческий профиль, редкие седые волосы зачесаны назад, умные глаза внимательно смотрели на меня. Мое внимание привлекла его опрятность – глаженые брюки, чистая рубашка с отложным воротником, заправленная в брюки.

Он присел на табурет у стола и стал внимательно слушать меня, затем спохватился:

- Сейчас схожу на кухню, принесу кипяток, напою вас чаем, и мы продолжим разговор.

Когда за ним закрылась дверь, я оглядел комнату. Обстановка была спартанской: кровать, стол, два табурета, шкаф для одежды. Вдоль одной стены были полки ручной работы, заставленные книгами. На одной полке перед книгами красовалась принесенная мной шкатулка.

Мы сидели за небольшим столом, пили чай с печеньем, конфетами - карамельками и мирно беседовали. Собеседник оказался очень эрудированным и начитанным. Я проникся к нему уважением и не задавал ненужных вопросов. В душе возник протест к наставлениям кэгэбэшника, к существующему порядку - не разрешать людям выехать из Заполярья после истечения срока заключения.

Сегодня очень сожалею, что не расспросил о его семье и прожитой жизни.

7

Неожиданно, когда я вошел в кабинет директора, чтобы поздороваться и рассказать о ходе строительства объектов, Филипп Григорьевич сказал:

- Собирайся в командировку, звонил Владимир Алексеевич Саванин, много проблем с нашей заявкой на оборудование, звони ему, в Москву полетите вместе.

Владимир Алексеевич Саванин – мой шеф по линии строительства. Он работал в нашей вышестоящей организации «Красноярсклесоэкспорт» заместителем начальника объединения по строительству.

Прилетев в Москву, мы разместились в гостинице Главка на улице Полковой. Это был самый удобный вариант, так как гостиница располагалась на первом этаже здания, а Главклесдревпром занимал верхние этажи здания.

Саванин сказал мне:

- В Москве у каждого письма должны быть ноги, иначе ответа можно ждать месяцами и даже годами.

Вскоре я в этом убедился, начав осваивать коридоры бюрократической власти. Приведу один пример. Наш лесокомбинат год назад подал заявку на приобретение в Болгарии плавучей мастерской для ремонта своего флота (катеров, буксиров, плавучих кранов). Заявки формировал Госплан РСФСР, который отказался принять заявку от Главка. К ней не были приложены письма Министерств Морского и Речного флотов, которые должны дать согласие перегнать мастерские из порта Варны по Черному морю, затем по системе рек и каналов до Архангельска и далее по Северному морскому пути до Игарки. Получением этих писем предстояло мне заняться. Процесс этот очень длинный, сложный и утомительный. Надо подготовить письмо Главка в свое Министерство, чтобы оно ходатайствовало перед Министерством Речного флота о перегоне плавучих мастерских. Субординация требовала, чтобы переписка велась на уровне заместителей Министров. Написать письмо несложно, утомительно долго собрать на нем визы и дождаться, когда его подпишет руководитель. Каждый исполнитель имел десятидневный срок на подготовку ответа, приходилось уговаривать и упрашивать ускорить ответ. Хорошо, когда исполнителями попадались женщины. С помощью шоколадки продвижение писем шло быстрее.

Срок командировки истекал, а долгожданных писем на руках не было. Саванин пошел на прием к начальнику Главка и продлил командировки.

В воскресенья и по вечерам мы с Владимиром Алексеевичем ходили в театры и музеи. Я познакомился со всем репертуаром театра Оперетты на улице Пушкинской. Оперетта - мой любимый жанр.

В Игарку я вернулся спустя месяц, доложил директору Долинину о результатах. Через несколько дней он приглашает меня к себе в кабинет и говорит:

- Давно мне надо было поговорить с тобой о Большаковой, вопрос окончательно созрел.

- Что-то случилось в мое отсутствие?

- Приходит недавно ко мне Вера Васильевна и говорит, что ты задерживаешься в Москве потому, что пишешь там диссертацию. Я засомневался в правдивости ее слов и решил проверить. Позвонил Саванину. Он расхохотался и знаешь, что мне сказал?

- Не знаю, расскажите - узнаю.
- Он сказал: «Плюньте в глаза тому, кто это сказал, мы постоянно были вместе». Что мне посоветуешь? Может быть мне ее уволить?
- Поступайте, как знаете.

Через несколько дней после разговора Филиппом Григорьевичем со мной Вера Васильевна Большакова подала заявление на перевод в управление Строймеханизации. Я с облегчением вздохнул, она немало попортила мне крови. Отдел капитального строительства давно был укомплектован, потеря одного человека не могла отразиться на работе.

На отдыхе

В разгар полярного лета, когда солнце печет сильнее, чем на курортах юга, в его лучах расплавляется смола в заготовленном для экспорта пиломатериале, воздух насыщен ее парами крепче, чем в сосновом лесу, Филипп Григорьевич предложил всем своим заместителям вместе с женами выехать для отдыха на один из островов Енисея. У него были заместители по экспорту, по экономике, по коммунальному хозяйству, по строительству и главный инженер.

В воскресный день катер с участниками пикника отвалил от причала комбината. Все стояли в носовой части катера и любовались Игарской протокой. Здесь круглосуточно кипела работа – шла погрузка пиломатериалов на морские суда. Около гигантов - лесовозов на рейде стояли плавучие краны немецкой фирмы «Ганз», их стрелы поднимали с барж пакеты досок объемом около пяти кубометров и плавно опускали в трюмы судов. Там бригада стивидоров (так назывались портовые докеры в лесных портах) бегом разносили доски по трюму, чтобы освободить место для очередного пакета. Доски очень плотно укладывали рядами, чтобы не сдвинулись во время шторма.

Мы любовались парящими в воздухе пакетами досок на стропах плавучих кранов, буксирами, подводящими к кранам баржи с пиломатериалом.

- Порт работает, как заведенный механизм, - сказал не без гордости Еременко, заместитель директора по экспорту.
- Мне все-таки неспокойно, - ответил Долинин, - надо было тебя оставить в комбинате.
- Не беспокойтесь, начальник производства - опытный человек, да и мы будем не за тридевять земель, - успокоил его Еременко.

Наш катер следовал вверх по протоке, навстречу попадались буксиры, похожие на утюги; разгоняемые ими волны покачивали наш катер. С буксиров неслись гудки - они приветствовали катер директора комбината. Долинин махал рукой знакомым капитанам.

Вдоль протоки стояли караваны барж, груженные пиломатериалом, который прибыл из Енисейска и Маклаково. Комбинат ежегодно отгружал за рубеж около миллиона кубометров добротной сибирской сосны, запасы этой

ценной породы леса постепенно истощались. В окрестностях Игарки такой лес давно исчез.

Дальше наш катер проходит мимо огромных плотов – сигар из круглого леса. В каждом таком плоту около двух тысяч кубометров бревен, зимой они будут распилены в лесопильных цехах комбината.

Наконец катер вышел из тихой протоки и оказался на просторе могучего Енисея. По реке катились невысокие волны, они разрезались острым носом катера, уходили за корму двумя частями, которые постепенно, гонимые ветром, воссоединялись. Наш путь лежал к острову, на котором стояла бригада рыбаков местного рыбозавода. Они были предупреждены о нашем приезде. Никто не брал с собой рыболовных снастей, надеясь на рыбу, пойманную бригадой. Я, на всякий случай, захватил с собой катушку жилки и блесну типа «Байкал».

На острове нас встретили две женщины средних лет. Одна, стройная, высокая, крепкого телосложения, была одета в мужскую одежду, на голове с короткой стрижкой, задорно сдвинута на затылок мужская фуражка. Весь ее облик напоминал парня - ухаря, а не женщину. Вторая, лет тридцати пяти, полнеющая женщина в ситцевом платье, с косынкой на голове, из-под которой выглядывали вьющиеся волосы, воплощала скромную хозяйку семейства.

Филипп Григорьевич, давно знавший женщин, представил нам Варвару и Валентину.

- Где бригада рыбаков? - спросил я его.
- Это и есть вся бригада, тебе не нравятся рыбачки?
- Ожидал, что встречу на острове мужчин.

Мы все столпились около тлеющего костра. Рядом стоял длинный стол на ножках из кольев, вбитых в землю, поодаль две палатки.

- Вы что, приехали греться у костра? - раздался гортанный голос Варвары. - Пойдемте за рыбой.

Любопытство заставило всех последовать за ней. Варвара подошла к берегу, взяла в руку веревку, привязанную к толстой ветке тальника, росшего на кромке воды, и приподняла квадратный садок из металлической сетки. В садке плавало больше десятка разнокалиберных стерлядей. В ее руке оказался острый крючок из толстой проволоки, который висел в кусте. Она ловко поддевала им рыбу и перекладывала в ведро, подставленное Валентиной.

Когда ведро с рыбой оказалось около стола, наши женщины засуетились. Привезенные с собой продукты стали раскладывать на столе, самую крупную стерлядь определили для ухи, из остальной стали готовить «талу». Меня заинтересовало это блюдо. Я часто называл свою жену украинским именем - Тала. Она родом из Украины, во время войны с родными эвакуировалась в Новосибирск.

Валентина принесла эмалированную миску, женщины нарезали трепещущуюся стерлядь на круглые ломтики, посолили, поперчили и

поставили миску с рыбой на солнце. Через полчаса на кусочках рыбы выступил желтый жир, блюдо было готово к употреблению.

За столом командовал Филипп Григорьевич, он поблагодарил за гостеприимство рыбачек и первый тост предложил за их здоровье. Все закусывали сырой стерлядью, хвалили «талу». Мне сырая рыба не понравилась, я решил дождаться ухи, а вот моей жене очень понравилась, она даже отказалась от всех других закусок.

После общих разговоров за обеденным столом участники пикника разошлись по поляне около палаток. Кто – то улегся загорать, кто – то играл в бадминтон, большинство играли в волейбольный мяч. Мы с Наташей отправились на озеро, лежащее в центре острова. Со слов Варвары мне стало известно, что там водились щуки. За нами увязался Павел Еременко со своей женой Ларисой. При подходе к озеру мы вспугнули выводок уток. Отлетев на почтительное расстояние, они вновь опустились на воду.

Перед нами лежала гладь озера, сверкающая в лучах палящего солнца. Его ширина - метров тридцать, длина - больше сотни метров, берега утопали в зарослях осоки, в воде отражались тени деревьев, растущих на противоположном берегу. Я привязал блесну к жилке, размотал с катушки метров пятнадцать лески и бросил блесну на середину озера. Небольшими рывками вытягивал леску на берег, в какой -то момент почувствовал удар по блесне, но рыба не заглотила блесну.

- Была поклевка, здесь есть рыба, - обрадовано произнес я.

- Дай я, дай я попробую поймать, - попросила Наташа.

Мне хотелось доставить ей удовольствие. Забросив блесну в воду, передал леску. Она начала выбирать ее в траву. Неожиданно крикнула:

- Ой!

Рыба вырвала леску из рук Наташи, жилка быстро уходила в воду. Едва я успел схватить катушку с жилкой, как почувствовал резкий рывок. Рыба сама себя подсекла. Она долго металась в воде, несколько раз на поверхности озера появлялась щучья голова и спина. Когда щука утомилась и успокоилась, я передал леску Наташе со словами:

- Вытаскивай сама из воды свою добычу.

Мне было интересно наблюдать за своей женой. Лицо ее было сосредоточенным, руки медленно выбирали леску, на лбу появилась испарина. Это была первая крупная рыба, пойманная в ее жизни. Рядом стояли Павел и Лариса.

- Тяни быстрее, а то сорвется, - советовал Павел.

Вскоре на берегу в траве подпрыгивала небольшая щука, весом около килограмма. Мне доставляло удовольствие не пойманная рыба, а радость жены. Она вся преобразилась, глаза сияли, лицо светилось счастливой улыбкой. Я не удивился бы, если бы она, как маленький ребенок, запрыгала и захлопала в ладоши.

- Я тоже хочу поймать щуку, - раздался голос Ларисы.

Мне не нужна была рыба, лучшим удовольствием было видеть радость своей жены, поэтому без сожаления передал снасть Павлу. После нескольких

бросков блесны, Ларисе удалось поймать более крупную щуку. Она визжала и кричала от радости. Павел хотел ей помочь, но она поворачивалась к нему спиной и произносила:

- Отойди, не мешай, я сама!

Когда щука оказалась на берегу, возникла проблема, как из зубастой пасти извлечь блесну. Павел наступил ногой на хищницу и попытался руками развести челюсти. Кожа больших пальцев обеих рук была мгновенно проколота ее зубами. Он отдернул руки, на пальцах были видны капельки крови.

- Помой руки и выдави из ран побольше крови, чтобы не получить заражение, - посоветовал я ему.

Этот инцидент немного умерил общий восторг от рыбалки. Мне пришлось отломить от куста тальника сухие палки, раздвинуть ими челюсти щуки, протолкнуть палочкой блесну вглубь пасти, чтобы освободить крючки и осторожно за металлический поводок вынуть блесну.

Щук мы повесили на куканы из веток тальника и вручили женам их добычу.

На стане наш улов вызвал удивление и восхищение. День клонился к концу, хотя солнце не думало спускаться с высоты голубого небосвода. Рыбачкам было пора плыть проверять сети, к ним ежедневно за уловом приходил катер рыбозавода, в трюме которого был холодильник.

Простившись с гостеприимными женщинами, мы по узкому дощатому трапу поднялись на палубу катера, матрос поднял трап, катер медленно задним ходом двигался от берега, все посылали прощальные взмахи руками рыбачкам, стоящим на берегу.

С тех пор прошло более сорока лет, я бывал на многих более удачных рыбалках и пикниках, но они не сохранились в моей памяти, а эта запомнилась на всю жизнь.

Происхождение фамилии

Как всегда, я остановился в гостинице «Енисей». За день набегался по Красноярску, по проектным организациям, уставший добрался до своего номера, уселся в кресло и стал обдумывать план действий на завтрашний день. В это время постучали в дверь.

- Войдите, - сказал я, не вставая с места.

Дверь открылась, и в номер вошла знакомая мне дежурная. Она, вероятно, видела, когда я проходил по холлу, и последовала за мной.

- Нам пришла странная телеграмма от вас, вы просите забронировать место, а сами живете в гостинице третий дань, - сказала она тихим приятным голосом.

- Позвольте посмотреть телеграмму?

Я подошел к ней и взял протянутый мне бланк.

Депеша была послана из Перми и подписана фамилией Койков. Дежурная не обратила внимания на вторую букву в подписи. Там стояла буква «о», а в моей фамилии вторая буква «а». Меня очень заинтересовал человек с такой фамилией, он мог быть моим родственником. Возвращая телеграмму дежурной, сказал:

- Это возможно мой родственник, забронируйте, пожалуйста, ему номер и известите меня, когда он вселится.

После ухода дежурной уселся в кресло и стал вспоминать всю свою родню. У отца было четыре сестры и три брата, все они носят фамилию Койковы, а я Кайков. Когда отцу выдавали паспорт, паспортистка допустила ошибку, он не обратил внимания на написание фамилии. И вот теперь семья отца носит фамилию отличную от фамилии многочисленной родни. Кто же мог лететь в Красноярск?

На следующий день я узнал, что интересующий меня человек вселился в гостиницу. Вечером позвонил ему из номера:

- Добрый вечер, вы Койков?
- Да, - последовал ответ.
- Я тоже Койков, живу в этой гостинице на втором этаже.
- Поднимайтесь ко мне на третий этаж, у меня есть две бутылки пива.

Меня встретил мужчина крепкого телосложения, с приятным лицом и веселыми глазами. Сидя за стаканом пива, мы рассказывали друг другу свои биографии, делились своими увлечениями, пытались найти общие корни в наших родословных.

У нас с Николаем - так звали моего собеседника - было очень много общего. Оба увлекались охотой и рыбалкой, любили бывать на природе. Эти страсти побудили его закончить лесотехническую академию. Работая в московском проектном институте Гипролеспром, он исколесил всю страну.

Вот что он рассказал мне о происхождении нашей фамилии.

В петровские времена из Вятской губернии был отдан в рекруты крепостной Прошка, который попал служить на Флот. Отслужив двадцать пять лет, побывав во многих баталиях, получил медаль за храбрость, заслужил вольную и вернулся в родную деревню. В его лексиконе было много слов непонятных односельчанам. Например, он кровать называл странным словом койка. За ним закрепилось прозвище Койка, унаследованное его потомками. После отмены крепостного права крестьянам стали давать фамилии, многие прозвища перешли в фамилии. У Прохора была большая родня, всем им дали фамилию Койковы.

В период столыпинской реформы многие Койковы разъехались на свободные земли, в том числе за Урал.

Выслушав версию Николая, я предложил ему считаться братьями и дружить. Он согласился, дважды приезжал со своей женой Галиной ко мне в Новосибирск, я, бывая в Москве в командировках, постоянно навещал его в деревне Ивантеевке, где он жил в доме своих предков.

Как приятно жить в доме, думал я, в котором жило несколько поколений твоей родни. Вот только такой дом можно назвать отчим, своей малой Родиной.

Я за свою жизнь побывал во многих городах, жил в разных квартирах, но ни одна квартира не оставила в душе ностальгии по прошлой жизни. А вот дом, построенный отцом, в котором прошло мое детство, вспоминаю постоянно.

В дальнейшем, анализируя разговор с Николаем, я вспомнил, что отец иногда употреблял в разговоре поговорку: «мы люди из Вятки, на работу хватки». Это подтверждало догадку, что мой прадед Михаил, возможно, приехал на Урал из Вятской губернии. С большим опозданием я задаю себе вопрос: почему отец никогда не рассказывал о братьях Михаила, своих дядьях? В те времена у сельских жителей было по многу детей. Не мог же мой прадед Михаил иметь только одного сына Федора. Вероятно, его дети были зажиточными крестьянами, их раскулачили и репрессировали, поэтому мои родители о них умалчивали.

Охота на уток

Быстро пролетело короткое северное лето, многих не радовало наступление хмурой ненастной погоды. Солнце временами появлялось в просветах между черными тучами и одаривало землю своим последним теплом. Только у охотников было приподнятое настроение – приближался сезон охоты на водоплавающую дичь.

- На охоту собрался? – спросил меня Володя Архипов, когда я вошел к нему в кабинет.
- Всегда готов, хоть сегодня.
- Сегодня рано. Долинин выделил охотникам катер, послезавтра на нем пойдем на левый берег Енисея, там бесчисленное количество озер, будь готов.
- Слушаюсь, товарищ начальник! – пошутил я.

Этот разговор нарушил мое душевное состояние, появилось беспокойство и утомительное ожидание выезда. В рюкзак были уложены патроны, хлеб, вермишель, сахар, лук, лавровый лист и соль. И, на всякий случай, консервы. В первую очередь положил кружку, миску, деревянную ложку. При сборах всегда вспоминал случай из детства, когда на рыбалку не взял ложку и чуть не остался голодным. Рядом в чехле лежало ружье. Шестилетний сын Саша постоянно крутился около рюкзака и ружья.

- Папа, - обратился он ко мне, - дай мне подержать в руках ружье.

Пришлось вынуть ружье из чехла, собрать и дать ему в руки. Ружье было для него тяжелым, он не смог приложить его к плечу.

- Возьми меня с собой на охоту, - попросил он умоляющим голосом.
- Обязательно возьму, только в другой раз.
- В какой другой раз?
- Когда будет хорошая погода.

. . . Катер шел вдоль берега Енисея, небольшая волна слегка покачивала его и охотников, столпившихся в носовой части перед рубкой. Ветер сменил направление, угнал хмурые тучи на северо-восток. По небу поплыли редкие перистые облака. Мы наслаждались осенним солнечным теплом. У нас в Сибири этот период года называется «бабьим летом». По просьбе охотников катер приставал носом к песчаной косе, в местах ими указанных, и группы по два - три человека сходили на берег. Наша группа из четырех человек высадилась последней. Ориентиром были высокие сосны вдали, за лиственным лесом, который рос вдоль берега. Преодолев широкую отмель, мы увидели перед лесом льдину толщиной около двух метров. Она была завалена сверху мусором. Весеннее половодье вынесло ее далеко на берег, где она зацепилась за деревья и под их тенью пролежала все лето.

- Прекрасный холодильник, - сказал Виктор Морозюк, начальник пожарной охраны комбината.
- Сначала добудь уток, потом думай о хранении, - послышался голос Володи Архипова.
- Добудем, - уверенно ответил Виктор.

В дальнейшем каждый вырубил в ней нишу и хранил добытых уток. Меня удивило, что льдина не растаяла за лето. Теперь ей лежать до следующего паводка.

С рюкзаками и ружьями на плечах мы шли друг за другом по тропе, которая виляла между деревьями и полусгнившими пнями. Тропа уводила нас на запад от Енисея, лучи солнца пробивались сквозь кроны леса множеством солнечных зайчиков, которые прыгали по стволам и по тропе при покачивании вершин деревьев.

Я впервые был в этих местах, замыкал шествие и рассматривал местность. Белоснежные стволы стройных берез без сучьев тянулись вверх, на их вершинах лохматые кроны смыкались между собой. Местность была неровной, ноги, обутые в тяжелые болотные сапоги, часто спотыкались о кочки. В пониженных участках, где весной подолгу задерживается талая вода, красовались зеленые стволы осин.

Неожиданно перед нами поднялся с земли выводок рябчиков. Отлетев недалеко, птицы расселись на ветки, вытянули шеи и с любопытством наблюдали за нами. Им незнаком был человек, они не знали, насколько он опасен для них.

- Как жаль, что ружья в чехлах, - произнес Алексей Сидельников, - добыли бы рябчиков.
- Не суетись, - успокоил его Виктор Морозюк, - все в свое время.

Когда - то здесь росли кедры и сосны. В том бору эвенки охотились на соболей и белок. Их стойбище находилось против Игарской протоки, в которой удобно было неводить и добывать ценные породы рыбы. В начале

тридцатых годов хвойный лес вырубили, пушной зверь исчез, эвенки откочевали. Со временем все вырубки захватили березы и осины, сохранились только отдельные островки сосен, которые по каким - то причинам пощадили лесозаготовители. Вот до такого островка мы добрались через несколько минут. Высокие, развесистые, толщиной больше, чем в обхват, сосны стояли среди лиственного леса, который был значительно ниже их. За этим лесом простиралась лесотундра с бесчисленным количеством озер, на которых нам предстояло охотиться. Сосны были хорошим ориентиром для выхода к лагерю с места охоты.

Наскоро разбив лагерь, поспешили на вечернюю зорю. Выйдя на кромку леса, мы увидели бескрайние просторы, покрытые изумрудом зелени, опоясывающей, как ожерельем, голубую гладь озер. Светило спешило спрятаться за горизонт, в его лучах купались камыши многочисленных озер. До темноты оставалось мало времени. Всем хотелось, как говорят охотники, «стрельнуть», чтобы добыть уток на сурпу.

Перед нами лежало озеро, берега которого заросли аиром и осокой. На плесе плавало несколько выводков уток, над водой кружили чайки. Их было несколько видов. Маленькие крачки, с черной головкой, виртуозно носились над озером, затем стремительно падали камнем вниз и выхватывали мелкую рыбешку. Крупные чайки-бургомистры спокойно взмахивали крыльями, затем парили, проделывая замысловатые виражи, высматривая добычу. Внезапно падали на воду, выхватывали трепещущую рыбу и улетали.

Охотники и рыбаки не любят крупных чаек - хищниц. Они вытаскивают рыбу из сетей, рвут и запутывают снасти. Часто нападают на утят и гусят, охотятся на беззащитных куропаток, не брезгуют тундровыми грызунами-леммингами. Эвенки для отпугивания ненавистной птицы вблизи сетей на шесте подвешивают за ноги убитую чайку – пугало.

Надвигался вечер, ветер утих, солнце стояло низко над горизонтом, небосвод на западе был окрашен в яркий, красно-золотистый цвет. Лучи солнца, отражаясь от зеркальной поверхности озера, разливались яркими красками на прибрежных камышах, слепили глаза. Вся эта необычайная, яркая гамма красок подчеркивала силу и красоту заполярной природы.

Мы разошлись по периметру водоема, устроились в камышах у кромки воды, чтобы незаметно и удобно стрелять по пролетающим уткам.

Передо мной плавала гагара, глубоко погрузившись в воду озера, как подводная лодка. Она крутила головой и настороженно поглядывала по сторонам. Я не нуждался в такой дичи и высунулся из укрытия. Она моментально нырнула и появилась вновь на поверхности воды на другом конце озера.

После нескольких выстрелов все утки, плавающие на озере, поднялись на крыло и улетели. Я ждал вечернего перелета, сжимал в руках ружье, готовый к выстрелу в любой момент. Утки не пролетали. Недалеко от нашего озера табунки поднимались в воздух, пролетев небольшое расстояние, опускались за камышами. Они словно дразнили нас.

Солнце красным диском закатывалось за камыши, предвещая хорошую погоду на завтра. Морская поговорка гласит: «солнце красно поутру – моряку не понутру, солнце красно с вечера – моряку бояться нечего». Начало смеркаться, перелета уток так и не было.

Когда все собрались на стане, я посетовал Володе:

- Не ожидал я, что в этих местах такая охота, на четырех человек добыли всего две утки. Перелета не было.

- Успокойся, утром убедишься, сколько на озерах дичи. Здесь нет перелетов, как на материке. Там водоемов мало, утка летает на поля кормиться, а вечером возвращается на свое озеро. Здесь всюду кормовые озера, утки ведут себя иначе. Завтра пойдем охотиться с подхода.

На стане кипела работа. Уже пылал костер, Алексей Сидельников теребил уток (он работал заместителем директора комбината по экономике), Морозюк чистил картошку, Володя доставал из рюкзака котелок. Мне пришлось взять топор и отправиться собирать сухие дрова, чтобы хватило на всю ночь.

Я хорошо знал правило – на коллективной охоте нельзя прохлаждаться, когда все заняты делом. Такого лодыря следующий раз с собой не пригласят.

От котелка исходил приятный аромат сурпы. Так охотники называют суп с уткой и вермишелью. Мы сидели около костра, как первобытные люди, и отмечали охотничий праздник. Первый тост был за открытие охоты, вторым поздравили Сидельникова с «полем». Он единственный из нас добыл уток.

На душе было тихо и спокойно, забылись все производственные дела, я оказался в другой реальности. Кроме товарищей, сидящих у костра, для меня ничего не существовало. Какие-то невидимые нити связывали и роднили нас общими интересами. О работе никто не говорил, хотя у каждого было достаточно проблем. Охота – лучший отдых от умственного напряжения и житейских проблем. Не зря поговорка гласит: «дни, проведенные на охоте, в счет жизни не засчитываются».

Чай, заваренный брусничником, сорванным вместе с корнями, имел темно-малиновый цвет. Он прекрасно утолял жажду после сытной сурпы.

Через кроны деревьев на меня смотрели звезды с далекого небосвода и, мне казалось, лукаво подмигивали.

- Около озера бродит Михаил, - сказал между прочим Морозюк, попивая из эмалированной кружки чай.

- Какой Михаил? – насторожился Сидельников.

Он, как и я, был в этих местах впервые.

- Косолапый, - ответил Морозюк.

- Жаль, что не взял с собой патроны, заряженные пулей «жакан», - произнес я с сожалением.

- Хорошо, что забыл. Зачем нам неприятности? Мы медведя не тронем, и он нас не тронет, - рассудил Володя.

- Года три назад, - начал рассказывать Морозюк, - мы пригласили сюда на охоту Петра Васильевича, начальника второго лесопильного завода. Он увидел через озеро на противоположном берегу медведя. Прибежал

испуганным на стан и больше на охоту не пошел. С тех пор охотится на болотах около реки Гравийки, добывает чирков. Говорит, что чирки – самая вкусная утка. . .

- «Волков бояться – в лес не ходить», - ответил Володя поговоркой.

Время перевалило далеко за полночь, разговоры не умолкали, после сытного ужина мне захотелось прилечь. Я положил около костра два обрубка от ствола сухого дерева и улегся на них, подложив под голову плащ. Сон быстро сморил меня, разговоры товарищей убаюкивали, как в детстве сказки бабушки.

Проснулся под утро от боли в левой руке, как от укуса овода. Схватил правой рукой болящее место, чтобы наказать нарушителя моего сна, и обжег ладонь. Моментально вскочил на ноги, у меня тлел рукав ватной фуфайки.

Ночь уже покидала лес, надвигалось серое утро, луна сменила свой ярко-желтый цвет на бледно-белый и спустилась к горизонту. Я разбудил приятелей. Мы доели разогретую супру, запили горячим чаем, надели рюкзаки и отправились бродить вдоль многочисленных озер и болот.

Охота с подхода требует определенного умения и навыка. К озеру надо подходить осторожно и скрытно. Увидев уток, приходилось сгибаться ниже травы или ползком по высокой осоке подкрадываться к воде. У уток прекрасное зрение, охотник должен первым увидеть их и успеть выстрелить до взлета. При этом надо думать, как затем достать добытую дичь.

Утренними солнечными лучами обагрились камыши и высокие травы, ласковый ветерок гулял по простору. Правее озера, на котором мы охотились вчера, простиралась большая равнина, заросшая осокой. Отвернув голенища болотных сапог, я направился по ее левой кромке к видневшимся вдали зарослям аира, за которыми предполагал, что может быть озеро. Мои предположения оправдались. Осторожно выглянул из зарослей аира и увидел на воде несколько табунов уток нырковой породы. Видимо, озеро было глубокое и рыбное. В центре плавали гоголи, сверкая на солнце белыми щеками и боками, левее меня резвились лутки, постоянно ныряя за добычей. Их красно-рыжие головы отливались рыжим блеском в лучах утреннего солнца. Я не люблю этих уток – их мясо сильно пахнет рыбой. Мое внимание привлек табун крупных морских чернетей, плавающих в правом углу озера. Они очень мясисты, их вес больше килограмма. Осторожно отступил назад, стал в обход подкрадываться к табуну. Утки всегда надеются на свое зрение больше, чем на другие органы чувств, поэтому подойти к ним скрытно не составило труда. Наблюдая за ними из высокой осоки, долго ждал, когда сплывутся несколько штук вместе. Они, как назло, не сплывались. Улучив момент, когда два черныша оказались рядом, выстрелил. Доставать из воды дичь пришлось с помощью шнура и привязанной к нему палки. Продвигаясь в северном направлении, подошел к озеру, покрытому ряской. Прямо передо мной плавали шилохвости. После выстрела, шилохвостые поднялись не только с поверхности воды, но и из осоки, окружающей озеро. Они хлопали крыльями, как в ладоши, по случаю моего промаха вторым выстрелом влет.

Я обходил водоем за водоемом, сделав большой полукруг, пока не подошел к длинному озеру, на котором увидел гусей. Они не заметили меня и спокойно сидели на воде под высоким берегом, заросшим тальником. До них было метров двести. Сердце радостно забилось, казалось, удача сопутствует мне. Отошел подальше от озера и осторожно направился в сторону кустов, против которых плавали гуси. К кустам подходил еле дыша. До озера оставалось метров пять, через кусты виднелась чистая поверхность воды, гусей не было видно. Пробираться через кусты ближе к воде не имело смысла - шумом можно вспугнуть гусей. Внимательно разглядывал поверхность озера, на воде никого не видел. Неожиданно из-под берега, прямо против меня, выплыла шилохвость. Она вытянула шею и крутила головой.

- Неужели у берега плавали утки, а не гуси, - подумал я, - может, выстрелить в эту утку?

Пока я так размышлял, шилохвость с шумом поднялась и полетела над водой. Словно по ее команде, метрах в пятнадцати правее, взлетел табун гусей. Они плавно взмахивали крыльями и удалялись от меня над поверхностью воды. Кусты не дали мне возможности выстрелить.

Досады и разочарования не было. Видимо, гуси отплыли от того места, где их увидел или сам ошибся – подошел не к тому кусту.

Так я бродил от озера к озеру по высокой осоке, по кочкам и через кусты, пока не набрел на небольшое и неглубокое озеро, усыпанное гусиным пером, в воде плавала неизвестная мне вьющаяся трава. Озеро, видимо, было кормовым. Здесь я решил обосноваться и дождаться прилета гусей на кормежку. В рюкзаке лежало больше десятка уток, можно было отдохнуть.

Выбрал кочку, на которой можно было сидеть, скрываясь в высокой траве. За день ходьбы сильно проголодался, достал из рюкзака термос, хлеб, колбасу и с аппетитом утолял голод.

День угасал, похолодало. «Не пора ли возвращаться в лагерь, пока светло», - промелькнула мысль.

Но вот, наконец, наступил долгожданный момент. К озеру на небольшой высоте плавно летели два гуся. Они пролетали вдоль озера за моей спиной. Первым выстрелом был сражен впереди летящий, он камнем падал вниз. Чтобы стрелять во второго, пришлось развернуться. После выстрела он падал на почтительном расстоянии. Я вновь развернулся, чтобы посмотреть, куда упадет первый гусь, но он уже упал, и я не увидел место падения. В воздухе плавно, покачиваясь, спускалось в траву маленькое гусиное перышко. В месте его приземления лежал гусь. Положив добычу около рюкзака, отправился искать второго гуся. Мои поиски были тщетными - точного места падения я не видел. Искать среди кочек, в траве по пояс, - дело безнадежное. Пока искал, к озеру несколько раз подлетали гуси, но заметив меня, удалялись. Пришлось прекратить поиски и занять свое место вблизи воды.

Гуси прилетали в одиночку и группами, смело садились на воду в разных концах озера, зная, что их здесь никто не побеспокоит. Над озером стоял гогот. Отдельные птицы махали крыльями, не отрываясь от воды, словно

разминая суставы. Зачарованный, я забыл о времени и ждал, когда они подплывут ко мне. Вскоре мое терпение было вознаграждено. Прямо передо мной опустились на воду два гуся. После моих выстрелов вся гусиная армада поднялась в воздух и улетела.

Вокруг меня сгустилась тьма. Охваченный удивительным зрелищем и азартом, я не подумал, как в темноте буду выбираться.

Взвалив на плечи рюкзак с тремя гусями и утками, двинулся в обратный путь. Меня охватило беспокойство – темнота скрыла сосны, в сторону которых надо было идти. Я знал направление движения, но по пути лежали озера и болота, обходя которые, легко сбиться с нужного направления. Пришлось идти по своему следу, которым бродил целый день от озера к озеру. На небе высыпали звезды, потянуло осенней прохладой. Меня не покидала мысль: только не потерять свой след, который разыскивал по примятой траве. Ближе к полуночи услышал выстрелы с левой стороны от моего маршрута. Меня потеряли и давали сигнал о месте нахождения лагеря. Пришлось сделать ответный выстрел, чтобы знали, что со мной ничего не случилось. Напрямую на выстрелы не пошел, продолжал идти своим следом.

Перед лесом вздрогнул от испуга, прямо передо мной с дерева сорвалась полярная сова, захлопав широкими крыльями. Полярные совы значительно крупнее наших сибирских, в зимний период имеют белоснежный цвет.

К лагерю добрался, еле волоча ноги, в два часа ночи. Меня ждали обеспокоенные товарищи. Вместо рассказа о своих приключениях, вытряхнул около костра из рюкзака свою добычу.

- Завтра на охоту не пойду, буду отсыпаться, - сказал и полез в палатку спать.

Проснулся поздно. Через брезент палатки слабо пробивался дневной свет. В лесу отбивал морзянку дятел. Меня удивил треск дров в костре. Когда вылез из палатки, то увидел Сидельникова.

- Ты почему не на охоте? – удивился я
- Разогреваю тебе завтрак.
- Не хитри, говори, в чем дело?
- Пойдем вместе охотиться на гусей.
- Я же сказал вчера, что сегодня у меня выходной.
- Покажи место, где охотился.
- Вставай на мой след, и он приведет тебя к месту охоты.
- Сколько времени идти?
- К вечеру доберешься.
- Ты же говорил, что петлял по озерам, напрямую ближе.

Мне очень не хотелось идти по кочкарникам и болотам. Отказать в просьбе - означало: потерять уважение товарищей.

- Хорошо, поем и пойдем.

Чтобы сократить дорогу, повел Алексея напрямую к длинному озеру, на котором видел шилохвость. Путь пролегал через болото, покрытое кочками и заросшее осокой. Осеннее солнце заливало своими лучами округу и ласкало

наши лица своим теплом. В воздухе стоял запах болота и сырого мха. Перед нами постоянно взлетали бекасы и стремительно с писком уносились вдаль.

- Вот где раздолье для охоты с легавой, - мечтательно произнес Алексей.
- Заводи сеттера или пойнтера.
- Эти собаки – аристократы, не для заполярья.
- Ты будешь первым, кто заведет такую собаку.
- Мне очень нравится ирландский красный сеттер, но здесь сезон охоты меньше месяца, держать теплолюбивую собаку придется в квартире.
- Зато какое получишь удовольствие, - я подтрунивал над ним.
- Нет, уволь от удовольствия выгуливать собаку три раза в день. Сам - то держишь лаек, а мне советуешь завести сеттера.
- Кому какая собака нравится, тот такую и заводит. Мне больше нравится охота по зверю. Там идет соревнование, у зверя есть шанс убежать или обмануть охотника.

Когда вдали показались кусты на берегу озера, которые помешали мне стрелять в поднявшихся с воды гусей, повернул к левой оконечности озера, где нашел свой след, идущий к месту моей охоты.

- Эта тропа приведет тебя к моей засидке, - сказал Алексею, - если место не понравится, выбери другое. Гуси чаще садились в другом конце озера.
- Еще далеко идти? – спросил Алексей усталым голосом.

По его лицу катился пот, ватная фуфайка была расстегнута.

- Не больше тридцати минут.

Вернувшись в лагерь, ощипал и опалил уток, чтобы к приходу охотников приготовить ужин. Повесил котелок над костром и присел отдохнуть.

В лесу вокруг меня шла своя жизнь. Дятел без отдыха стучал своим крепким клювом по стволу дерева, добывая короедов и других вредителей леса. Вот лемминг перебежал тропу и скрылся в траве. Это полярная мышь, излюбленная пища песцов. Несколько раз полосатый бурундук заскакивал на ствол сосны и внимательно смотрел в сторону лагеря. Видимо, мы своим присутствием нарушили его покой. В вечерних сумерках по лесу разносился трубный голос лося. Он вызывал на поединок соперника, начался период гона.

В заполярье осенью темнеет рано. В надвигающейся темноте послышались шаги, и к костру вышли Архипов и Морозюк с тяжелыми рюкзаками.

- Где Алексей? – был первый вопрос.
- Пошел за гусями, - ответил я.
- Мы не советовали ему испытывать судьбу, - сказал Морозюк.
- Придется ждать и его всю ночь, а завтра рано утром за нами придет катер, - сказал раздосадованный Архипов.

Сидельникова долго ждать не пришлось. Часа через два, после того, как мы поели, он предстал перед нами в мокрой одежде.

Мы с любопытством смотрели на него и ждали рассказа. Он молча сел на колоду, снял болотные сапоги, вылил из них воду, выкрутил портянки и носки. Первым не выдержал Володя:

- Где гуси? Или ты их утопил?

В это время Алексей снимал пустой рюкзак.

- Нет там никаких гусей, и не было, - произнес он с досадой и обидой, - за весь вечер даже вдали не пролетел ни один гусь.

- Как не было! Разве ты не видел массу пера на воде? – вмешался я в разговор.

- Это перо, наверное, осталось после линьки.

Я почувствовал себя виноватым в его неудаче и даже обманщиком. Скорее всего, Алексей так и думал. Меня выручил Морозюк:

- Мы тебя предупреждали, чтобы не ходил на обстрелянное место. Гуси никогда не прилетают на озеро, на котором их потревожили.

- Расскажи, как тебя угораздило искупаться? – поинтересовался Володя.

- На обратном пути, уже по темноте, налетели утки. После выстрела одна упала в болото. Побежал к ней, не отводя взгляда от точки падения, споткнулся и растянулся во весь рост.

Володя достал из палатки запасное нижнее белье и протянул Алексею, который развешивал мокрую одежду вокруг костра.

- Всегда брал с собой запасную одежду, а тут, как на грех, не взял, - произнес Алексей, принимая с благодарностью белье.

- Придется тебе, Алексей, сушить одежду всю ночь, чтобы завтра не ехать в город в исподнем, - пошутил Морозюк, отправляясь в палатку.

- Наденет сверху мой плащ, и никто не обратит на него внимание, - поддержал я Морозюка.

Утром, возвращаясь на катере в город, думал о доме, работе. Двухдневная благодать закончилась. Я начал обдумывать, какие документы мне надо взять с собой в командировку. Видимо, такое же состояние было у моих напарников. Первым нарушил молчание Морозюк, обращаясь к рулевому:

- Пожары в городе были?

- Не слышал.

- Значит, не было, иначе знал бы весь город, - вздохнул он с облегчением.

Командировка

Обстоятельства торопили меня в командировку. Заканчивался срок представления в отделение Стройбанка пересчитанных смет на строящиеся объекты. Управляющий Игарским отделением Стройбанка Кустов грозился закрыть финансирование.

В семидесятые годы прошлого века изменилась стоимость строительных материалов и услуг. Все сметы пересчитывались по индексам, проектные институты не справлялись с нахлынувшим объемом работ. Заказчикам было дано право самим пересчитать сметы, согласовав их до утверждения с

проектными организациями. В зависимости от стоимости объекта, многие сметы утверждались в Главке или Министерстве.

И вот я с тяжелым портфелем, набитым сметной документацией, и ведром туруханской селедки лечу в Москву с пересадкой в Новосибирске. Заместитель начальника «Главлесдревпром» Дмитрий Константинович Ермолов давно просил меня угостить его экзотической селедкой. Он много слышал о ней, но никогда не пробовал. От обычной селедки она отличается меньшим размером, округлой формой, высокой жирностью и нежным вкусом. Моя командировка совпала с заходом селедки в Енисей, и я успел заготовить бочонок рыбы, которая каждый год в сентябре проходит около Игарки, доходит до Туруханска, затем, отметав икру, спускается в Обскую губу. Ведро стояло в самолете между моих ног, сидеть было неудобно, зато я надеялся, что утверждение смет пройдет гладко.

В новосибирском аэропорту Толмачево поставил в автоматическую камеру хранения портфель и ведро, захватив с собой только папку со сметами на реконструкцию речного порта, поехал в институт Гипроречтранс. В Новосибирске я планировал пробыть менее суток, так как созванивался с главным инженером института В. Н. Углановым, который обещал долго меня не задерживать. К моему сожалению, в сметах оказались недочеты, и их пришлось перепечатывать.

В аэропорт я приехал через трое суток к окончанию регистрации на мой рейс. Когда вошел в зал камер хранения, мне в нос ударил резкий запах протухшей рыбы. Меня охватило беспокойство. Что делать? Унести ведро за пределы здания – значит опоздать на рейс. Пришлось взять портфель и оставить ведро в ячейке. Пусть простят меня работники аэропорта, которым я доставил неприятность.

Кожаный портфель напитал запах протухшей рыбы и долго напоминал мне о неблаговидном поступке. Я до сих пор чувствую свою вину и не могу забыть этот случай.

Ермолов скептически отнесся к моему рассказу о селедке и стал прохладнее относиться ко мне, чем обычно. Сдав сметы на проверку в отдел капитального строительства, я отправился в отдел оборудования выяснить, когда поступит в Игарку заявленное оборудование. Поздоровавшись с клерком, спросил:

- Мы в прошлом году подали заявку на командирский катер, навигация закончилась, а катера нет. Почему задержка?

- Очень долго не принимал заявку Госплан, требовал разные согласования. Теперь все вопросы решены, на следующий год все лесные порты получат катера на подводных крыльях.

Он протянул мне лист бумаги с графиком поставки катеров, утвержденным начальником Главка Максаковым.

График был разбит по кварталам. В первом квартале значился Архангельский лесной порт, затем Ленинградский, Новороссийский и в четвертом квартале Игарский.

- Почему нам в четвертом квартале? В это время нет навигации, - удивился я.
- График составлялся по алфавиту.
- По алфавиту Игарка должна стоять во втором квартале, измените сроки поставки.
- Не имею права, документ утвержден.

С невысказанным возмущением отправился к Ермолову. Он встретил меня словами:
- Ты у меня сегодня уже был, что-то случилось?
- Нам запланирован катер на четвертый квартал, за зиму его в Красноярском порту разберут по частям. Прошу перенести доставку на второй квартал.
- Не могу, не я утверждал график.

Он мог изменить срок доставки, но не хотел. Мне вспомнилась туруханская селедка. Если бы она не испортилась, простой вопрос решился бы просто.
- Мне идти к Максакову?
- Иди.

Ермолов знал, что на прием к начальнику Главка попасть непросто. Нужно заранее записаться у секретаря, и она назначит время в приемный день.

На такой случай у меня был проверенный метод. Купив шоколадку, выждав момент, когда в приемной не будет посетителей, зашел и положил ее на стол под папки с бумагами. Лилейным голосом произнес:
- Валюша, вы сегодня неотразимы.
- Только сегодня?

Она кокетливо улыбнулась.
- Конечно всегда, но сегодня особенно.
- Довольно льстить, говорите, что надо.
- Валюша, помогите на пару минут попасть к Максакову. Скажите, что человек приехал за тысячи верст и долго прохлаждаться в Москве не может.
- Присядьте. Как только он освободится, я зайду к нему.

Через несколько минут я входил в огромный кабинет. На совещаниях здесь могло разместиться не менее ста человек. За большим столом сидел крепкого телосложения мужчина, с крупными чертами лица и большим носом. Его руки, лежащие на столе, были вдвое больше моих рук. В его облике чувствовалась необыкновенная сила.

« Вот таким должен быть лесозаготовитель», - подумал я.
- Представитель самых дальних окраин, заходи, присаживайся, - встретил он меня густым басом.

Я не успел раскрыть рта, чтобы сказать о цели своего визита, как он задал вопрос:
- Как идет выполнение плана лесокомбинатом?
- План по отгрузке пиломатериала выполнили, еще несколько судов стоят под погрузкой.
- Ты не говори мне общими словами, скажи, сколько кубометров отгрузили.
- Отгрузили один миллион двадцать тысяч, при плане миллион.

Он, видимо, был удовлетворен ответом и о чем-то задумался. Я в свою очередь подумал: «как хорошо, что присутствовал на последней планерке в комбинате и запомнил цифры».

- С чем пожаловал ко мне? – спросил он, вспомнив обо мне.

Я кратко изложил суть вопроса.

- Почему не пошел к Ермолову, это его вопрос?

- График утверждали вы, ему бы пришлось идти к вам.

- Получите катер во втором квартале, а то позорище - директор на буксире ходит к иностранным судам. Скажи, чтобы Валя зашла ко мне.

На следующий день, встретившийся мне в коридоре Клерк, с радостной улыбкой подошел ко мне, хлопнул по моему плечу и произнес:

- Я решил твой вопрос, график переделал, получите катер во втором квартале. Дай три рубля на бутылку.

Достав кошелек, подал ему трешку, чтобы не портить отношение с человеком, который еще может понадобиться.

Дома, в Игарке, меня с радостью встретила жена и сыновья. Все наперебой рассказывали семейные новости. Я обнимал и прижимал их к себе, затем каждому вручил подарок из Москвы.

Вот, что интересного произошло в мое отсутствие: Наташа выгуливала вместе с двухлетним Димой лайку Жима. Собака бегала, резвилась, не хотела возвращаться домой. Тогда Наташа пошла на хитрость и закричала:

- Жим, Жим, Алик приехал!

Собака помчалась к дому, заскочила на высокое крыльцо и стала ждать, когда ей откроют дверь. Следом за Жимом побежал Дима. Оказавшись в квартире, Дима осмотрел комнаты, но меня не нашел. Он поднял на свою маму удивленные глаза и спросил:

- Где папа?

- Папа еще не приехал.

У ребенка потекли из глаз горькие слезы разочарования. О собаке тумолчу.

На следующий день я доложил Долинину о решенных в командировке вопросах. В заключение, улыбаясь, сказал:

- С вас причитается три рубля за катер на подводных крыльях.

- Это еще с какой стати? – удивился Филипп Григорьевич.

Пришлось рассказать в красках о моих похождениях.

- Заходи вечером, соберем пятихатку, будет тебе коньяк.

Пятихаткой у нас называлась встреча директора с главным инженером и тремя заместителями в неформальной обстановке для решения текущих вопросов.

Немного подумав, директор добавил:

- Теперь ты понял, почему я не езжу в Москву в командировки, а посылаю своих заместителей?

- Как не понять, так популярно объяснили, - пошутил я.

. . . Один раз Ф. Г. Долинин все-таки был в командировке. Тому я живой свидетель.

На комбинате была большая очередь желающих купить автомашины. Рабочие хорошо зарабатывали, и каждый стремился увезти на материк машину. Министерство ежегодно выделяло по пять машин. Это была капля в море для большого коллектива, продажа автомашин считалось поощрением для передовиков производства. Директор имел мало возможностей для поощрения передовых рабочих.

Горком партии был неудовлетворен объемами финансирования городских объектов.

Пути решения этих вопросов вели в Министерство. Директора предприятий, которых сотни в Министерстве, не имели возможности попасть на прием к Министру. За решение этого вопроса взялся секретарь Игарского горкома партии Г. В. Радаев.

В Москву мы прилетели втроем – Г. В. Радаев, Ф. Г. Долинин и я. Меня взяли, как я понял, в качестве живого справочника по строительству. Радаев устроился в гостинице «Москва», ему был забронирован номер общим отделом ЦК партии. Долинину и мне проживать в этой гостинице отказали. Пришлось ехать через всю Москву на улицу Полковую, в гостиницу Главка.

На следующий день мы встретились у здания Министерства, которое располагалось в шикарном особняке постройки прошлого века. По парадной широкой лестнице, покрытой ковром, поднялись на второй этаж. Сотрудники Министерства по этой лестнице не ходили, для них были два боковых входа.

В назначенное время референт открыла дверь кабинета и произнесла:

- Министр вас ждет, прошу в кабинет.

Мы увидели пожилого мужчину с седыми волосами, зачесанными назад. Он встал из-за рабочего стола, перешел к длинному столу и, не подавая нам руки, жестом пригласил присаживаться ближе к нему. На нем был серый костюм импортного производства, который хорошо гармонировал с его седыми волосами. Это был Министр Минлесбумдревпрома Тимофеев. Я не запомнил его имени - отчества. В моей памяти он сохранился, как твердый, волевой и грубый человек.

Не успели мы присесть к столу, как в кабинет вошла женщина в белом фартуке и перед каждым из нас поставила по стакану чая с лимоном.

Первым взял слово Радаев, следом поднялся Долинин.

- С чем приехал? – спросил его Министр.

Филипп Григорьевич не сориентировался в вопросе и стал излагать просьбы.

Министр грубо перебил его:

- Ты лучше расскажи, как идет выполнение плана на комбинате?

Долинин стушевался, на его лбу выступил пот, он не ожидал такого оборота событий. Меня не удивило обращение Министра на «ты». В те времена было принято у чиновников высшего ранга так разговаривать с подчиненными, как бы подчеркивая равенство положения. Я сидел пил чай и слушал речь своего шефа. Выслушав Долинина, Тимофеев, подводя итоги встречи, произнес:

- Когда выполнишь план, вот тогда и приезжай с просьбами.

На этом аудиенция была закончена.

Оказавшись на улице, я спросил Филиппа Григорьевича:

- Чай у Министра сладкий?

- Какой чай? Я к нему не притронулся.

Мы с Радаевым рассмеялись.

В тот год комбинат перевыполнил план по всем показателям. Министр сдержал слово, с началом навигации комбинат получил пятнадцать «Москвичей» и пять «Волг».

Этот эпизод я привел не для того, чтобы похвастаться, что пил чай у Министра, а для того, чтобы читатель мог сравнить сегодняшнею торговлю автомашинами с периодом плановой экономики.

Сашина рыбалка

- Папа, когда ты возьмешь меня на рыбалку? – не первый раз обращался ко мне сын.

- В это воскресенье, если будет хорошая погода.

- Ты же обещал. А теперь ссылаешься на погоду.

Мне стало жалко его – я представил себя на его месте. Вспомнил, как мне хотелось в детстве пойти на рыбалку с отцом. Все наши совместные рыбалки помню до сих пор.

- Обязательно пойдем, - уверенно сказал я, - только бы не было дождя.

В воскресенье выдалась ясная, солнечная погода. Саша радовался и помогал мне собираться. В рюкзак положили продукты, кружки, котелок.

- Возьмите трехлитровый бидон, - раздался из кухни голос Наташи, - может, наберете брусники.

Из дома я вышел с рюкзаком и ружьем на плечах, Саша с удочкой в руке. Окраина города находилась через три квартала от нашего дома, дальше начинался лес. Улица вывела нас к лесной тропе, которая проходила мимо двух озер, дальше тянулась десять километров до реки Гравийки и уходила за нее, в угодья охотников-промысловиков.

Лес уже тронула осень. Листья берез начали желтеть и на фоне хвойных деревьев рассыпались золотом в лучах осеннего солнца. В тени деревьев чувствовалась прохлада, и мы не пожалели, что надели теплые вещи.

Рыбачить решили на первом лесном озере, раскинувшемся среди хвойного леса. Берега его были высокими, всюду торчали корни деревьев. Видимо, за летний период вода сильно опала, она казалась черной, в ней, как в зеркале, отражались кроны деревьев.

Со слов знакомых рыбаков, здесь хорошо клевали караси на хлеб и тесто. Мы нашли на берегу вытоптанное рыбаками место, где из воды торчали рогульки для удилищ.

- Саша, здесь надо остановиться, - предложил я, - место удобное и рыбаками проверенное.

Положив на траву рюкзак и ружье, помог ему наладить удочку и насадить на крючок тесто.

Рыба не заставила себя долго ждать. Саша поймал гольяна. Я набрал в бидон воды и пустил в него рыбку.

Мне приятно было наблюдать за сыном, который умело подсекал рыбу, снимал с крючка и опускал в бидон. «Растет надежная смена», - подумал я. Через полчаса он поймал штук двадцать гольянов, караси клевать не хотели. Мне надоело сидеть без дела, и я обратился к Саше:

- Сынок, ты рыбачь, а я пройду вдоль озера, может быть, кого-нибудь подстрелю.
- Я тоже хочу пойти с тобой!
- Тогда сматывай удочку, пойдем вместе. Что будем делать с рыбой? - спросил я рыбака.
- Давай, папа, выпустим ее в озеро.
- Согласен, выпускай. В бидон, может быть, наберем брусники.

Когда Саша вылил в озеро содержимое бидона, гольяны быстро уплыли в глубину.

Тропа вела нас в северном направлении к реке Гравийке. По обе стороны тропы стройные березы и лиственницы тянулись наперегонки к солнцу, иногда попадались группы сосен – патриархов здешних мест. Повсеместно виднелись вечнозеленые ковры брусничника, но, к нашему сожалению, ягоды давно были собраны.

По этой тропе мне приходилось однажды зимой на лыжах проходить с приятелем Валентином к его зимовью, расположенному километрах в десяти за Гравийкой. Он пригласил меня проверить его сеть, поставленную на одном из озер.

Мои воспоминания о Валентине прервал выводок рябчиков, взлетевших впереди нас. Они расселись на ветки деревьев и с любопытством наблюдали за нами. После моего выстрела один упал на землю, остальные разлетелись. «Это вам урок, - подумал я, - не будете впредь доверять людям».

Саша побежал к дереву, с которого упал рябчик, нашел серенькую птичку, и с довольным выражением лица вернулся с добычей. Рассматривая птицу, обратил внимание, что под клювом на шее были черные перья, напоминающие манишку.

- Это самец, - сказал я ему, - по этой манишке легко отличить самца от самки.

Мы шли не спеша, наблюдая за жизнью леса. Вот нашу тропу перебежал бурундук, заскочил на ствол дерева, и уставился на нас выпуклыми глазами.

- Белка, белка! – закричал Саша.
- Ты видишь на спине у зверька полоски? - спросил его.
- Вижу.
- У белок нет таких полосок, такие полоски у бурундуков.

Незаметно мы прошли десять километров и подошли к реке. С широкого тихого плеса поднялся табун шилохвостей. Я выстрелил в след улетающим уткам, одна упала на воду далеко от берега.

- Как мы ее достанем? – спросил Саша.

- Придется подождать, пока течение принесет ее к перекату. Там на мелководье поймаем. А пока давай порыбачим.

Мы подошли к крутому берегу плеса, и Саша начал разматывать удочку.

- Папа, мы забыли тесто у озера, - раздался его голос.

- Попробуем использовать кишки рябчика для наживы, - предложил ему.

Я разрезал охотничьим ножом живот рябчика, выпотрошил, выбрал самую тонкую кишку и, оставив рябчика на галечной отмели, пошел к Саше.

Глубина у обрыва оказалась больше метра. Поплавок спокойно лежал на поверхности воды, в ней купались тени деревьев и отражались лучи осеннего солнца. Внезапно подул легкий ветерок и погнал поплавок в сторону переката. Поплавок исчез с поверхности воды. Саша тянул удилище вверх, но оно, несмотря на все его усилия, гнулось и клонилось к воде. Мне пришлось перехватить у него удочку. Чувствовалось, что попала крупная рыба. Пришлось приложить немало усилий, чтобы измотать и вывести ее на отмель галечного берега. На крючке оказался крупный, горбатый окунь. Я снял его и бросил в траву. Речной хищник с черными полосами поперек тела и яркими красными плавниками отливался золотом в лучах яркого солнца.

Саша протянул к нему руку и дотронулся пальцем. Окунь ударил хвостом о землю и подпрыгнул.

- Ой! Он не хочет, чтобы я его погладил, - вскрикнул Саша и отдернул руку.

- Пойдем, сын, попытаем еще счастье, - предложил я ему.

- Папа, это я поймал такого большого окуня?

- Конечно ты, я только помог тебе.

В его глазах сияло счастье, он схватил удочку и побежал к месту лова.

«Такой удаче обрадовался бы любой взрослый, - подумал я, - мне такого крупного окуня ловить не доводилось».

Вскоре на удочку попался второй такой же крупный окунь. Третьей клюнула щука. Когда Саша подвел ее к поверхности воды, она развернулась и, как ножом, перерезала леску. Вместе со щукой уплыл наш единственный крючок. Саша был в восторге от увиденной щуки.

- Папа, ты видел, какая у нее голова?

- Конечно, видел.

Всплески восторга постепенно сменились сожалением.

- Как мы теперь будем рыбачить без крючка, - обратился он ко мне.

- Не жалей Саша крючок, - сказал я сыну, - сейчас разведем костер, вскипятим чай и зажарим на вертеле рябчика. Время позднее – пора возвращаться домой.

На отмели, где я оставил рябчика, была видна кровь да несколько перьев. Пока мы удили, какой-то хищник воспользовался нашей беспечностью и утащил нашу добычу.

Саша помогал мне собирать сухой хворост и разводить костер.

Наблюдая за сыном, я думал: «Сколько радости и впечатлений я доставил ему, уделив один день. Впредь надо чаще брать его с собой в лес и на рыбалку».

Укладывая рюкзак в обратный путь, я решил положить рыбу в бидон. Но не тут- то было. Окуни оказались длиннее бидона, а их горбы не позволили затолкнуть даже одного окуня.

Обратный путь оказался трудным. Саша устал и шел очень тихо, в лесу нас застала темнота. Я несколько раз предлагал посадить его на плечи, но он отказывался и мужественно топал за мной.

. . . Вспомнилась первая рыбалка в Игарке два года назад. Тогда от старожилов узнал, что в июне хорошо ловится на закидушки сиг. Мне даже сказали место – на песчаной отмели около пионерского лагеря.

За ужином предложил сходить на рыбалку всей семьей. Саша обрадовался, захлопал в ладоши и закричал «ура». Ему тогда было четыре года.

Наташа насторожилась и спросила:

- Куда это мы пойдем?

- Недалеко, километра два, на берег Енисея. Разведем костер, наловим рыбы, сварим уху, устроим пикник на свежем воздухе, - старался я обольстить ее.

- Мама, соглашайся, не отказывайся, - тормошил ее Саша.

- Разве я отказываюсь? – сдалась она.

Два вечера мы с Сашей готовили закидушки, мечтали, каких сигов поймаем.

Наступила долгожданная суббота. Вернувшись домой после работы, я увидел, что мой рюкзак собран в дорогу. Саша бросился ко мне со словами:

- Папа, мы уже все собрали, пойдем скорее на рыбалку.

- Дай папе переодеться и покушать, - охладила его пыл Наташа.

- Мы же там будем варить уху, зачем дома кушать? – не унимался он.

- Одно другому не мешает, к тому же мне надо проверить рюкзак – все ли вы взяли с собой, - успокоил я сына.

Наконец, мы идем по дороге, которая проходила мимо нашего дома к пионерлагерю. По правую сторону, на пологом склоне, рос молодой хвойный лес, слева раскинулась болотистая тундра с зарослями ольхи вокруг болот. Солнце склонилось к лесу за Енисеем, оно ненадолго спрячется за горизонт, чтобы вновь подняться на небосвод и возвестить о начале новых суток. Стоял полярный день.

Саша бежал впереди нас, иногда прыгал на одной ножке, он радовался выходу на свою первую рыбалку. Наташа взяла меня под руку, нам было приятно идти рядом и видеть впереди себя крепкого, здорового и радостного сына.

Место для рыбалки выбрали на песчаной косе, около толстого ствола лежащего дерева, принесенного сюда течением. Меня насторожило, что поблизости не было видно рыбаков. Своими сомнениями не стал делиться, чтобы не портить настроения близким.

Я воткнул около воды палочки, забросил в воду закидные удочки, привязал лески к палочкам и повесил на них колокольчики.

Мы стояли и ждали, когда зазвенят колокольчики, но они упрямо молчали. Первой надоело смотреть на колокольчики Наташе.

- Предлагаю развести костер, стало прохладно, и комары будут меньше беспокоить.

Саша помог развести мне костер, благо, что на отмели было в достатке плавника. Усевшись вокруг костра на колоды, мы наслаждались его теплом, вслушивались в незнакомые звуки, доносившиеся из прибрежного леса, и временами поглядывали на колокольчики. Молчаливую идиллию прервал Саша:

- Как мы будем варить уху, если не поймаем ни одной рыбки?

- Обязательно поймаем, - успокоил я его.

Наш разговор прервал звон колокольчика. Мы втроем бросились наперегонки к закидушкам.

- Можно я вытащу рыбу, - на бегу спросил Саша.

Колокольчик продолжал вздрагивать и издавать тревожный звук.

- Вытаскивай, только осторожно, если рыба сильно потянет, дай слабину леске, - посоветовал я сыну.

Он тихонько вытягивал леску на берег. Наташа и я с любопытством ожидали улова. К нашему разочарованию, на крючке оказался небольшой чебак. Больше всех расстроился Саша. Мы постоянно вели речь о крупных сигах.

Наташа взяла чебака и заявила:

- Я сварю из него уху, продолжайте рыбачить.

Она сварила густой суп из говяжьей тушенки и положила в него чебака.

На свежем воздухе, у костра, мы с удовольствием ели превосходную «уху» деревянными ложками из общего котелка. Эта рыбалка и уха из одного чебака каждому из нас запомнилась на всю жизнь.

Поклевок больше не было, после сытной еды Сашу стало клонить ко сну, мы смотали удочки, уложили вещи в рюкзак и тронулись в обратный путь. Мне пришлось посадить Сашу на плечи и донести до дома. . .

Мои воспоминания прервал голос сына.

- Папа, мы скоро дойдем до дома?

Вместо ответа я еще раз предложил взять его на плечи. Он отказался.

- Ты помнишь, как с первой нашей рыбалки я нес тебя на плечах?

- Конечно, помню.

- Почему отказываешься сейчас прокатиться?

- Тогда я был маленький. . .

Дома нас встретила обеспокоенная Наташа вопросами:

- У вас что-нибудь случилось? С вами все в порядке?

- Не беспокойся, с нами ничего плохого не произошло, - успокоил я ее.

Саша преобразился, с него слетела усталость, он подошел к рюкзаку и бодрым голосом произнес:

- Мама, смотри, что я тебе покажу.

Он развязал рюкзак и извлек из него утку и рыбу.

- Неужели это все добыл ты, - удивилась Наташа.

- Рыбу - я, а утку - папа.

Разговоров нам хватило на долгий вечер.

Валентин

С Валентином Воложаниным меня познакомил Виктор Морозюк. Как-то шел я по улице мимо пожарного депо, вижу, стоит Виктор со своим сослуживцем и о чем-то беседуют. «Пожарные обычно разговаривают о работе или об охоте», - подумал я и направился в их сторону, чтобы поздороваться. Подавая мне руку, незнакомец назвался Валентином. Я назвал свое имя. Он был выше среднего роста, русые волосы коротко стрижены, сухощав и энергичен. Разговор у них шел о рыбалке. Валентин продолжил прерванный рассказ:

- В некоторых, даже очень крупных, водоемах водится только карликовая пелядь, а в небольших встречаются крупные экземпляры . . .

Его речь была грамотно построена, с метафорами и сравнениями. Меня удивляли его познания флоры и фауны Заполярья. Приятное лицо с умными, выразительными глазами выдавали в нем незаурядного человека. У меня появилась симпатия к нему.

Когда он рассказал о месте расположения своей избушки, я попросил его показать мне эти удивительные места. Он согласился: «наступит сезон - милости прошу».

Позже я узнал от Виктора, что Валентин работал на материке учителем. У него заболели легкие, врачи посоветовали сменить влажный климат на сухой морозный, чаще бывать на природе. Он выбрал Игарку, живет уже более десяти лет, на легкие не жалуется.

Как-то вечером у меня в квартире зазвонил телефон. В такой поздний час звонить мог только дежурный по комбинату, в наступающую ночь я должен быть ответственным дежурным по комбинату, снял трубку и произнес казенную фразу:

- Слушаю вас, что случилось?

На другом конце провода - тишина, затем незнакомый голос произнес:

- Это Валентин. Вы просили пригласить вас на рыбалку.

Мгновенно вспомнился собеседник Виктора Морозюка, его голос и ничего не обязывающий разговор полугодичной давности.

- Извините, пожалуйста, я не узнал ваш голос, мне должен был позвонить дежурный по комбинату.

- Ничего страшного не произошло, вы же впервые слышите мой голос по телефону. Это вы извините за поздний звонок.

- Когда вы собираетесь на рыбалку?

- В субботу, во второй половине дня.

- С удовольствием принимаю ваше предложение. Вы звоните с дежурства?

- Да.

- Если не возражаете, завтра утром зайду к вам, и при встрече мы обо всем договоримся. . .

С рюкзаками и ружьями на плечах мы скользим по лыжне, проложенной

к реке Гравийке.

Когда перешли реку, меня удивило, что лыжня шла не прямо, а виляла от одной группы сосен к другой, иногда проходила мимо одиночных дерева. Мое недоумение развеял Валентин:

- Будь внимателен, на сосны прилетают кормиться глухари, зимой хвоя для них - основной корм. Если повезет, может быть, добудем себе на ужин.

Мне очень хотелось увидеть лесного великана, сидящего на сосне, но глухари, видимо, кормились где-то в других местах. На бескрайних просторах Заполярья для них найдется много сосен с мягкой и питательной хвоей.

- Скоро подойдем к незамерзающему ручью, там зимует чирок, - сказал Валентин.

- Почему он не улетел на юг?

- Возможно, был ранен. Хотя в этих местах вряд ли кто из охотников польстится на такую дичь. Скорее всего, песец или другой хищник повредил крыло.

- Неужели он сможет перенести суровую зиму? - удивился я.

- Поживем - увидим, я каждый раз навещаю его, беспокоюсь, песец может полакомиться утятиной.

Вскоре мы подошли к неширокому ручью, который весело журчал среди отшлифованных галек и камней. Он торопился к Гравийке, чтобы вместе с ней попасть в Енисей и мчаться в Северный Ледовитый океан. Продвигаясь берегом вверх по ручью, я заметил, что течение замедляло свой бег, появились забереги, впереди над ручьем нависала ледяная арка, засыпанная снегом. На забереге, покрытом тонким слоем снега, четко виднелись следы чирка, уходящие под арку.

- Слава Богу, жив бедолага, - произнес Валентин.

. . .К вечеру мы достигли избушки, которая стояла среди леса на высоком склоне к озеру. Она была добротно срублена из круглого леса, с односкатной крышей из кругляка, покрытого дерном. От избушки открывалась панорама, радующая глаз: между двух холмов, заросших хвойным лесом, раскинулись белоснежной скатертью два озера. Вокруг тишина и покой, никаких признаков присутствия поблизости человека. Лучшего места для уединения и отдыха не найти. «Какое прекрасное место для рыбалки и охоты», - подумал я. Словно угадав мои мысли, Валентин произнес:

- Все озера проточные, соединены ручьями до самого Енисея, в них заходят на икромет чир и муксун, пелядь держится постоянно. Переночуем, утром проверим сети и двинемся в обратный путь.

В избушке было тесно. По обе стороны от дверей вдоль стен сделаны лежанки из обтесанных жердей. Они же служили сидениями. В центре стояла небольшая металлическая печь. У крохотного окошка - маленький столик, на котором лежали спички, и стояла пол - литровая банка с солью, под лежанками заготовлены дрова.

Валентин положил на лежанку ружье, рюкзак, стал на колени и растопил печь. От печки моментально повеяло теплом, в считанные минуты воздух

нагрелся. Я снял меховую куртку, достал из рюкзака термос, продукты и положил на стол.

- Давай вечерять и отдыхать. Утро вечера мудренее, - предложил Валентин.

После двадцатикилометрового перехода и сытной еды, в теплом помещении одолевала истома и приятная усталость, хотелось скорее растянуться на лежанке.

- Давно у тебя эта избушка? - спросил я, зевая.

- В этом году будет пять лет.

- Как удалось найти такое замечательное место?

- Это грустная история.

- Расскажи. У нас есть время.

Вот какую историю поведал мне Валентин.

. . . У меня было зимовье недалеко от Енисея. Добираться приходилось осенью на моторке, а возвращаться весной на лыжах. Место удобное – рыбачил на Енисее и на озерах. Весь зимний охотничий сезон проводил со своим другом Смелым. Это была умная, преданная, с прекрасным чутьем лайка. Он был непревзойденным мастером по любой дичи. Сегодня мы с тобой хотели добыть глухаря и похлебать горячего варева, но безуспешно. Сидим и закусываем колбасой. Будь с нами Смелый, мы бы с аппетитом обгладывали глухариные косточки. Стоило, бывало мне сказать:

- Смелый, искать птицу.

Он унесется в лес и через несколько минут уже раздается его протяжный громкий лай. У него было прекрасное верхнее чутье. На каждую дичь лаял своеобразным голосом. Был настолько умен, что никогда не спугнет с дерева ни птицу, ни зверя. При моем приближении обязательно зайдет с противоположной стороны дерева, чтобы отвлечь внимание дичи на себя. По направлению его носа было легко найти притаившегося зверька или птицу. За шесть лет совместной охоты он научился понимать человеческую речь, а я понимать его повадки.

У Валентина дрогнул голос, он на минуту замолчал, видимо, воспоминания разбередили его душу. Затем сделал глубокий вздох и продолжал:

- Каждую осень, перед пушным промыслом, мы охотились за оленями на корм Смелому и на еду мне. Видел бы ты, как умело нагонял он на меня оленей. Такие повадки присущи только волкам. Я взял его щенком от породистых лаек, в его крови не должно быть примеси волчьей крови, но он много раз удивлял меня повадками волка.

Я числился охотником-промысловиком в «Заготпушнине», полученных денег за сданные шкурки соболей и белок вполне хватало на безбедное существование до следующего сезона.

- Где же сейчас Смелый? – подтолкнул я Валентина к развязке рассказа.

- Пять лет назад мы забрели с ним в эти края. За холмом, на противоположной стороне озера, Смелый нашел берлогу. По его голосу я догадался, что дичь необычная. Перезарядил ружье и изо всех ног побежал к нему. Когда оказался около берлоги, решил взять Смелого на поводок и увести от берлоги. Обычно медведя из берлоги приходится долго выгонять

длинным шестом, а этот выскочил, как только я подошел, и бросился на меня. Смелый вцепился ему в заднюю лапу. Этим спас меня. Медведь развернулся к нему, подставив мне левый бок, я выстрелил почти в упор, он осел на снег, но до моего выстрела успел передней лапой нанести смертельный удар Смелому. Унеслось по лесу эхо от выстрела, установилась тревожная тишина. Я не слышал голоса Смелого. У моих ног лежали без дыхания Смелый и медведь. Я бросился к собаке, обнял окровавленное тело, приложил ухо к груди. Сердце не билось. Он лежал с открытыми, немигающими глазами. В них увидел любовь, преданность и верность мне до последнего дыхания. У меня комок подкатил к горлу, я плакал навзрыд. Придя в себя, взял Смелого на руки и побрел прочь от медвежьей туши. Остановился на вершине холма за озером. Долго, очень долго охотничьим ножом рыл могилу в мерзлом грунте. Мне не хотелось, чтобы моего друга растерзали хищники. Меня душили слезы, я несколько раз припадал головой к безжизненному телу – хотел услышать биение преданного мне сердца, но тщетно. Предав друга земле, выстрелил в воздух семь раз - по числу прожитых им лет. Это все, что я мог сделать для него.

Промысел пришлось прекратить, возвращаясь в город, постоянно видел перед собой облик Смелого. Мне казалось, что он вот-вот выскочит из-за деревьев с радостным блеском в глазах и завиляет мне хвостом. Вспоминал, как, бывало, он уткнется своей мордой мне в колени, а я гладил его лохматую голову и дружески трепал за уши.

Когда рассказал жене и дочери о случившемся, они безутешно плакали. Смелый был членом нашей семьи. . .

По лицу Валентина было видно, что он заново переживал события пятилетней давности. Я сам с трудом сдерживал слезы. Тяжело вздохнув, он продолжал повествование.

Об охоте без Смелого не могло быть и речи. Мне предлагали завести новую собаку. Мое сердце подсказывало, что взять другую собаку, значит предать память о друге. Смелый, как первая любовь, память о нем останется всегда со мной.

Вскоре мне подвернулась работа в пожарном депо. Вот так я стал пожарным.

Рассказ Валентина разогнал мою сонливость, мне хотелось, чтобы он продолжал говорить.

- Что ты сделал с медведем? - задал ему вопрос.
- Я не притронулся к нему, оставил на съедение хищникам.
- Как оказалась здесь твоя избушка?
- Весной, взяв с собой сеть и противоипритный костюм, я навестил могилу Смелого. Наносил к ней камней из ручья и выложил конусообразный памятник. Затем в водонепроницаемом костюме зашел по пояс в воду и поставил сеть. На успех не очень надеялся. Когда вынимал сеть, был приятно обрадован: в сеть попали муксуны и пелядь. «Это Смелый привел меня к этому озеру» - подумал я и решил построить здесь избушку.

Он замолчал и задумался. После затянувшейся паузы произнес:

- Давай спать, а то свеча уже догорает.

Ночью выпал небольшой снежок, припорошив крыльцо и наши вчерашние следы. Температура воздуха была не ниже минус двадцати градусов. Для заполярья это очень теплая погода. Меня удивили следы соболя, оставленные на крыльце и крыше избушки. Пробежав взглядом по следу, увидел, что соболь спустился по сосне, стоящей рядом с избушкой, на крышу, затем на крыльцо. Таким же путем удалился, оставив нам свою визитную карточку. Его, видимо, привлек запах исходящий через дверь.

- Валентин, ты капканы на соболей ставишь? - обратился я к приятелю.
- Нет, не ставлю.
- Почему? - удивился я. - Соболь ночью просился к тебе в дом.
- В этом году очень хороший урожай белки. Вот и соболь расплодился, белки служат основным его кормом, а этому захотелось рыбы, вот и пожаловал на запах.
- Ты не ответил, почему не ловишь соболей?
- Ловить зверя капканами – варварство. Представь себе, как он мучается, пока не замерзнет в капкане. Была бы моя воля, я запретил бы ставить петли и капканы. Добывать зверя надо из ружья, чтобы гибель наступала мгновенно. Кроме того шкурки сильно обесценились, «овчинка выделки не стоит», - ответил он поговоркой.

Валентин достал из-под избушки пешню, шнур и мы отправились на лед озера проверять сеть. В заливе, около ручья, торчала изо льда толстая проволока.

- Здесь будем долбить майну, - сказал он и начал колоть лед вокруг проволоки.

В его сильных руках пешня легко поднималась и с силой опускалась в образовавшуюся лунку.

Сменив его, я почувствовал, что пешня была тяжелой, мне приходилось затрачивать немало сил, чтобы поднять ее и с силой ударить по льду.

Когда майна была готова, он за проволоку поднял конец сети и привязал к нему шнур, который я растянул по льду озера.

- Теперь пойдем долбить вторую майну, через которую вынем сеть,- сказал Валентин, и мы направились в другой конец залива.

Из сети выпутали шесть пелядей весом около трех килограммов каждая.

- Небогатый улов, - подумал я.

Домой возвращались по знакомой лыжне, Валентин шел впереди широким шагом, приминая выпавший за ночь снежок. Мои лыжи легко скользили по накатанной лыжне, нагруженный рыбой рюкзак приятно давил плечи. В лесу стояла тишина, небольшой морозец бодрил и подгонял вперед. На хвойных лапах деревьев лежал пушистый снег, как вата на новогодних елках.

Прошли полпути, и я почувствовал, что рюкзак стал тяжелее. Подходя к дому, я уже не думал, что улов был плохим.

Прощаясь со мной, Валентин спросил:

- Еще раз составишь мне компанию?

На его приятном лице промелькнула хитрая ухмылка. Наверное, думал, что откажусь от длинного утомительного перехода, но он еще плохо знал меня.

- Обязательно пойду, если пригласишь.

Волки

Октябрь в том году выдался снежным. Часто налетала пурга, ветер подхватывал снег и разносил его по бескрайним просторам тундры. Воздух наполнялся снежной пылью, становился густым, затруднял дыхание. Крутящиеся снежные вихри беспрепятственно носились по занесенной снегом равнине. В такие снежные дни табун северных оленей в несколько сот голов ложился на отдых. Их полностью заносило снегом, равнина становилась бугристой, из многих бугров торчали ветвистые рога, как одинокие кусты тальника.

Когда стихала пурга, олени начинали продвигаться на юг, в лесотундру, где можно укрыться от пронизывающих ветров и легче добывать из-под снега ягель. Они легко разгребали копытами мягкий снег и поедали свой любимый корм. Впереди и по бокам прокладывали дорогу крупные самцы с острыми ветвистыми рогами, которые служили грозным оружием против главного их врага – волка. В центре табуна шли важенки с подросшими за лето оленятами. Погода с ветром и без гнуса в весенний период позволила сохранить хороший приплод, многие важенки имели по два олененка. У белой важенки родилось два олененка. Они имели разные характеры, мать внимательно наблюдала за ними. Смирный не отходил от нее далеко, он всегда был сыт, поедая разрытый ее копытами ягель. Смелый носился по табуну, приглашая сверстников вместе побегать. Он был развитей и крепче Смирного. Мать, наверное, гордилась им и надеялась, что из него вырастет крупный северный олень.

Полярная ночь еще не наступила, табун торопился уйти из открытой со всех сторон тундры. В этих местах в ноябре солнце скроется за горизонт и наступит долгая полярная ночь, появится солнце вновь только в конце января.

За табуном оленей шла стая волков. Они, как пастухи, постоянно следовали за оленями. Это было их стадо. Они не позволяли другим своим сородичам близко приближаться к нему.

Стаю вел опытный полярный волк. Он много раз встречал и провожал зиму, на его густом загривке стала появляться седина. Ему хорошо были знакомы законы тундры и все методы охоты на оленей. Одинокого оленя можно было окружить, ему никогда не вырваться из волчьего кольца. Небольшой табунок оленей можно загнать на засаду, успех будет гарантирован. С крупным табуном такой прием неприемлем. Вожак помнит молодые годы, когда несколько молодых волков устроили засаду перед огромным табуном оленей. Они ждали, когда табун подойдет к ним, чтобы неожиданным броском погнать оленей в сторону и наброситься на зазевавшегося оленя. Неожиданно табун кого-то испугался и понесся на них. Только будущий вожак один успел отскочить в сторону, остальные были

смяты, и по ним прошлись сотни копыт. Когда табун скрылся, на снегу тундры остались только кровавые пятна мясного волчьего месива, втоптанного в мох.

Сытыми волки не преследовали табун. У табуна всегда была передышка покормиться и отдохнуть. Проголодавшись, Вожак поднимал стаю. В нее входили прибылые, переярки, волчица и несколько взрослых волков. Они по следу догоняли табун и начинали погоню. Больные и слабые олени отставали и становились их добычей. Так из года в год шла естественная выбраковка поголовья.

Волки медленно шли по следу табуна, как вдруг вожак остановился. Запах свежего следа незнакомого волка взбесил его. Кто осмелился пойти за его табуном? Вытянув спину и хвост, он начал со злостью скрести снег лапами, давая стае знак начать преследовать нарушителя закона.

Нарушителем был старый одинокий волк. Он никогда не был вожаком, многие годы успешно охотился со своей стаей. Все обязанности у волков были распределены. Ему предназначалось находиться в засаде. Сила и ловкость позволяли в несколько прыжков настигнуть и мертвой хваткой схватить за горло и повалить оленя. Подоспевшая стая помогала покончить с жертвой. Постепенно он старел, сила и ловкость поубавились. После того, как первый раз в жизни промахнулся и упустил оленя, волки враждебно посмотрели на него. Эти взгляды красноречиво говорили о том, что при следующем промахе они набросятся и разорвут его. Опыт подсказал, что надо покинуть стаю. Весну и лето, питаясь леммингами и песцами, вел сытое существование. С наступлением холодов и снежного покрова подолгу приходилось голодать. Встретив следы оленей, он пошел за табуном. Какой волк упустит возможность полакомиться олениной?

Он не только услышал, почувствовал всем телом погоню за собой. Резко обернулся, сел на снег и оскалил зубы. К нему приближалась стая волков, обходя его полукругом. Понимая, что наступает его конец, решил оказать сопротивление. Ощетинившись и оскалив зубы, приготовился к схватке. У него еще были силы, чтобы разорвать плечо первому, налетевшему на него молодому волку и вцепиться в горло второму. Он знал, что гибель одного из волков могла отвлечь от него внимание стаи, но силы были неравные. Его участь была решена в считанные минуты.

Олени медленно продвигались по тундре. Телята держались ближе к маткам, около их копыт легче добыть корм. Некоторые пытались подойти к участку, очищенному от снега натренированными ногами оленей рогачей, но при дружелюбном отношении к ним самцов, торчащие у поверхности снега рога, не давали возможности воспользоваться очищенным от снега ягелем. Они еще не знали, какого запаха и шума надо опасаться. Телята во всем подражали своим матерям и верили, что рядом с ними безопасно.

Внезапно олени, замыкающие табун, почувствовали опасность, они сорвались с места и стали напирать на впереди идущих оленей. Их страх передался табуну, подняв высоко головы, быстроногие обитатели тундры

стремительно понеслись по белоснежной равнине. За их спиной поднималось снежное облако, прикрывая их путь, как дымовой завесой.

Волки следовали по пятам, они не стремились преодолеть снежную завесу, зная, что скоро какой-нибудь олень выбьется из сил, отстанет от табуна и будет их добычей.

Табун приближался к берегу Енисея. Волки торжествовали. Они ожидали, что олени остановятся перед препятствием, повернут назад и у них будет добыча, и славный пир на берегу реки.

Их надежды не оправдались. Табун по крутому склону спустился на лед реки. Олени знали, что по льду волкам их не догнать, решили оторваться от преследователей и скрыться на противоположном берегу.

По льду разносился звенящий шум от сотен копыт. Этот шум привлек внимание одинокого рыбака, проверяющего сеть недалеко от берега. Рядом с ним лежали две собаки, запряженные в легкие ездовые нарты.

Рыбак повернулся в сторону шума, собаки соскочили и ощетинились. Через Енисей устремилась живой волной темная колышущаяся масса оленей.

- Что они делают? Куда несутся? - испуганно проговорил рыбак.

. . . Навигация в том году сильно затянулась. Запоздали два морских лесовоза, которых только вчера увел за собой ледокол. По фарватеру Енисея ледокол прорезал канал, который был забит мелкими льдинами, не успевшими за сутки крепко смерзнуться. . .

Табун подлетал к каналу. В бешеной скачке, на полном бегу, передние олени залетели на тонкий лед канала. Послышался треск, льдины расходились, и животные оказались в воде. На них прыгали бегущие сзади. Олени в воде не тонут, образовалась переправа из живых тел, по которой перешел весь табун и унесся к левому берегу реки. Смелый прыгнул на спину плавающего оленя, но сорвался и оказался в ледяной воде. Олени пытались выбраться на лед, некоторым удавалось выбросить передние ноги на кромку льда, но, не имея опоры под задними ногами, они сползали в воду.

Белая важенка почувствовала беду. Она замедляла бег и постоянно оглядывалась, но не видела Смелого.

Эта трагедия проходила на глазах рыбака.

Волки не решились преследовать оленей по льду реки. Они стояли на высоком берегу Енисея и наблюдали за удаляющимся с большой скоростью табуном.

Когда Вожак увидел трагедию, разыгравшуюся на реке, он повел стаю за собой на лед. Голодные волки неслись легкими, длинными прыжками. Они знали, что предстоит обильное пиршество.

Рыбак, увидев стаю волков, сначала испугался. Затем сел на нарты и погнал собак в город. Ему хотелось собрать товарищей, отогнать волков и воспользоваться их законной добычей. Он хлестал собак бичом, заставляя бежать на пределе возможностей, не думая, что может загнать бедных животных. Его охватила жадность к даровой добыче.

В это время волки вытащили из канала несколько оленей, напились теплой крови, рвали туши и глотали куски мяса, иногда вместе со шкурой. Набив желудки до отказа, улеглись на лед переваривать пищу.

Рыбак собрал своих друзей единомышленников. Захватив с собой ружья, топоры, багры, ножи и лыжи, на нескольких автомашинах помчались к месту трагедии.

Волки, услышав шум приближающихся машин, тяжелой рысцой побежали вдоль канала, затем свернули к своему берегу. На автомашинах легко можно было их догнать и перестрелять, но охотники за легкой добычей даже не подумали об этом. Увидев барахтающихся в воде животных, бросились доставать их баграми, добивать топорами и таскать к своим машинам. В азарте они были похожи на тех же волков.

Смелый подплыл к кромке льда, надеясь, что двуногие существа помогут ему выбраться из воды. Он почувствовал боль под ребром. Рыбак багром вытащил его на лед и вонзил в его сердце острый охотничий нож.

В тот год многие жители Игарки купили на зиму оленины.

Написав эту главу, вспомнил статью в газете «Известия», напечатанную в семидесятые годы прошлого столетия. Табун оленей в несколько тысяч голов на пути своей обычной миграции наткнулся на проложенную в тундре трубу газопровода. Животные побоялись перейти через нее и двинулись вдоль трубы, которая привела их на улицы Норильска. Многие жители города повели себя не лучшим образом, они бросились заготавливать оленину.

Волки

Октябрь в том году выдался снежным. Часто налетала пурга, ветер подхватывал снег и разносил его по бескрайним просторам тундры. Воздух наполнялся снежной пылью, становился густым, затруднял дыхание. Крутящиеся снежные вихри беспрепятственно носились по занесенной снегом равнине. В такие снежные дни табун северных оленей в несколько сот голов ложился на отдых. Их полностью заносило снегом, равнина становилась бугристой, из многих бугров торчали ветвистые рога, как одинокие кусты тальника.

Когда стихала пурга, олени начинали продвигаться на юг, в лесотундру, где можно укрыться от пронизывающих ветров и легче добывать из-под снега ягель. Они легко разгребали копытами мягкий снег и поедали свой любимый корм. Впереди и по бокам прокладывали дорогу крупные самцы с острыми ветвистыми рогами, которые служили грозным оружием против главного их врага – волка. В центре табуна шли важенки с подросшими за лето оленятами. Погода с ветром и без гнуса в весенний период позволила сохранить хороший приплод, многие важенки имели по два олененка. У белой важенки родилось два олененка. Они имели разные характеры, мать внимательно наблюдала за ними. Смирный не отходил от нее далеко, он

всегда был сыт, поедая разрытый ее копытами ягель. Смелый носился по табуну, приглашая сверстников вместе побегать. Он был развитей и крепче Смирного. Мать, наверное, гордилась им и надеялась, что из него вырастет крупный северный олень.

Полярная ночь еще не наступила, табун торопился уйти из открытой со всех сторон тундры. В этих местах в ноябре солнце скроется за горизонт и наступит долгая полярная ночь, появится солнце вновь только в конце января.

За табуном оленей шла стая волков. Они, как пастухи, постоянно следовали за оленями. Это было их стадо. Они не позволяли другим своим сородичам близко приближаться к нему.

Стаю вел опытный полярный волк. Он много раз встречал и провожал зиму, на его густом загривке стала появляться седина. Ему хорошо были знакомы законы тундры и все методы охоты на оленей. Одинокого оленя можно было окружить, ему никогда не вырваться из волчьего кольца. Небольшой табунок оленей можно загнать на засаду, успех будет гарантирован. С крупным табуном такой прием неприемлем. Вожак помнит молодые годы, когда несколько молодых волков устроили засаду перед огромным табуном оленей. Они ждали, когда табун подойдет к ним, чтобы неожиданным броском погнать оленей в сторону и наброситься на зазевавшегося оленя. Неожиданно табун кого-то испугался и понесся на них. Только будущий вожак один успел отскочить в сторону, остальные были смяты, и по ним прошлись сотни копыт. Когда табун скрылся, на снегу тундры остались только кровавые пятна мясного волчьего месива, втоптанного в мох.

Сытыми волки не преследовали табун. У табуна всегда была передышка покормиться и отдохнуть. Проголодавшись, Вожак поднимал стаю. В нее входили прибылые, переярки, волчица и несколько взрослых волков. Они по следу догоняли табун и начинали погоню. Больные и слабые олени отставали и становились их добычей. Так из года в год шла естественная выбраковка поголовья.

Волки медленно шли по следу табуна, как вдруг вожак остановился. Запах свежего следа незнакомого волка взбесил его. Кто осмелился пойти за его табуном? Вытянув спину и хвост, он начал со злостью скрести снег лапами, давая стае знак начать преследовать нарушителя закона.

Нарушителем был старый одинокий волк. Он никогда не был вожаком, многие годы успешно охотился со своей стаей. Все обязанности у волков были распределены. Ему предназначалось находиться в засаде. Сила и ловкость позволяли в несколько прыжков настигнуть и мертвой хваткой схватить за горло и повалить оленя. Подоспевшая стая помогала покончить с жертвой. Постепенно он старел, сила и ловкость поубавились. После того, как первый раз в жизни промахнулся и упустил оленя, волки враждебно посмотрели на него. Эти взгляды красноречиво говорили о том, что при следующем промахе они набросятся и разорвут его. Опыт подсказал, что надо покинуть стаю. Весну и лето, питаясь леммингами и песцами, вел сытое

существование. С наступлением холодов и снежного покрова подолгу приходилось голодать. Встретив следы оленей, он пошел за табуном. Какой волк упустит возможность полакомиться олениной?

Он не только услышал, почувствовал всем телом погоню за собой. Резко обернулся, сел на снег и оскалил зубы. К нему приближалась стая волков, обходя его полукругом. Понимая, что наступает его конец, решил оказать сопротивление. Ощетинившись и оскалив зубы, приготовился к схватке. У него еще были силы, чтобы разорвать плечо первому, налетевшему на него молодому волку и вцепиться в горло второму. Он знал, что гибель одного из волков могла отвлечь от него внимание стаи, но силы были неравные. Его участь была решена в считанные минуты.

Олени медленно продвигались по тундре. Телята держались ближе к маткам, около их копыт легче добыть корм. Некоторые пытались подойти к участку, очищенному от снега натренированными ногами оленей рогачей, но при дружелюбном отношении к ним самцов, торчащие у поверхности снега рога, не давали возможности воспользоваться очищенным от снега ягелем. Они еще не знали, какого запаха и шума надо опасаться. Телята во всем подражали своим матерям и верили, что рядом с ними безопасно.

Внезапно олени, замыкающие табун, почувствовали опасность, они сорвались с места и стали напирать на впереди идущих оленей. Их страх передался табуну, подняв высоко головы, быстроногие обитатели тундры стремительно понеслись по белоснежной равнине. За их спиной поднималось снежное облако, прикрывая их путь, как дымовой завесой.

Волки следовали по пятам, они не стремились преодолеть снежную завесу, зная, что скоро какой-нибудь олень выбьется из сил, отстанет от табуна и будет их добычей.

Табун приближался к берегу Енисея. Волки торжествовали. Они ожидали, что олени остановятся перед препятствием, повернут назад и у них будет добыча, и славный пир на берегу реки.

Их надежды не оправдались. Табун по крутому склону спустился на лед реки. Олени знали, что по льду волкам их не догнать, решили оторваться от преследователей и скрыться на противоположном берегу.

По льду разносился звенящий шум от сотен копыт. Этот шум привлек внимание одинокого рыбака, проверяющего сеть недалеко от берега. Рядом с ним лежали две собаки, запряженные в легкие ездовые нарты.

Рыбак повернулся в сторону шума, собаки соскочили и ощетинились. Через Енисей устремилась живой волной темная колышущаяся масса оленей.

- Что они делают? Куда несутся? – испуганно проговорил рыбак.

. . . Навигация в том году сильно затянулась. Запоздали два морских лесовоза, которых только вчера увел за собой ледокол. По фарватеру Енисея ледокол прорезал канал, который был забит мелкими льдинами, не успевшими за сутки крепко смерзнуться. . .

Табун подлетал к каналу. В бешеной скачке, на полном бегу, передние олени залетели на тонкий лед канала. Послышался треск, льдины расходились, и животные оказались в воде. На них прыгали бегущие сзади.

Олени в воде не тонут, образовалась переправа из живых тел, по которой перешел весь табун и унесся к левому берегу реки. Смелый прыгнул на спину плавающего оленя, но сорвался и оказался в ледяной воде. Олени пытались выбраться на лед, некоторым удавалось выбросить передние ноги на кромку льда, но, не имея опоры под задними ногами, они сползали в воду.

Белая важенка почувствовала беду. Она замедляла бег и постоянно оглядывалась, но не видела Смелого.

Эта трагедия проходила на глазах рыбака.

Волки не решились преследовать оленей по льду реки. Они стояли на высоком берегу Енисея и наблюдали за удаляющимся с большой скоростью табуном.

Когда Вожак увидел трагедию, разыгравшуюся на реке, он повел стаю за собой на лед. Голодные волки неслись легкими, длинными прыжками. Они знали, что предстоит обильное пиршество.

Рыбак, увидев стаю волков, сначала испугался. Затем сел на нарты и погнал собак в город. Ему хотелось собрать товарищей, отогнать волков и воспользоваться их законной добычей. Он хлестал собак бичом, заставляя бежать на пределе возможностей, не думая, что может загнать бедных животных. Его охватила жадность к даровой добыче.

В это время волки вытащили из канала несколько оленей, напились теплой крови, рвали туши и глотали куски мяса, иногда вместе со шкурой. Набив желудки до отказа, улеглись на лед переваривать пищу.

Рыбак собрал своих друзей единомышленников. Захватив с собой ружья, топоры, багры, ножи и лыжи, на нескольких автомашинах помчались к месту трагедии.

Волки, услышав шум приближающихся машин, тяжелой рысцой побежали вдоль канала, затем свернули к своему берегу. На автомашинах легко можно было их догнать и перестрелять, но охотники за легкой добычей даже не подумали об этом. Увидев барахтающихся в воде животных, бросились доставать их баграми, добивать топорами и таскать к своим машинам. В своем азарте они были похожи на тех же волков.

Смелый подплыл к кромке льда, надеясь, что двуногие существа помогут ему выбраться из воды. Он почувствовал боль под ребром. Рыбак багром вытащил его на лед и вонзил в его сердце острый охотничий нож.

В тот год многие жители Игарки купили на зиму оленины.

Написав эту главу, вспомнил статью в газете «Известия», напечатанную в семидесятые годы прошлого столетия. Табун оленей в несколько тысяч голов на пути своей обычной миграции наткнулся на проложенную в тундре трубу газопровода. Животные побоялись перейти через нее и двинулись вдоль трубы, которая привела их на улицы Норильска. Многие жители города повели себя не лучшим образом, они бросились заготавливать оленину.

Подледный лов рыбы

Наступил ноябрь с небольшими морозами, днем всего до тридцати градусов. Для многих этот месяц - предвестник приближения полярной ночи, для рыбаков - долгожданный период ловли сига, который в это время проходит по Енисею на икромет в малые реки. Этой рыбе, чтобы отметать икру, нужна холодная, чистая, проточная вода. Солнце ненадолго выглядывает из-за горизонта, улыбнется своим желто-красным ликом, предвещающим мороз, и закатится за дальний лес.

Николай Грохотов, рамщик второго лесопильного завода, давно подписал заявление на отпуск, собрал снасти, вещи и ждал срока выезда. Начальник завода, скрепя сердце, подписал ему заявление на отпуск. Николай лучший рамщик не только завода, но и всего комбината. Без него начальник боялся сорвать выполнение годового плана. От мастерства и опыта рамщика зависит качество и объем напиленного пиломатериала, заработок всего коллектива завода.

До работы на лесокомбинате мне приходилось бывать в лесопильных цехах. Я думал, что нет никакой сложности, двигать бревно в пилораму с одной стороны и получать доски с обратной. Ан, нет. Оказывается, у каждого бревна при сушке появляется трещина, она хорошо видна в торце и называется метиком. Рамщик должен направить бревно в раму так, чтобы метик был параллельно пилам, иначе в каждой доске будет трещина, и их забракуют. Вот такая специальность была у Николая.

Выехали на рыбалку мы поздно - с проблесками утренней зари. Ехать по Енисею без дороги в темноте опасно – можно угодить в майну, выдолбленную рыбаками и занесенную снегом, или укатить не в ту сторону. Лед на Енисее давно окреп, наш УАЗик легко катился по неглубокому снегу, иногда подпрыгивая на небольших торосах. Путь лежит вниз по реке к заброшенной деревне Носовой. Николай в ней родился, прекрасно знал окрестности и места лова рыбы. Мы планировали за светлое время суток поставить сети, оставить Николая с его другом Сергеем Ивакиным проводить свои отпуска в Носовой, а ночью с Володей Архиповым вернуться домой по своему следу.

Подъезжая к Носовой, мы увидели картину достойную кисти художника. Высокий мыс выдвигался далеко в Енисей, на его белоснежных склонах, на фоне хвойного леса, стояло десятка два бревенчатых домов, покинутых жителями.

- Вот это моя родина, - с грустью произнес Николай, - машину оставим на льду, я схожу в дом затоплю печь и примемся за дело.

Он надел лыжи и по занесенной снегом тропе, одному ему известной, стал подниматься по косогору. Мы последовали за ним. Мое внимание, как строителя, привлекли дома. Они были добротно срублены, стояли в сохранности, с окнами и дверями, на почтительном расстоянии друг от друга. Тесовые кровли поросли мхом. Дом Николая не был закрыт на замок, он снял щеколду и вошел в просторные сени. Я остался на улице и рассматривал старинное северное поселение.

При подледном лове требуется много усилий и сноровки, чтобы поставить сеть. Мы прорубили пешней майну – большую прорубь, в которую будет заводиться сеть. Сергей отсчитал от майны пять шагов и буром пробурил лунку. Затем передал бур нам с Володей со словами:

- Бурите лунки по прямой линии через пять шагов.

Николай привязал к шестиметровой белой рейке шнур, запустил рейку под лед и палкой с рогулькой на конце направил к пробуренной лунке. Сергей поймал ее крючком и прижал ко льду, чтобы не унесло течение. К нему подошел Николай и рогулькой протолкнул рейку к следующей лунке. Так продвигая рейку от лунки к лунке, протянули подо льдом шнур, к которому привязали связку из пяти сетей, затянули их под лед и якорями на концах связки опустили на дно. Местные жители связку из пяти сетей называют паромом. Николай по традиции своих предков перекрестил майну и произнес:

- Ловись рыбка маленькая и большая, не дохлая, а живая.

Местные жители уснувшую в сети рыбу не берут в пищу. Зимой сети проверяют каждые два-три дня, а летом ежедневно.

Когда мы пришли в дом, печь прогорала. Николай подкинул дров, они весело затрещали, приветствуя нас теплом.

Дом состоял из двух половин, разделенных русской печью. В первой стоял стол, шкаф, висели полки, вдоль стен - тяжелые лавки из толстых плах. В углу - бачок для воды и два ведра. На полу, около дверей, лежал потертый коврик. Во второй половине, кроме металлических кроватей с пружинными сетками, ничего не было. «Вот в такой бедноте прожили родители Николая всю жизнь» - подумал я.

Пока я рассматривал обстановку и размышлял, Николай сходил к реке, принес два ведра воды, поставил кипятить чай и воду в кастрюле. Когда вода закипела, насыпал в нее вермишели, открыл две банки тушенки и выложил ее в кастрюлю. Затем поджарил на сковородке лук, заправил им лапшу и ужин был готов.

После тяжелой работы на морозе еда казалась необыкновенно вкусной, мы все быстро работали ложками. Сергей, накладывая в свою миску очередную порцию добавки, произнес:

- Завтра будет уха из осетра.
- Ты его сначала поймай, - одернул его Володя.
- Сам попадет, - уверенно сказал Николай.

Я внимательно наблюдал за Сергеем. Большими, крепкими пальцами рук он неумело держал ложку и, неспеша, отправлял в рот порцию за порцией лапши. На его руках были видны следы трудно смываемого мазута. О нем мне было известно только то, что он работал бульдозеристом. Высокого роста, широкоплечий, он был олицетворением силы и мужества. «Вот таким крепким человеком должен быть северянин» - подумал я.

- Почему в Носовой нет жителей? – спросил Володя Николая.

- Сегодня трудно прожить охотой и рыбалкой, не каждый год бывает удачным. К тому же нет электричества, детям надо давать образование, люди

потянулись к цивилизации. Большинство уехали в Игарку, на предприятиях города - надежные и стабильные заработки. Многие постоянно проведывают родные места, приезжают на моторках за ягодами, грибами, порыбачить, поохотиться.

- Когда ты уехал из Носовой? – продолжал спрашивать Володя.

- Ровно двадцать лет назад, в сорок шестом году. Наша семья оставалась здесь последней. Мать с тремя детьми ожидала возвращения отца с фронта. Она боялась, что в городе он нас не найдет. Отец вернулся из госпиталя без одной ноги. Мы радовались долгожданной встрече, не отходили от него ни на шаг. Он был хмур и озадачен, его мучили вопросы: «Как охотиться и рыбачить без ноги? Как прокормить семью?» Мать часто, поставив перед нами тарелки с едой, сидя напротив, подпирала голову руками и смотрела на нас печальными затуманенными глазами. Ее мучили те же вопросы, что и отца. Вскоре мы переселились в Игарку.

Провожая нас в обратный путь, Николай напутствовал:

- Держитесь своего следа, машине легче ехать по колее, быстрее доедете. В следующее воскресенье обязательно приезжайте.

Густая темнота опустилась над Енисеем, свет фар освещал небольшое пространство, за которым стояла стеной темная завеса. Создавалось впечатление, что машина стремится к этой стене, а она, издеваясь над нами, убегает все дальше и дальше.

Володя вел машину, а у меня возникали сомнения: правильно ли мы поставили сети, не запутались ли они, какой в них будет улов?

Фары выхватили из темноты песца, бежавшего по колее. Его белая шерсть сливалась со снегом, прыжки были изящными, пушистый хвост покачивался из стороны в сторону. Володя прибавил скорость и стал приближаться к нему. Белый красавец свернул в сторону и легко помчался по снежному покрову. В азарте гонки Архипов свернул за ним, но скоро прекратил преследование и повернул на свою колею.

- По целине его не догнать, - произнес Володя без сожаления.

- Зачем ты за ним гнался, ружья у нас с собой нет.

- Интересно было посмотреть на него.

- Тебе интересно, а он страху натерпелся.

- Пускай не ходит по дорогам, впредь умнее будет.

- Зачем он вышел на лед так далеко от берега? – спросил я.

- Это знает только он, вот догнали бы, тогда ты и спросил бы у него. . .

Неделя прошла в ожиданиях поездки в Носовую. . .

Мы едем по накатанной дороге. За неделю по нашей колее прошло немало машин. Этот участок реки был отведен для любительского лова рыбы. Изредка попадались автомашины, стоящие ближе к берегу. Около них копошились рыбаки, проверяющие сети. Чаще встречались собачьи упряжки с одинокими рыбаками. В Игарке принято в нарты запрягать по две собаки. При коротких переездах они прекрасно могут везти одного человека с грузом. Мне приходилось видеть, как на собаках возят сено и другой груз. Крупного рогатого скота в городе не держат, а вот кроликов многие разводят.

Летом ездовых собак на привязи не держат, они предоставлены сами себе. У меня сложилось впечатление, что их не сильно балуют кормом, поскольку часто можно видеть на многочисленных помойках.

К Носовой мы подъехали, когда солнечное колесо катилось по горизонту. Николай и Сергей давно увидели в окно нашу машину и вышли встречать на лед. Стояла ясная и морозная погода. Температура наружного воздуха - за тридцать градусов холода. При безветрии такой мороз переносился легко. На нас были меховые куртки и брюки, на ногах - унты. У меня мелькнула мысль:«Как в такой холод голыми руками в ледяной воде выбирать рыбу? Можно обморозить руки».

Свои сомнения оставил при себе, делиться ни с кем не стал.

Долбить майны было легко, они не успели глубоко промерзнуть. Привязав шнур к одному концу сетей, чтобы за него вновь затянуть сети под лед, мы с Володей начали осторожно выбирать на лед другой конец. Сеть моментально смерзалась, в ней бились, отливая белым серебром, сиги. Они были теплее наружного воздуха и руки от них не так мерзли. Из многих вытекала икра, когда их протягивали через ячею.

- Чаще мочите руки в воде, - посоветовал Николай, - не будут мерзнуть.

И действительно, после наружного холода в воде руки отогревались. Рыбы в сетях было много, мне стало жарко, руки не мерзли. Стоя перед майной на коленях, мы, как заведенные механизмы, вынимали из сети рыбу и бросали на лед. Несколько раз приходилось выпутывать кастрюков. Ячея сети была не по ним, и они сильно запутали сеть.

Заканчивали проверку сетей при свете фар. Николай острым охотничьим ножом распорол попавших налимов, вырезал печень, а их оттолкнул в сторону ногой со словами:

- Пускай полакомятся песцы, а то грызут лед с примерзшей икрой.

Я вспомнил песца, бежавшего перед машиной, за которым гнался Володя. Он, видимо, вышел на лед полакомиться рыбьей икрой, примерзшей около лунок.

Сложив рыбу в мешки и погрузив в машину, мы поехали варить уху.

Встреча с эвенками

От ухи из осетрины по дому разносился приятный знакомый запах и возбуждал аппетит. У плиты орудовал Николай, он знал все тонкости приготовления этого, казалось бы, простого блюда. Когда на столе оказалась большая кастрюля наваристой и ароматной ухи, Сергей уже успел мелко нарезать репчатый лук и приготовить строганину из сига. Он потер руки, на его лице промелькнула улыбка от предчувствия хорошего застолья. Николай налил в кружки спирт и произнес:

- С полем, друзья, как говорят охотники.

- Пусть такая рыбалка будет всегда, - поддержал его Сергей.

После мороза в теплом помещении было уютно и приятно сидеть среди друзей. Проголодавшись, мы без остановки работали ложками и обменивались короткими репликами. Постепенно разговор зашел о богатстве здешних мест. Володя спросил:

- Сколько лет, интересно, Носовой?

- Это одному Богу известно, - ответил Николай, - по преданию ее основали поморы несколько веков тому назад. Они все участки суши, выдвинутые в море, называли носами. Вот и наш мыс назвали носом, постепенно название перешло на деревню. Их привлекало в эти края обилие пушного зверя и торговля с местным населением.

- Значит, ты потомок поморов? – спросил я.

- Возможно,- неуверенно ответил он, - во всяком случае, мой дед и отец родились здесь.

- По твоим словам выходит, что Носовая старше Туруханска?

- Получается, что так. Отец рассказывал про старые времена, когда основным занятием мужского населения был промысел соболя, белки и песца. Добывали пушнины много, у каждого охотника в тайге было свое зимовье, иногда не одно, уходили на промысел надолго, на весь сезон.

- Такая жизнь не каждому понравится, жить полгода без семьи

- Другой жизни в те времена мужчины не представляли. К семьям периодически выходили из леса, привозили оленину, мылись в бане, общались с семьей и вновь уходили в тайгу. Весной на пароходах приходили купцы из Красноярска, вели обмен муки, соли, сахара и других продуктов на пушнину. Каждый старался запастись продуктами и всем необходимым до будущей весны. Начинался длинный праздник.

Этот разговор навеял на Николая воспоминания, и он неожиданно спросил:

- Знаете, чего бы я сейчас хотел?

- Поведай, узнаем, - сказал Володя.

- Мне хотелось бы оказаться в детстве, здесь в своем доме.

- А выпить ты еще не хочешь? - с подначкой спросил Сергей.

- Нет, не хочу, - ответил он и продолжал: до войны детство было радостным и счастливым. Мы, ребятня, с нетерпением ждали прихода весны. Вода в Енисее поднималась более, чем на десять метров, заливала все низкие места. Прилетали долгожданные гуси и утки, тысячи различных пород куликов, их можно было встретить в любой луже. Каких только пород тут не было! Кулички – турухтаны окрашены во все цвета радуги. Я охотился на куличков из лука стрелами.

Взрослые отправлялись на охоту за гусями. Южнее деревни протекает река Носовая. С подъемом воды в Енисее ее течение устремляется вспять, заливает многочисленные озера и болота, вместе с водой заходит множество рыбы на икромет. Охотники без усилий на лодках, подгоняемых течением, доплывали до тундры. Когда вода начинала спадать, они вновь по течению спускались по реке, привозили гусей и разной рыбы. После длительного отсутствия в селе мужчины шли в бани попариться, а для женщин

начиналась трудная, но приятная работа. Они теребили гусей, солили и вялили рыбу.

- Вот бы так поохотиться, - мечтательно произнес Володя.

- Кто вам мешает, берите весной отпуск и приезжайте, - сказал Сергей, - только заезжать надо по льду до ледохода.

- Очень заманчиво, надо подумать.

- Как жилось в войну? – спросил я Николая.

- Мне было четырнадцать лет. В этом возрасте все ребята уже прекрасно плавали на ветках и ставили сети на заливных местах и в озерах. (Ветками называются маленькие лодки, выдолбленные из ствола дерева.) На Енисей нам выплывать запрещалось. Мы и сами понимали, что против течения нам не выплыть. Женщины и старики объединились в артель и ловили рыбу для фронта. Хлеба практически не было, жили на рыбе и ягодах. Собирать ягоды входило в обязанности детей, матери были заняты в артели. Бруснику и клюкву хранили в бочках, заливая водой.

- Гнус не заедал?

- Не помню, чтобы мы боялись гнуса. Отпугивающих средств не было, девочки повязывались платками, ребята носили куртки с капюшонами. Наверное, был иммунитет от комаров и гнуса.

В жарко натопленном помещении меня разморило и потянуло ко сну. Я оделся и вышел на крыльцо охладиться.

Небо было усыпано звездами, ярко блиставшими на фоне темно-голубого неба, полная луна заливала нежным желтым светом белоснежную равнину Енисея. Мороз крепчал, время от времени слышались глухие разрывы от трескающегося льда. Узкая полоска неба на северной стороне, в районе Дудинки, светилась мягким ровным светом. Внезапно из-за горизонта загорелись и прорвались вверх зеленовато-желтые стрелы могучих «прожекторов». Они становились все ярче и ярче, то разрастались, то судорожно сжимались, вспыхивали и гасли. Наконец вся северная сторона неба захватывалась холодным пожаром. Стало светлее, отчетливее просматривались очертания противоположного берега реки.

Торжественное безмолвие полярной ночи нарушил звон колокольчиков, приближающийся с юга. По Енисею поднималось облако снежной пыли от копыт многих оленей. Табун сопровождало несколько нарт, в которые было запряжено по два оленя. Они неслись, как птицы, едва касаясь копытами снега, их ноги мелькали, как спицы в колесе, сливаясь в одну плоскость. На звон колокольчиков на крыльцо выскочили мои друзья. Заметив людей у дома, ездоки хореями - длинными палками направили оленей к берегу и остановились против нас. Животные тяжело дышали, из ноздрей струился пар, шерсть серебрилась инеем. С нарт поднялись люди, похожие на копны сена. Они были одеты в национальные одежды до пят, которые шились из шкур оленей с капюшоном и пришитыми рукавицами к рукавам. Мех одежды заиндевел и отливал в лучах луны желтым цветом. В такой одежде невозможно было отличить мужчин от женщин. Я насчитал девять нарт. На

пяти ехали люди, на четырех походный груз. Несколько десятков запасных оленей остановились около нарт и не пытались куда-то убежать.

Поздоровавшись с приезжими, мы пригласили гостей в дом.

У порога они сняли через головы сакуи и бросили их на пол у дверей. В такой одежде удобно ехать на нартах. Ветер не продувает и не страшен любой мороз. Только теперь мы смогли их рассмотреть. Это были две семейные пары. Одной чете было за тридцать лет, с ними был сын двенадцати лет. Второй чете было за двадцать лет.

Долг гостеприимства - первым делом накормить гостей. Мы пригласили их за стол. Сергей принес мороженого сига и собрался его строгать.

- Не надо строганины, рубанина лучше, - сказал старший эвенк.

Он взял из рук Сергея сига, положил его на порог и обухом топора, держа рыбу за хвост, стал бить по ней. Затем ножом разрезал кожу по спине, развернул и положил на стол. Перед нами лежала мелко измельченная мороженая рыбная масса, отделившаяся от кожи и костей.

Николай на правах хозяина взял в руки бутылку спирта и спросил:

- Спирт разводить водой надо?
- Однако, чистый пить нам надо, - послышался ответ.
- Женщинам тоже не разводить?
- Однако, надо развести.

Я спросил шутя, надеясь на отрицательный ответ:

- Ребенку тоже наливать?
- Однако надо, он уже большой.
- Не разводить? – спросил Николай, удивленный предыдущим ответом.
- Однако, надо развести.

Гости вели себя свободно и независимо, как будто были с нами давно знакомы. Попросили принести еще рыбы, протягивали кружки для следующей порции спирта.

Я пытался понять: это детская наивность или бесцеремонность? Окончательного вывода не сделал.

Одежда мужчин мало чем отличалась от нашей одежды. Скинув сакуи, они оказались в ватных фуфайках и ватных брюках, какие можно купить в любом магазине. Под фуфайками были одеты простенькие хлопчатобумажные пиджаки и рубашки. На ногах торбоза, которые иногда называют броднями. Они шьются из хорошо выделанного камуса, снятого с оленьих ног, как болотные сапоги, доходят до паха и привязываются к поясу сыромятными ремешками.

Мужчины были ниже среднего роста, худощавые, лица округлые, смуглые, с широкими скулами. Темные глаза сидели глубоко в глазницах, нос небольшой, широкий.

Одежда женщин имела национальный колорит. Кухлянки из оленьих шкур расшиты бисером, под ними одеты камлейки - матерчатые кофточки. На ногах красовались унты, расшитые бисером и красно-синими матерчатыми треугольниками.

Младшая женщина с азиатским типом лица, слегка раскосыми глазами походила на японку и была очень красивой. Сергей не сводил с нее глаз. Она это чувствовала, но не смущалась и вела себя непринужденно. После первого тоста, за знакомство, на ее щеках появился румянец, лицо оживилось.

За столом велся разговор о рыбалке, об охоте. Они неплохо говорили на русском языке.

- Из каких краев путь держите? – спросил Володя.
- Однако, ездили в Игарку, сдали пушнину, купили товара и возвращаемся в свое стойбище.
- Далеко вам еще ехать?
- Однако, два перехода.

Эвенк никогда не скажет сколько километров. Расстояние у них измеряется переходами, которые очень разные, зависят от времени года, состояния погоды, наличия в пути корма для оленей.

Немного выпив, поев ухи, молодая эвенка встала из - за стола со словами:

- Надо ребенка кормить, - и направилась к дверям.

Ее соплеменники никак не прореагировали на эти слова. Я подумал, что не понял ее слов. Мальчик сидит за столом и с удовольствием ест уху. Не может же на сорокаградусном морозе быть еще ребенок.

К моему удивлению, женщина принесла с улицы мешок из оленьей шкуры, развязала его и достала грудного ребенка. Затем села на табурет около стены, не стесняясь нас, расстегнула одежду, достала полную, налитую молоком грудь и стала кормить ребенка.

Первоначально мне пришла в голову мысль, что она это делает демонстративно в отместку Сергею: «на мол, смотри какая я, коли пялил на меня глаза».

Ребенок чмокал и с наслаждением сосал грудь, на лице матери расплывалась счастливая улыбка.

Я вспомнил слова кого-то из классиков, что нет ничего приятнее, чем видеть молодую, красивую мать со здоровым ребенком на руках. Мы присутствовали при таком случае. Я невольно периодически бросал взгляд на кормящую мать.

Мои сомнения разрешились: эвенки скученно живут в одном чуме и не стесняются того, что естественно в быту.

Любопытство заставило меня осмотреть мешок. В нем стояла плетеная корзина с сухим мхом на дне. Для воздухообмена прорезано круглое отверстие размером в трехкопеечную монету.

Накормив ребенка, молодая мать положила его в корзину, плотно завязала мешок сыромятным ремешком и понесла на улицу.

- Поставьте мешок к печи! – закричали одновременно Володя и Сергей.

Женщина молча вышла за дверь. Вторая эвенка пояснила:

- В тепле оставлять ребенка нельзя, в дороге может заболеть.

Вот так жители севера закаляют своих детей с детства. Эвенк в своем сакуе в любой мороз может выспаться в снегу и не заболеть.

- У тебя есть с собой деньги? – спросил меня Володя.
- Рублей тридцать есть, зачем они тебе?
- Давай купим молодого оленя, привезем домой рыбы и мяса.
- С удовольствием, если продадут.

Мы уже знали имена гостей. Старшего звали Сэпак, младшего Кога. Женщин Кыта и Лутта. В именах ударение должно делаться на первый слог.

- Сэпак, - обратился к нему Володя, - продайте нам молодого оленя.
- Олешка продать можно, - не задумываясь, ответил Сэпак.

Ужин давно подошел к концу, все мужчины оделись и толпой высыпали на улицу. На небе ярко горели звезды, ночное светило заливало бледным желтым светом окружающее снежное пространство. Все олени стояли или лежали около нарт. Николай с Сергеем пошли к табуну помогать выбрать упитанного оленя. Испугавшись незнакомых людей, табун стал разбегаться, все бросились ловить жертву. В результате переполоха и неразберихи оказались заколотыми два оленя. Одного зарезали Сэпак и Кога, второго Николай с Сергеем.

Эвенки не горевали, они были согласны продать двух оленей. В считанные минуты, освежевав туши, Сэпак ладонью стал пить теплую кровь, Кога вырезал у оленя почку, прикусил ее зубами и быстрым движением ножа отрезал около губ. Так кусок за куском он съел всю почку. Меня не удивила привычка эвенков к сырой пище. Возник только вопрос: почему Кога предпочел почку нежной печени?

Вернувшись в дом, я спросил: «Сколько надо денег за мясо?»

- Шестьдесят рублей, - был ответ.
- У меня только тридцать, придется взять одного олешку.
- Бери оба, пиши свой адрес, мы заедем.

Гости стали собираться в путь. Мы предложили переночевать в теплом доме, но они отказались наотрез.

- Почему вы не хотите остаться? – спросил Володя.
- Олени голодные, надо доехать до тундры, там они будут кормиться.
- Как вы будете ночевать при таком холоде?
- Поставим палатку, - прозвучал ответ.

Для эвенков ночевать зимой в палатке было обыденным явлением.

Мы все вышли провожать новых знакомых. После пожатия рук, они уселись каждый на свою нарту, взмахнули хореями, раздался гортанный крик и олени помчались по просеке, проложенной через прибрежный лес в тундру. В морозном воздухе тревожно звенели колокольчики. На душе осталась грусть и печаль за судьбу этих людей.

Пожар

Декабрь пришел с морозами. Температура воздуха не поднималась выше пятидесяти градусов холода. При полном безветрии над городом висел туман

из застывшей воздушной влаги, через который пробивался тусклый свет от уличного освещения.

Когда я приехал в Игарку, был удивлен, что в городе нет воробьев. Где бы я ни жил, привык всегда видеть на дороге, во дворе, да где угодно, этих бойких, веселых спутников человека. А вот в заполярье их нет. Теперь мне стало понятно, что такой мороз им не перенести.

Меня разбудил телефонный звонок. Открыв глаза, я увидел на потолке блики от света, проникающего в окно. Подбежал к окну и увидел страшную картину: на территории комбината полыхало пламя, его языки поднимались высоко над землей и освещали не только окружающую территорию, но и улицу, прилегающую к комбинату.

Телефон продолжал подавать тревожные звонки. Я крикнул в трубку: «бегу» и стал лихорадочно одеваться. Проснулась Наташа и спросила:

- Ты куда, на ночь глядя?

- Поднимайся, пожар! Огонь может перекинуться на город.

Застегиваясь на ходу, бежал по улице, морозный воздух обжигал носоглотку и легкие. Около комбината воздух был теплым, дышать стало легче. В проходной вахтер сообщил:

- Горит третий лесозавод.

Около пожара я попал в полосу знойного воздуха, здесь дышать было труднее, чем на морозе. Возможно, сказывался резкий перепад температур. Пожарные расчеты со всех сторон поливали разбушевавшееся пламя, но оно не унималось. Виктор Морозюк появлялся то у одного, то у другого расчета, отдавал какие-то команды.

Деревянное здание завода постройки тридцатых годов таяло на глазах, как восковая свеча. Около пожара собралось все руководство комбината, работающая смена завода и много любопытных. Был тот случай, когда большая масса людей ничем не могла помочь.

Недалеко от завода стоял столярно-мебельный цех, за ним, через забор, начиналась городская застройка. Горящие головешки в потоке теплого воздуха перелетали на цех. Морозюк перевел часть расчетов к цеху, чтобы предотвратить его загорание. При перетаскивании пожарных рукавов, один лопнул. Мимо меня с невероятной скоростью пронесся Валентин к пожарной машине, чтобы перекрыть воду и прикатить новый рукав. Я не ожидал от него такой способности быстро бегать.

Директор завода Филипп Григорьевич, привыкший всегда командовать, стоял хмурым и неразговорчивым. На его плечи свалились неожиданно большие заботы. Мы, его заместители, понимали это и готовы были во всем помогать. К утру, когда опасность распространения огня на другие объекты миновала, он сказал:

- Пойдемте ко мне, обсудим обстановку.

В его кабинете собрались все заместители, начальники трех лесозаводов, начальники отделов и цехов.

За одну ночь директор осунулся и почернел. Его одолевали заботы: как обеспечить работой рабочих сгоревшего завода, как выполнить план по

заготовке пиломатериалов двумя заводами, как восстановить сгоревший завод. Началась незапланированная планерка. . .

Через четыре дня к нам прилетел из Ленинграда главный инженер проекта института «Гипродрев» Алексей Степанович Парфенов. Министерство потребовало в кратчайший срок построить новый современный завод.

Перед отлетом, на совещании он сказал:

- На месте старого завода можно поместить типовой завод с широкопросветными пилорамами, сможете пилить бревна большого диаметра.

- Нет худа без добра, - произнес главный инженер Михаил Васильевич Пугачев.

Он давно добивался модернизации устаревшего оборудования.

- Фундаменты будут из железобетонных свай, заглубленных в скалу, которая залегает на участке будущего завода, - продолжал Парфенов.

- У наших строителей нет станков для бурения скальной породы, - сказал я.

- Фундаменты большинства объектов Норильска построены с помощью станков канатно-ударного бурения. Обратитесь к ним, - парировал мою реплику Парфенов.

- Собирайся в командировку, - сказал мне Долинин после совещания. . .

Впервые иду по Норильску, удивляюсь и восхищаюсь его застройкой. Пятиэтажные дома стоят на высоких свайных фундаментах, фасады зданий напоминают какой- то уголок Ленинграда. Электрический свет заливает широкую улицу. На центральной площади размещены огромный дом культуры с колоннадой и портиком, административные и жилые здания.

Город кажется вымершим, на улице не видно людей, мороз загнал всех в помещения.

«Это все построено в открытой тундре за короткий срок», - удивлялся я. Город ничем не отличается от любого европейского города. Игарка с деревянными одно и двухэтажными домами по сравнению с Норильском - маленькая деревня. В голову пришла мысль: «мог бы я поменять Игарку на Норильск?» Здесь в домах горячая и холодная вода, канализация, люди живут, как в любом крупном городе на материке. В Игарке таких удобств нет.

- Нет, не смог, - сам себе ответил.

Здесь нет колорита Заполярья, его суровой красоты, нет в пешеходной доступности реки и леса.

Строительное управление «Норильскстрой» размещалось на первом этаже пятиэтажного дома. Начальник управления выслушал мой рассказ о пожаре, посочувствовал и спросил:

- Чем могу вам помочь?

- Мы надеемся заключить с вами договор на устройство свайных фундаментов.

- У вас в городе прекрасная строительная организация «Игарстрой».

- Она не имеет станков для бурения скальных пород.

- Я не могу решить этот вопрос самостоятельно, строительное управление является подразделением комбината «Норильскникель». Попробуйте обратиться к заместителю директора комбината по строительству.

Простившись с дружелюбным строительным начальником, окрыленный его сочувствием, я отправился к более высокому начальству.

У заместителя директора комбината моя просьба сочувствия и энтузиазма не вызвала. При разговоре он держался высокомерно и старался показать свое превосходство.

- У нас предстоят большие работы, посылать бригаду, чтобы забить несколько сот свай нет возможности.

- Тогда продайте или передайте на баланс один станок.

- Буровое оборудование числится на балансе основных фондов. Передача может проводиться только с согласия вышестоящей организации. Попробуйте обратиться к директору.

Он явно выпроваживал меня, стараясь избавиться от назойливого посетителя.

Директора комбината Владимира Ивановича Долгих, будущего Первого секретаря Красноярского обкома партии и будущего члена ЦК КПСС на месте не застал. Секретарь сказала:

- Владимир Иванович на заседании Горкома партии, будет поздно.

- Если вы не возражаете, я подожду.

- Присаживайтесь и ожидайте.

Владимир Иванович пришел к концу рабочего дня.

Увидев в приемной незнакомого человека, спросил:

- Вы ко мне?

- Да, к вам прилетел из Игарки, - выпалил я скороговоркой, чтобы он не перенес встречу на другой день.

- Прошу в кабинет, - сказал он и открыл дверь.

В кабинете сел за рабочий стол, пригласил меня присесть и первым заговорил.

- Слышал о вашем пожаре. Впервые представитель Игарки к нам пожаловал, хотя живем по соседству. Видимо, что-то понадобилось.

При своем высоком положении и занятости, держался просто и внимательно к собеседнику.

- Вы угадали. Нам нужен буровой станок, я обошел все ваши службы, дорога привела к вам, как к последней инстанции. Помогите передать на наш баланс один станок.

- Передать можно, но это займет времени больше, чем строительство завода.

Он немного подумал и продолжал:

- Поступим так: мы дадим вам станок во временное пользование, с наступлением навигации вернете.

Я не верил своим ушам, что вопрос так просто решился. Сердце радостно колотилось.

- Письмо с собой есть? – услышал, как сквозь сон, вопрос.

Заготовленное письмо лежало в папке, протянув его Долгих, краем глаза смотрел, какую резолюцию напишет. Он написал главному механику комбината: подготовьте рабочий буровой станок и передайте Игарскому комбинату под гарантийное письмо вернуть в навигацию. . .

Время было позднее, пришлось идти в гостиницу, чтобы с утра отправиться разыскивать главного механика. По прямой улице, как по трубе, дул сильный ветер. Ощущение холода усиливалось, приходилось закрывать нос меховым воротником, опасаясь обморожения. В Игарке при сильных морозах никогда не бывало ветра. Я еще раз подумал: в Игарке жить лучше, чем в Норильске.

Главный механик оказался немолодым полнеющим мужчиной. Он был добродушным и отзывчивым человеком. С такими людьми легко разговаривать и находить общий язык. Здороваясь со мной за руку, назвался Василием Ивановичем.

- Очень приятно, - произнес я дежурную фразу и добавил, - полный тезка Чапаева, такие имена не забываются.

На его лице промелькнула улыбка – ему, видимо, было приятно сравнение его с Чапаевым.

- Воевать и нам приходится, только с техникой, не любит она наших заполярных морозов.

Я сначала рассказал ему о пожаре, о цели своего визита, чтобы вызвать сочувствие, затем положил на стол письмо с резолюцией Долгих.

- Приказ начальства – закон для подчиненных, - произнес он, прочитав письмо, - свободные станки есть, присылайте ваших людей.

Он хотел положить письмо в стол. Мне пришлось попросить его:

- Разрешите, я возьму письмо с собой, чтобы наши представители приехали с ним. Оно будет аргументом для их поездки.

- Понимаю, понимаю, «без бумажки ты букашка, а с бумажкой - человек», процитировал он бытующую в те времена поговорку.

Дружески распрощавшись с Василием Ивановичем, на городском автобусе добрался до аэропорта и к концу дня был в Игарке.

За бурильным станком по льду Енисея отправилась колонна тракторов. Впереди на бульдозере ехал Сергей, с которым я был на рыбалке в Носовой, и прокладывал дорогу в довольно глубоком снегу. За ним два трактора тащили балки на полозьях из труб для обогрева и отдыха трактористов, замыкал колонну трактор с санями для станка. Возглавлял экспедицию главный механик комбината Эдуард Бауэр. Он сидел в кабине бульдозера вместе с Сергеем. Перед ними простиралась снежная целина, широкий нож бульдозера до льда срезал снег и раздвигал его в стороны. Полярная ночь была в своей красе: небо усыпано звездами, луна заливала бледным светом снежные просторы Енисея. Приближалось двадцать второе декабря – пик темноты и холода. Света от луны и звезд было вполне достаточно, чтобы ехать без освещения фарами. Путь пролагали вдоль правого берега Енисея, ориентируясь на его очертания. До Дудинки предстояло пройти триста километров по безлюдной местности. От Дудинки до Норильска по существующей трассе. В пятидесятиградусный мороз ни один рыбак и

охотник не рискнет выйти на лед. Бауэра беспокоил мороз. «Только бы не подвела техника, - думал он. - Людей подобрал надежных, не подведут в любой ситуации».

- К новому году вернемся? – спросил Сергей.

- Обязательно вернемся, - уверенным голосом ответил Бауэр.

Он знал, что неуверенность плохой попутчик в таком мероприятии.

На обратном пути авария все-таки случилась. Металл не выдержал мороза. Лопнула гусеница у бульдозера и скатилась на лед, машину развернуло. В таких случаях механизаторы говорят, что бульдозер разулся. На помощь Сергею пришли все трактористы. Трактором развернули бульдозер вдоль дороги, буксиром затащили его на уложенную перед ним гусеницу и при свете факела заменили лопнутое звено.

Участники поездки не ждали каких-то поощрений и благодарностей. Это была их работа. Филипп Григорьевич подготовил им сюрприз. Под новый год на общем собрании комбината в Доме культуры был зачитан его приказ. Всем участникам экспедиции под аплодисменты присутствующих были вручены грамоты и денежные премии.

Отпуск

Если не рассказать об отпуске северянина, это будет неполное представление о жителях Заполярья. Отпуск – долгожданная мечта, поскольку его дают, как правило, за два года работы на три месяца. Денег на отдых никто не жалеет. Часто они заканчиваются раньше истечения срока отпуска. Тогда одни отпускники дают телеграммы друзьям с просьбой выслать денег, другие возвращаются и, не дождавшись окончания отпуска, выходят на работу. Редко у кого длительный отпуск обходится без приключений, не обошли приключения стороной и нас с Наташей.

Мы долго обсуждали, где провести свой отпуск, хотелось многое посмотреть. В конце концов решили посетить Москву, Ленинград, отдохнуть в Трускавце, а дальше положиться на случай.

Завезли детей в Новосибирск, оставили на даче сестры Наташи Ирины под присмотром бабушки Марии Ивановны.

В Москве у меня уже появились хорошие знакомые, которые могли забронировать номер в гостинице. Я позвонил им в объединение «Союзлесоэкспорт». Эта организация имела бронь в лучших гостиницах Москвы для размещения своих зарубежных партнеров. Нам был предоставлен двухместный номер в гостинице «Украина», которая размещалась в одном из первых высотных зданий Москвы. Необычная, величественная архитектура здания поражала своей красотой. Здесь мы прожили неделю. Описывать где мы были и что видели, для читателя интерес не представляет, а вот свое впечатление о людях той поры хочется описать.

Нам постоянно приходилось спрашивать у прохожих: как проехать туда-то, как найти такой-то театр или выставку. Многие отвечали:

- Я нездешний, я приезжий, извините, я не знаю.

Это гости столицы, их встречалось много.

Были и другие ответы:

- Мне некогда, спросите у кого-нибудь другого, я спешу.

Некоторые проходили мимо, сделав вид, что не расслышали вопроса. У меня сложилось впечатление, что москвичи относятся недоброжелательно к людям, приехавшим в их город.

Противоположное мнение сложилось о ленинградцах. Стоило нам обратиться к ним с подобным вопросом, они подробно рассказывали о маршруте к объекту, советовали, на что обратить внимание. Чувствовалось, что ленинградцы гордятся своим городом, доброжелательно относятся к приезжим и готовы им все показать и обо всем рассказать.

В Ленинграде мы остановились в «Пансионате для престарелых артистов имени Савиной».

Большой комплекс пансионата был построен на средства актрисы, широко известной до революции в России и за рубежом.

В свой первый приезд в Ленинград, несколько лет тому назад, я объехал много гостиниц, но не смог устроиться. Свободных мест нигде не было. Приехав по своим делам в институт «Гипродрев», попросил помощи в устройстве с жильем.

Главный инженер института Л. И. Шаневич сказал:

- В гостиницу устроить не смогу, а вот в пансионат попытаюсь. К нам часто обращается директор пансионата за грузовой автомашиной, попробую попросить для тебя место на несколько дней.

И вот я иду по тенистым аллеям парка, расположенного на Петровском острове, недалеко от парка культуры и отдыха имени С. М. Кирова. Главный корпус поразил меня архитектурой девятнадцатого века в стиле барокко. В кабинете директора находился мужчина не намного старше меня. После приветствия я спросил:

- Вам звонили относительно меня?

- Да, звонили. Присаживайся и скажи, откуда у тебя «поплавок» об окончании морского училища?

В те годы было принято носить значки об окончании вузов. В кабинетах властных структур ко мне относились уважительней, когда на груди были значки. Поэтому всегда при поездках в командировки надевал костюм со значками, но никогда не встречал такого бесцеремонного отношения. На заданный вопрос ответил:

- Я окончил военно-морское училище.

- Какое училище?

- Владивостокское.

- В каком году поступал?

- В тысяча девятьсот пятьдесят первом.

- Я окончил это училище на два года раньше твоего поступления.

Беседа из официальной перешла в дружескую, мы вспоминали училище, его преподавателей, курсантские годы. Моим собеседником оказался капитан первого ранга в отставке Леонид Иннокентьевич Сергеев.

Меня разместили в двухэтажном коттедже для приезжих гостей артистов. Кроме меня в коттедже никто не проживал.

Уезжая из Ленинграда, я зашел проститься с Леонидом Иннокентьевичем. На прощание он мне сказал:

- Будешь еще в Ленинграде, не забывай меня, заходи, место тебе всегда найду.

С тех пор я всегда останавливался в пансионате, с Сергеевым у нас завязалась дружба. . .

Вот теперь нам с Наташей была предоставлена одна половина такого коттеджа. В день приезда мы решили отдохнуть и ознакомиться с территорией пансионата. На знакомство с Ленинградом у нас было неограниченное время.

На главном корпусе пансионата висела мемориальная доска с названием: «Дом ветеранов сцены имени М. Г. Савиной». Слава артистки Марии Гавриловны Савиной в свое время гремела в России и во многих странах за рубежом. Из жизни она ушла в 1915 году в Санкт-Петербурге. По ее инициативе в 1884 году был построен этот объект на средства ее мужа А. Е. Молчанова на дарованной царем земле. Здания и прилегающий к ним парк, заложенный еще Петром первым, занимают 5,5 га земли. Здесь растут именные деревья, посаженные в честь известных актеров, художников, композиторов. Многие деревья охраняются государством. В 2001 году всей территории «Дома ветеранов сцены» присвоен статус памятника истории и культуры федерального значения.

Гуляя по парку, обнесенному высоким забором, мы знакомились с историей, о которой не имели даже малейшего представления. На дорожках парка встречали пожилых людей в одеждах из прошлого века. Мне казалось, что они вышли подышать свежим воздухом во время антракта в каком-то спектакле. На мужчинах были смокинги, вместо галстука бабочки, на голове шляпы, у некоторых в руках трости. При встрече друг с другом и с нами, они приподнимали шляпы и раскланивались. На женщинах очень длинные узкие юбки, мне казалось, мешали им сделать широкий шаг. Большинство носили белые блузки. Сейчас я не могу вспомнить на них другой одежды, а также не помню среди них полных людей.

Каждый день в Ленинграде приносил неизгладимые впечатления. Мы побывали в Петергофе, в Пушкино, в Павловске. Посетили Эрмитаж, Исаакиевский собор, Кунцкамеру и другие музеи.

Устав от многочисленных экскурсий, мы решили один день отдохнуть от поездок. Я воспользовался случаем и пошел в проектный институт, который находился по соседству с пансионатом, чтобы узнать о ходе проектирования объектов комбината.

Парфенов был рад встрече, удивился нашему активному отдыху. Когда я его спросил, что бы нам еще посмотреть, сказал:

- Съездите в Ригу, посмотрите старый город, католический костел, зайдите в кабачок «Тринадцать стульев». Все фильмы о средневековой Европе снимались в Риге, быть рядом и не посмотреть настоящей Европы непростительно.

Он убедительно и интересно рассказывал о городе, в котором неоднократно бывал, и быстро убедил меня поехать туда.

- Как долго ехать до Риги?

- Сегодня сядете в поезд, утром будете на месте.

. . . Мы бродили по центру города, который не был похож ни на один из городов, которые мне приходилось видеть. В одном из парков присели на лавочку около водоема, на котором плавали белые и черные лебеди. Меня удивляло: почему птицы не улетают? Перья крыльев у них не были подрезаны. От сотрудника парка узнал, что лебедям делают операцию и вырезают мышцы на крыльях. Мне стало жалко красавцев природы.

Пасмурная погода, которая сопровождала нас последние дни, сменилась на жаркую солнечную.

- Пойдем, купим мне шляпу, - сказала Наташа, и мы отправились искать нужный магазин.

Шляпный магазин размещался в небольшом помещении, на полках лежали шляпы всевозможных фасонов. Посетителей не было, за прилавком стояла немолодая женщина с седеющими волосами. Она вежливо первой поздоровалась с нами и с латвийским акцентом спросила:

- Какую шляпу вам показать?

Наташа, осмотрев полки, показала на одну из шляп. Когда продавец подала ей шляпу, примеряла ее перед зеркалом и положила на прилавок со словами:

- Мне эта шляпа не подходит.

- Какую шляпу вам еще показать?

- Не могу выбрать, какая бы шляпа мне подходила.

- Одну минутку, сейчас принесу вам шляпу со склада, - сказала продавец и удалилась через приоткрытую дверь в соседнее помещение.

Наташа долго крутилась перед зеркалом в принесенной шляпе, затем сказала:

- Знаете, мне эта шляпа не к лицу.

- Подождите еще немного, я подберу для вас шляпу, - сказала продавец и вновь удалилась на склад.

Она терпеливо и вежливо несколько раз приносила со склада шляпы, пока Наташа не купила одну из них.

Когда мы вышли из магазина, я спросил:

- Наташа, тебе понравилась эта шляпа?

- Нет, мне просто было стыдно уходить из магазина без покупки.

«Вот что значит европейское обслуживание в торговле, - подумал я, - наши продавцы после двух - трех примерок обязательно бы нагрубили и отказались обслуживать».

После этого мы отправились разыскивать старый город. День клонился к исходу, на улице было много гуляющих, никто не спешил. Создавалось

впечатление, что город живет спокойной, размеренной жизнью. Нам навстречу попалась молодая пара, я спросил:

- Скажите, пожалуйста, как нам пройти в старый город к собору?
- Вы, вероятно, приезжие? – поинтересовался молодой человек.
- Да, мы приехали из Заполярья, чтобы познакомиться с вашим городом.
- Мы гуляем, - сказал молодой человек, - если позволите, мы вас проводим.
- С удовольствием, но вы шли в противоположную сторону.
- Для людей, вышедших на прогулку, нет разницы, в какую сторону идти, - поддержала его подруга.

Мы шли по вечерней Риге, любовались красочной рекламой, архитектурой зданий и вели непринужденный разговор. Наши спутники рассказывали нам о городе, о себе. Молодой человек недавно отслужил в Армии и вернулся домой. Девушка была его невестой, они собирались вскоре пожениться. За разговорами незаметно вышли на старинную площадь города, на которой стоял впечатляющий католический собор. Мне показалось, что я его видел в фильме «Собор парижской Богоматери».

Место строительства Домского собора было освещено в 1211 году епископом Альбертом, завоевателем прибалтийских земель и г. Риги. Ему был нужен представительный собор, который своим видом поражал бы приезжих, свидетельствуя о могуществе епископа и достигнутых им успехов. Строительство затянулось до средины 13 века. Альберт не дожил до окончания строительства и был похоронен в недостроенном храме.

Епископ достиг своей цели – мы стояли завороженные красотой и величием католической архитектуры. Собор неоднократно расширяли и перестраивали. В нем представлены архитектурные стили почти всех прошедших со дня его освоения культурно - исторических эпох.

Ныне бывшие монастырские корпуса занимает музей истории города Риги и мореходства. Старый собор стал крупнейшим и красивейшим концертным залом Риги с великолепным органим.

Налюбовавшись вдоволь собором, я обратился к своим спутникам:

- Теперь, пожалуйста, покажите нам, где находится кабачок «Тринадцать стульев».

Кабачок оказался на этой же площади, против собора. У дверей стояла длинная очередь. Пригласив молодых людей посетить с нами кабачок, встали в очередь.

- Наверное, долго придется стоять в очереди, - посетовала Наташа.
- Не беспокойтесь, у нас в питейных заведениях много и долго не пьют, - ответила ей девушка.

Очередь двигалась быстро, и вскоре мы оказались в подвале, который напоминал средневековое помещение для пыток и в то же время казался музеем. Каменные стены имели множество ниш, в которых стояла старинная утварь. Мой взгляд искал орудия пыток, но не находил их.

Официант вежливо пригласил нас за столик. Я осмотрелся и насчитал тринадцать мест.

- Почему на столах не видно меню? – спросил у своих спутников.

- Здесь комплексное меню, - услышал ответ.

Вскоре нам каждому подали по маленькой стопке «Рижского бальзама», чашечке кофе и пирожному.

- Мне не удалось распробовать бальзам, давайте повторим заказ, - предложил спутникам.

Они рассмеялись.

- Здесь повторно заказ не примут, придется покинуть заведение, - услышал ответ.

«Вот почему очередь двигалась быстро» - подумал я.

Мне понравились западные порядки в питейном заведении, понравилось и отношение латышей к нам. До посещения Риги мне приходилось слышать о недоброжелательном отношении их к русским. Может быть, нам просто везло встречать на своем пути только хороших людей.

После Риги мы самолетом долетели до Львова, затем автобусом поехали в Трускавец. Без проблем купили курсовки на лечение и сняли квартиру.

Вот на этом курорте ощутили на себе в полной мере недоброжелательное отношение к себе со стороны местных украинцев. Фрукты и некоторые продукты мы покупали на базаре. Когда обращались к продавцам с вопросом, сколько стоят фрукты, некоторые женщины молчали, иные отворачивались от нас. Часто за спиной слышали слова:

- Москали проклятые!

Прозвище «москали» меня не оскорбляло, а вот за слово «проклятые» было обидно. Благополучие местных жителей полностью связано с курортом, который процветал благодаря приезжим отдыхающим. В то время прошло почти десять лет после прекращения вооруженного сопротивления банд УНА.

После отдыха в Трускавце, мы решили полететь в Краснодар, чтобы из него автобусом уехать в Анапу, где прошло мое военное детство. Билеты были куплены заблаговременно. В Львовском аэропорту мы прочитали объявление: организуется круиз по Черному морю из Одессы до Батуми с заходом в шесть черноморских портов. До отхода теплохода из Одессы оставалось три дня. Я загорелся желанием отправиться в круиз по Черному морю. Наталью долго уговаривать не пришлось. Отправился в кассу менять билет. Кассир, посмотрев мой билет, сказала:

- На Одессу рейс только завтра.

- Меняйте билет, меня устраивает завтрашний день.

До отхода теплохода в запасе оставался один день.

- Мне придется удержать с вас двадцать пять процентов стоимости билета.

- Удерживайте, если положено.

Купив новый билет, уселся в кресло и стал обдумывать, где провести сутки до отлета самолета. В это время раздался голос диктора:

- Начинается регистрация билетов на рейс, вылетающий по маршруту Львов, Одесса, Краснодар.

Посмотрев на свой билет, ужаснулся. Это был мой рейс. Мне поменяли билет с сегодняшнего рейса на завтрашний день. Возмущенный случившимся недоразумением, отправился к кассиру.

- Почему вы не сказали мне при обмене билета, что я мог улететь до Одессы сегодня?

- Надо внимательно смотреть расписание, - был ответ.

На этом наши приключения не закончились. Прилетев в Одессу, мы бродили по городу и знакомились с его достопримечательностями, пока не выбились из сил. В конце улицы Дерибасовской попали в прекрасный парк с множеством лавочек. Оставив Наташу на одной из лавочек, я отправился искать место в гостиницах города. Когда вернулся, Наташи на лавочке не было. Ее нашел стоящей в тени дерева, рядом была свободная лавочка.

- Ты почему не сидишь на лавочке, на которой тебя оставил?

- Здесь очень опасно сидеть на лавочках.

- В чем дело? Какая опасность?

- Сижу я на лавочке, задремала от усталости, - начала рассказывать Наташа,- садится рядом со мной пожилой, очень полный мужчина и спрашивает:

- На каком судне вы служите?

- Я не служу на флоте.

- Тогда как вы попали на эту лавочку?

- Просто села отдохнуть.

- Очевидно, вы новичок в этом парке?

- Не только в парке, но и в Одессе впервые.

Он улыбнулся и вот что мне рассказал:

- В этом парке исторически принят обычай - встречаться морякам. У специалистов каждой профессии - своя лавочка. На этой лавочке встречаются коки, я подумал, что вы ходите в море коком. Рядом лавочка – на ней встречаются механики, а напротив - женщины легкого поведения.

- Мне пришлось встать с лавочки и уйти подальше от кока, - продолжила рассказ жена, - подумала, как хорошо, что не села на лавочку напротив. . .

Наш круиз проходил на теплоходе «Кузьма Минин». Он недавно вернулся в Черное море после обслуживания зарубежных круизов. Обслуживание велось по зарубежным меркам. В нашей каюте успевали прибрать во время нашего завтрака. За весь маршрут круиза мы не видели, кто делал уборку. Теплоход от порта к порту двигался только ночью. Каждое утро в новом порту нас ждали автобусы на экскурсию. Мы побывали на экскурсиях в Севастополе, Ялте, Новороссийске, Сочи, Батуми. После ужина проводились массовые мероприятия. Запомнился переход условного экватора. Наряженные чертями матросы и артисты хватали пассажиров, невзирая на чин и возраст, бросали в бассейн, проводя морское крещение. Нептун с длинной бородой и трезубцем выдавал искупавшимся охранные грамоты от повторных крещений. . .

Остаток отпуска мы провели с детьми в Новосибирске и благополучно вернулись в Игарку.

Весенняя охота

Заканчивался последний весенний месяц май. Днем ярко пылало солнце, по ночам были заморозки. От снега очистились только проезжие дороги, во дворах, с северной стороны зданий лежали глубокие сугробы. Наша троица: Архипов, Морозюк и я - готовилась к весенней охоте. Закупили патроны с крупной дробью, обновили фанерные профиля гусей, составили список вещей, которые необходимо взять с собой. Мы решили, не дожидаясь прилета гусей, завезти к месту охоты груз и построить скрадок.

Рано утром водитель на автомашине провез нас по мертвой дороге километров пять от города и остановил автомашину перед разрушенным мостом. Он помог выгрузить нарты, лыжи и тяжеленный рулон широкой транспортерной ленты, подал наши рюкзаки, пообещал приехать за нами ровно через сутки и укатил в город. Мы стояли на высокой насыпи дороги и рассматривали местность. На гравийном полотне дороги снег давно растаял, а в лесу сверкал своей белизной. Морозюк в этом месте бывал не раз, и я полностью полагался на него. Он спустился с насыпи, стал ходить вдоль леса и разыскивать затес на дереве. Когда затес был найден, мы перенесли к нему наш груз, уложили на нарты, надели лыжи и по крепкому насту двинулись за Виктором, который шел впереди и разыскивал еле заметные на деревьях затесы, сделанные когда-то первопроходцами. Нарты легко скользили по насту, мы с Володей без усилий их тянули за веревки. Приходилось только следить, чтобы не зацепились за деревья. Часа через полтора затесы вывели нас на тундру, тянувшуюся с юга на север между лесными массивами. Она была покрыта снегом, за исключением торчавших из снега торфяных бугров. Зимой с них ветрами сдувается снег, и они раньше окружающей местности оттаивают под лучами весеннего солнца.

- Никаких признаков прилета гусей, - сказал Володя, осматривая местность.

- Мы идем не охотиться, а строить избушку для будущей охоты. Когда гуси полетят, строить избушку будет поздно, - ответил ему Морозюк.

Виктор направился к самому большому бугру в средней части тундры, мы с Володей потянули за ним нарты. На одном из бугров я заметил нарты.

- Смотрите - нарты! – воскликнул я, - давайте подойдем, посмотрим.

- Не вздумай в тундре подходить к брошенным нартам, - предупредил Виктор, - местные жители хоронили покойников, оставляя их в тундре на нартах, чтобы они сами продолжали путь к «верхним людям». Возле таких мест могут быть заразные бактерии.

Мы разгрузили нарты около облюбованного Виктором бугра и отправились к молодому березовому колку за жердями. В колке и на его кромке были видны следы оленей.

- Удобное место для охоты загоном, - мечтательно произнес Володя.

- Всему свое время, - сказал Виктор, - нам надо устроить себе жилье.

Когда жерди были доставлены на бугор, мы вбили на вершине бугра четыре кола по углам квадрата два на два метра. Затем, вдоль трех сторон, с внутренней стороны квадрата, на низких кольях с перекладинами устроили из жердей три лежанки. После этого принялись за устройство наружных стен. Транспортерным ремнем обмотали колья на высоту до полутора метров. В считанные минуты стены были готовы. Крышу сделали частично из ремня, частично из брезента. Брезент можно было наматывать на палку или быстро откидывать на крышу вместе с палкой. Образовавшийся в крыше проем служил входом и бойницей для стрельбы по гусям. Привезенную жестяную печурку установили в центре помещения, трубу вывели через крышу.

- Теперь надо заготовить дрова и опробовать печь, - предложил Виктор.

- Захватив топоры и пилу, мы на лыжах двинулись к лесу. Солнце успело размягчить снежный наст, лыжи глубоко проваливались в снег. Пришлось по очереди протаптывать лыжню. Ненагруженные нарты легко скользили по снежной поверхности. Я оглянулся назад и не увидел нашей избушки, ее черный цвет слился с черным торфяником. На фоне снега, с южной стороны бугра, красовались два табуна гусиных профилей.

Нагрузив свой транспорт сухими и сырыми березовыми дровами, которые горят жарче и дольше, отправились в обратный путь. Нарты проваливались в снег, несмотря на то, что мы перед ними протаптывали дорогу лыжами. Наш добровольный труд был не из легких. Я тянул лямку, привязанную к нартам, и размышлял: «все наши усилия ради того, чтобы несколько раз выстрелить по гусям. Вполне возможно, что не удастся добыть ни одного. Интересно, согласился бы городской житель, не охотник, выполнить за деньги все, что делаем мы без принуждения. Нет, не согласился бы», - подытожил свои размышления.

Печурка быстро разгорелась, пламя играло на сухих дровах, пытаясь выскочить в небольшую щель около дверцы.

- Дрова придется готовить короче, чтобы во время сна не угореть, – сказал Виктор.

- С огнем экзотичнее, как будто сидишь у костра, - произнес Володя.

- Кто тебе мешает развести костер на улице и ночевать около него, наслаждаясь экзотикой, а нам будет свободнее в скрадке, - предложил ему Виктор.

- Нет уж, у костра ночевать будем как нибудь в другой раз.

В помещении стало тепло и уютно. Мы сняли свои меховые шубы и улеглись на них, проверяя удобства своих спальных мест. После физического труда одолевала истома и блаженство. Закипевший чайник возвестил, что пора подкрепить свои силы. Мы разогрели на горячей печке консервы, достали хлеб, печенье, сахар. Виктор, как всегда, выложил толстый кусок сала. Сало было его слабостью. Про таких людей, как он, сложилось изречение: «если бы было много сала, я бы сало ел, на сале спал и салом укрывался».

Ночь была нехолодной, нам пришлось только один раз подбросить в печурку сырых березовых дров, и они тлели до подъема. Ночью это время суток можно назвать только условно, так как стоял полярный день.

В обратный путь мы двинулись налегке, под лыжами скрипел снежный наст, небольшой морозец бодрил и подгонял вперед. На насыпи железной дороги нас уже ждала автомашина. Дорогой договорились взять по несколько дней в счет будущего длительного отпуска, чтобы с началом пролета гусей незамедлительно отправиться в подготовленное место.

Когда я вошел в кабинет директора, Филипп Григорьевич встретил меня словами:

- Радуйся, пришла разнарядка из Министерства. Котлы на городскую котельную будет готовить Бийский котельный завод, а фермы перекрытия лесозавода из морозостойкой стали - Череповецкий металлургический комбинат.

- Чему радоваться, заявка у них пролежала полгода.

- Ты что, не знаешь волокиту в наших ведомствах?

- От моих знаний они лучше работать не будут.

- Собирайся в командировку, надо заключать с заводами договора, чтобы успеть завезти котлы и фермы в наступающую навигацию.

Мое настроение упало до нижнего предела. Охота, к которой так долго готовились, срывалась. Я попытался спасти положение:

- Может быть, пошлем Евгения Николаевича Филиппова, начальника отдела капитального строительства?

- Он сможет только привезти на подпись договора, затем их придется отправлять почтой. Потеряем много драгоценного времени. Так что иди в бухгалтерию, получай деньги на командировочные расходы, бери с собой свою печать и - в аэропорт. Если билеты в кассе проданы, полетишь за счет брони Горкома.

В те далекие времена во всех аэропортах были брони партийных и советских органов. Билеты реализовывали только перед отлетом самолета.

Дома у меня всегда был готов портфель с туалетными принадлежностями и чистыми запасными рубашками. Войдя в квартиру с папкой в руке, я сообщил Наташе:

- Еду в командировку.

- До каких пор это будет продолжаться?

- Что продолжаться? - удивился я.

- Ты не живешь дома, постоянно на охоте или в командировках.

На моем тихом, спокойном семейном «корабле» начинался бунт. На кораблях в море обычно бунт жестоко пресекался. Здесь такой тактикой можно было вызвать взрыв и пожар, который трудно потушить. Я избрал другую тактику. Обнял жену за плечи и посадил на диван рядом с собой.

- Наташа, давай все разумно обсудим, без эмоций. На охоте я был последний раз осенью, с тех пор прошло полгода.

- Ты только вчера вернулся с охоты, - не сдавалась она.

- Это была только подготовка к охоте, я отсутствовал всего один день. Теперь, возможно, поеду на охоту только осенью, стоит ли из-за этого портить наши отношения

- Подсчитай, сколько дней в году ты провел в командировках.

- Милая Наташа, это же моя работа. Пока не кончится срок договора, придется потерпеть.

- Хорошо, потерплю, - сказала она примирительно.

Взрыв возмущения был погашен, но я чувствовал, что он может повториться.

Из командировки вернулся поздно в субботу, поцеловал Наташу и детей, вручил всем привезенные подарки. Наташа смотрела на меня каким-то испытывающим взглядом.

- Тала, что-то случилось?

Я всегда называл ее этим именем, когда хотел доставить ей удовольствие. Так в детстве называла Наташу ее мама, Мария Ивановна.

- Не знаю, говорить тебе или нет? – она загадочно улыбалась.

- Говори, не томи душу.

После затянувшейся паузы она произнесла:

- Несколько раз звонил Морозюк - гусь пошел. Он с Архиповым давно уехал, ждут тебя.

Гуси на север летят, но в разговорной речи было принято говорить: гусь пошел

- Может мне в этом году пропустить гусиную охоту, - сказал я мягко с сомнением в голосе.

- Знаю тебя, обязательно поедешь, не криви душой, собирайся и езжай.

Я ожидал такого ответа, начал переодеваться, затем спохватился и позвонил на квартирный телефон Долинина.

Когда услышал его голос в трубке, поздоровался и кратко доложил о результатах командировки.

- В понедельник расскажешь подробнее, - подытожил он разговор.

- Филипп Григорьевич, у меня к вам просьба.

- Какая просьба?

- Разрешите в понедельник не выходить на работу.

- Что случилось, заболел в командировке?

- Со здоровьем у меня все в порядке, гусь пошел, боюсь, что уже опоздал.

- Беда мне с вами, охотниками, - незлобно брюзжал Долинин, - ты не первый обращаешься с такой просьбой.

Догадавшись, кто к нему обращался, сказал:

- Мы с лихвой отработаем, когда понадобится.

- Езжай, что мне с тобой делать, - дал согласие директор.

Снег в лесу был глубокий, наста не было, лыжи постоянно проваливались. Иногда я оказывался в снегу по пояс, приходилось снимать с плеч тяжелый рюкзак, ружье и класть их на снег, затем по одной доставать из сугроба лыжи, укладывать их перед собой и осторожно, ползком взбираться на них, чтобы сделать несколько шагов вперед и опять оказаться в снегу.

Направление приходилось выдерживать по затесам на деревьях, чтобы не сбиться с пути. На южном склоне снег сильно подтаял и осел, был мягким и сырым, вокруг стволов деревьев образовались протаенные воронки до земли. Идти стало не легче. Снег прилипал к лыжам, приходилось с трудом поднимать тяжелую лыжу, делать один шаг, затем вытаскивать из снега вторую ногу. Под расстегнутой меховой курткой и верхней одеждой нижнее белье было мокрым, хоть отжимай, по лицу катился пот, мучила жажда. Я намечал впереди дерево, доходил до него и садился на снег отдыхать. Так шел несколько километров, пока дорогу не преградил неширокий ручей. В меховых унтах его было не преодолеть, пришлось думать о переправе. Отдохнув и напившись из ручья воды, взялся за топорик. Срубил два деревца и перекинул их стволы через ручей. Лыжи легко перебросил в снег на противоположном берегу. Затем из молодых березок сделал две палки, опираясь на которые перебрался по уложенным стволам на тот берег. Ледяная вода не утолила жажды, она мучила меня с прежней силой. В моем рюкзаке лежали три бутылки пива, привезенные из командировки, чтобы угостить своих друзей. В Игарку пиво никогда не завозили. Пришлось достать и открыть одну бутылку. После двух глотков жажда отступила. Я затеял сам с собой игру: после каждых ста шагов делал небольшой глоток пива. Идти стало легче, появился стимул. К скрадку добрался уставший и голодный, когда мои друзья безмятежно спали в теплом укрытии. В печурке тлели березовые дрова. Виктор подбросил сушняка и поставил разогревать еду в котелке и чайник. В котелке оказалась оленина.

- Где вы добыли оленя? – удивился я.

- Вокруг торфяных бугров растаял снег и оголился ягель. Небольшой табун оленей передвигался от бугра к бугру и поедал его. Мы внимательно следили за ним, пропустили несколько табунов гусей – не стали стрелять, чтобы не спугнуть желанных гостей. Наше терпение увенчалось успехом: олени сами пожаловали к нам, - рассказал мне Виктор.

Мясо было хорошо уваренным, откусывая жирные кусочки, с удовольствием запивал ароматным бульоном.

Меня больше интересовали гуси, чем олени. Все трудности перехода были преодолены ради того, чтобы несколько раз выстрелить по гусям. Когда немного насытился, спросил:

- Пролет гусей еще не закончился?

- В этом году не было массового пролета, как обычно. Пролетают над профилями изредка, надо только не зевать, - сказал Виктор и добавил, - ложись на свою «мягкую» кровать, немного поспим. Если гуси полетят, они разбудят своим криком.

Засыпая, думал: неужели все мои усилия впустую, придется вернуться домой ни с чем?

Когда мы проснулись, погода изменилась: подул северный ветер, резко похолодало.

- Вот почему мало гусей летело на север, они чувствовали перемену погоды,- произнес Володя, - надо собираться домой.

- Не спеши, посидим еще день – там будет видно, - сказал Виктор.

Мне доверили наблюдать через открытый участок кровли за наружной обстановкой. Я стоял, высунув из скрадка голову и плечи, внимательно наблюдая за горизонтом южной стороны. Ружье стояло рядом, под рукой. Володя с Виктором резались в карты и ожидали моего сигнала, когда вдали покажется табун гусей.

Неожиданно сзади меня раздался шум гусиных крыльев, табун гусей спикировал к профилям и резко взмыл вверх, приглашая профиля лететь с ними на юг. Схватив ружье, не целясь, выстрелил из одного ствола по удаляющейся стае. Из второго ствола стрелять не было смысла, гуси уже были слишком далеко. Один гусь упал на снег. Обрадованный первой удачей, перелез через стенку скрадка, надел лыжи и покатился под горку к гусю. У гуся оказалось перебитым крыло, он поднялся, оправившись от удара об снег, стал быстро убегать от меня. Второпях я не взял с собой ружье. Попытки догнать не увенчались успехом, тогда обошел его с боку и решил загнать на товарищей, но не тут- то было. Гусь направился к видневшемуся вдали березовому колку. Пришлось прекратить преследование, вернуться за ружьем и начать новую погоню. Добычей оказался северный серый гусь, он крупнее гуся гуменника.

Друзья меня встретили шутками и насмешками.

- Гусь оказался проворнее тебя.
- Зрелище было превосходное!
- Кто же ходит за подранком без ружья?
- Я думал, что он битый.
- Ты что, забыл правило: на охоте даже в туалет ходят с ружьем.
- Теперь у него богатый опыт, будет делиться с детьми и внуками.
- Может, пригласим его в общество охотников читать лекцию на тему: «Как догнать гуся в тундре».

Не отвечая на незлобные насмешки, я перелез через стенку внутрь скрадка и начал наблюдать за окрестностью. Изредка вдали пролетали табуны гусей, они, молча, летели с севера. Начавшийся заморозок заставил их вернуться в более южные районы.

С севера дул неприятный ветер, я повернулся к нему спиной, постоянно поворачивая голову и осматривая горизонт. Гусей вновь прозевал и не предупредил товарищей. Гуси с шумом от многих крыльев пронеслись низко над головой. Инстинктивно схватил ружье и выстрелил из одного ствола в общую серую массу, не прицеливаясь в конкретного гуся. В таких случаях почти всегда бывает промах. Поняв свою ошибку, стал выцеливать удаляющегося гуся. Над прицельной планкой заметил второго гуся, приближающегося к тому, который был на мушке. Выждав доли секунды, выстрелил из второго ствола. Две тяжелые птицы рухнули на поверхность тундры.

На этот раз подбирать добычу отправился с ружьем. Гуменники своей тяжестью пробили наст и лежали без движения в глубоких лунках. Пришлось

надеть ружье через голову на спину и нести в каждой руке за шею тяжелую ношу. Когда подошел к скрадку, Виктор с упреком сказал:

- Почему не предупредил нас, могли бы стрелять все вместе?

- Они налетели неожиданно и очень низко, - оправдывался я, хотя понимал свою оплошность.

- Закапывай гусей в снег и садись пить чай.

До конца дня к нам не подлетел ни один табун.

- Морозец вовремя нас выживает, завтра утром придет машина, мне в понедельник надо быть в Горкоме партии, - сказал Володя.

- А я отпросился на понедельник у Долинина, - с сожалением произнес я.

- Оставайся еще на день, может, повезет, машину пришлю за тобой, - предложил Виктор.

- Нет, увольте. Вы увезете нарты, а мне потом на горбу груз нести.

- Тогда пойдем вместе.

Рано утром мы погрузили на нарты гусей, оставшееся мясо оленя, рюкзаки, лыжи и отправились в обратный путь. Наст настолько был прочным, что по нему идти без лыж было легче. Северный ветер господствовал над тундрой, торопился унести с собой остатки снега прошедшей зимы. В лесу было тихо, снежинки, плавно покачиваясь между деревьев, падали на наст. Когда мои друзья увидели в снегу протоптанную мною лыжню глубиной почти по колено, Володя сказал:

- Здесь, наверное, проходил бульдозер.

- За перевалом ты увидишь колею поглубже этой. Хотел бы я увидеть тебя на моем месте.

- Не надо было опаздывать на охоту, мы вовремя добрались по насту.

Он прекрасно знал, что я был в командировке. Мне показались его слова обидными, и я парировал:

- Тебе хорошо живется, дальше Горкома по делам не ездишь.

- Я не хотел тебя обидеть. – примирительно произнес Володя. . .

Филипп Григорьевич немало удивился, когда утром, до начала рабочего дня я вошел в его кабинет.

- Ты же отпросился на понедельник?

- Если не нужен, пойду домой – отдохну денек, - пошутил я.

- Нет уж, если пришел, присаживайся, есть разговор.

- Что-нибудь серьезное?

- Нашим технологам не нравится типовая схема размещения оборудования в новом заводе. Они разработали свою схему, приспособленную к нашим условиям. Надо лететь в Ленинград и согласовать ее с проектировщиками.

- Побойтесь Бога, я два дня назад вернулся из командировки.

- Посылай Филиппова.

- Он не технолог, не сможет обосновать новую схему, ему придется брать с собой технологов.

Директор задумался.

- Есть предложение, - сказал я, - давайте пригласим к себе проектировщиков. Парфенов давно просил меня свозить его на рыбалку.

- Готовь телеграммы в Министерство и в институт, чтобы сегодня ушли за моей подписью.

Через несколько дней Алексей Степанович Парфенов с технологом Николаем Васильевичем были в Игарке. На техническом совете комбината обсудили завершение строительства лесозавода. Аргументы наших технологов были убедительными, и проектировщики согласовали новую схему размещения оборудования.

Такое событие, как приезд проектировщиков, не мог оставить без внимания Горком партии. Радаев пригласил их на следующий день к себе. После общих разговоров и обсуждения планов на будущее самолично поехал показывать новостройки.

На первом микрорайоне к тому времени уже были смонтированы пять пятиэтажных панельных жилых домов, заканчивалось строительство первого кирпичного дома. Под отделкой находились четырехэтажная школа и двухэтажный детский сад, которые меньше чем через год должны были принять детей нового города.

Радаев гордился своим детищем, ему стоило больших усилий, чтобы после случившегося пожара добиться Постановления Совета Министров по строительству нового города. Он, бывший учитель, водил нас по этажам школы и с увлечением рассказывал, какое оборудование заказано для школы, как в ней будет протекать учебный процесс.

Недавно был объявлен Всесоюзный конкурс на лучшую песню об Игарке. Был создан фонд для награждения победителей конкурса. В город приезжали поэты и композиторы. Радаев собрал актив города для беседы с приехавшими гостями. Кто-то из присутствующих спросил:

- Что будем делать с фондом, если песня не получится?

Ответил Эдуард Успенский:

- У профессионалов не может не получиться.

Я был удивлен таким смелым и уверенным ответом. Внимательно разглядывал этого человека.

Победителем конкурса оказался Успенский. С тех пор по местному радио постоянно звучали прекрасные песни о городе и его жителях. . .

Много лет спустя, когда по телевидению звучала программа Успенского «В нашу гавань заходили корабли», я с удовольствием слушал ее и смотрел на Эдуарда Успенского, как на старого знакомого. . .

К рыбалке мы с Евгением Николаевичем Филипповым подготовились основательно. Для приезжих рыбаков я приготовил удочки и накомарники, купил замороженную стерлядь. Рассудил так: «Если рыбы не поймаем – сварим уху, если поймаем – будет строганина».

Филиппов родился в Игарке, был немного младше меня. Окончил в Красноярске строительный институт и работал заказчиком в Горкомхозе. Несколько лет назад принял мое предложение и перешел работать в лесокомбинат начальником отдела капитального строительства. Этим он помог мне похоронить мечту Веры Васильевны занять должность начальника ОКСа. Отец Евгения Николаевича, бывший ссыльный, работал в городских

электросетях и пользовался в городе большим авторитетом. Его давно реабилитировали, но он не уехал из города, не покинул родину своих детей, к которой давно прикипело сердце. Страстный рыбак и охотник, он не привил эту страсть своему сыну.

Наш катер шел по Игарской протоке мимо морских лесовозов под флагами разных стран. Я любовался обтекаемой формой и мощью этих тружеников моря. Вспомнились слова из песни: «опять идет по морю лесовоз». Затем воспоминания улетели в далекую юность, когда служил на флоте и знал не понаслышке о труде моряков в дальних переходах. В песнях часто служба на морских судах овеяна романтикой, в действительности это - тяжелый труд.

Моих спутников не интересовали морские суда – они вдоволь насмотрелись на них в Ленинграде. Их разговор шел о предстоящей рыбалке. Мои размышления прервал голос Парфенова:

- Нам долго плыть до места рыбалки?

Мой слух поразило слово «плыть». О передвижении по воде на любых судах принято говорить «идти».

- Около часа, - ответил я, - мы идем к устью реки Гравийки. Там вы сможете увидеть все прелести заполярной природы.

- Рыбачить будем в реке?

- Нет, в реке сейчас не сезон ловить рыбу на удочку. Пойдем на озера, там всегда хороший клев окуней.

- Кроме окуней в озерах водится другая рыба?

- Там водятся пелядь, чир, муксун, но на удочку вряд ли мы их поймаем. Я взял с собой сети, попытаем счастье поймать ими.

За разговорами незаметно подошли к намеченному месту. На высоком берегу Енисея, среди соснового леса, стояла одинокая неказистая избушка. В ней жил знакомый мне связист. Вдоль Енисея проходила государственная проводная линия связи. Через определенное расстояние вдоль линии были построены избушки для связистов, обслуживающих свои участки. На работу вдали от семьи и цивилизации соглашались, как правило, любители охоты и рыбалки. Знакомый мне связист за зимний сезон на добытой им пушнине зарабатывал больше, чем был его годовой оклад. Вдоль телеграфных столбов зимой у него была проложена лыжня, по которой он периодически обходил линию связи и расставленные капканы. Капканы ставил интересным способом. Подрубал небольшое дерево на высоте метра полтора, сгибал к земле вершину и на изгибе ставил капкан на соболя. В качестве приманки примораживал к капкану внутренности рябчика, куропатки или зайца. На такой высоте капканы не заметало снегом, и они, привязанные к дереву, не терялись.

Катер ткнулся носом в галечную отмель, матрос спустил дощатый трап, и мы сошли на берег. Перед нами по косогору вела к избушке тропа, правее бурлила среди обточенных камней Гравийка, издавая шум и поднимая каскады брызг, которые в солнечных лучах сверкали всеми цветами радуги, она вливалась в Енисей и растворялась в его водах.

- Чем хуже вашего Петергофа? – обратился я к Парфенову.

Ему, видимо, это сравнение показалось неуместным, и он вместо ответа произнес:

- В такой реке не порыбачишь.

- Почему же. Выше по течению можно ловить на спиннинг хариуса, водится и другая рыба.

Филиппов остался у катера, он должен был приготовить к нашему возвращению обед, мы направились по тропе к избушке.

Около избушки нас встретил человек, заросший черной густой бородой. Только по веселым глазам можно было определить, что ему немного лет. Он пригласил нас в избушку выпить чаю. Я догадался, какого чаю ему хочется выпить и ответил:

- Чай только после рыбалки, можно я воспользуюсь вашей веткой?

На севере веткой называют небольшую узкую и верткую лодку.

Он рассказал, где спрятана его лодка, и мы пошли по тропе к озеру. За небольшим перевалом раскинулась по низине система озер, которые соединялись протоками между собой, а весной пополнялись водой из Гравийки. Мне неоднократно приходилось бывать в этих местах с Навальным, и я хорошо знал места ловли окуней. Мы остановились около небольшого ручейка, впадающего в озеро. Здесь поверхность воды была чистой и гладкой, как зеркало. Ленинградцы размотали удочки и начали рыбачить. Дождавшись первого пойманного окуня, я отправился разыскивать лодку и ставить сети. Когда вернулся к рыбакам, у их ног, в траве, подпрыгивали увесистые окуни. В охватившем их азарте, они забыли про комаров, завернули сетки на шляпы, чтобы лучше видеть движение поплавка.

- Как рыбалка? – спросил я, хотя прекрасно видел все сам.

- Рыбачить можно.

Таким ответом Алексей Степанович давал понять, что видел рыбалки и получше.

- Приезжайте чаще, найдем более интересное место и с другой рыбой.

- Слишком далеко, а главное не увезешь с собой рыбу.

Они продолжали периодически выуживать приличных окуней.

Когда солнце перевалило далеко за полдень, я отправился проверять сети, хотя мало надеялся на успех. В сети рыба попадает обычно ночью. К моей радости и удивлению в сеть попал крупный муксун.

- Из такой рыбины можно сварить ведро ухи, - подумал я и начал снимать сети. . .

- Вот какая рыба здесь водится, а вы ловите окуней, - подзадорил рыбаков, подходя к ним.

- Почему тогда вы оставили нас здесь, а не взяли с собой?

- Дальше надо забрасывать удочки, такая рыба любит глубину, пошутил я.

Уха, сваренная из окуней и муксуна, была вкусной и ароматной. Прошло много лет, но я до сих пор помню того муксуна, который дал возможность угостить моих гостей незабываемым блюдом. Мы до позднего вечера провели время за разговорами, сидя у костра. К нам присоединились связист

и команда катера. Я забыл имя связиста. Он оказался словоохотливым человеком, рассказывал о себе, после выпитых нескольких рюмок предложил купить у него шкурки соболей по сорок рублей за штуку. Это была цена высшего сорта. Все отказались покупать шкурки, в те времена мех не был в моде.

В город мы вернулись ночью, хотя на небе светило солнце. Проводив гостей по пустынным улицам до гостиницы, я напомнил им, что завтра мы с женой ждем их к обеду.

- У нас билеты на самолет в четыре часа, - сказал Николай Васильевич.

- Приходите к двенадцати часам, времени хватит пообедать и на самолет не опоздать.

Наташа умеет приготовить и встретить гостей. Они хвалили ее и восхищались вкусной рыбой и олениной. Когда очередь дошла до жареного гуся, их восхищение достигло высшего предела. Парфенов сказал:

- Только в Заполярье можно одновременно попробовать оленину и гуся. Завидую местным охотникам, все это они могут сами добыть, какое удовольствие - охота в этих краях!

« Знал бы он, каким трудом достается это удовольствие, иногда даже с риском для жизни,» - подумал я, но промолчал.

- Я прошел по магазинам, - произнес Николай Васильевич, - но не видел в продаже оленины, всюду лежит только говядина. В городе можно купить оленину?

- Вы хотите увезти с собой мясо? – удивился я.

- Давно хотел угостить своих близких, но не было случая.

- Сейчас позвоню в ОРС и узнаю про оленину.

- Скажите, пожалуйста, мясо не испортится по дороге?

- Если в замороженном виде хорошо упаковать и сдать в багаж, то до Ленинграда не успеет растаять.

После переговоров с работниками ОРСа, мы отправились на склад, который находился недалеко от моего дома.

Склад был отрыт в вечной мерзлоте на глубине пяти метров безо всяких креплений, стены покрыты тонким слоем льда, который наносился путем набрызгивания воды в холодный период года. Он походил на станцию метро с арочным потолком, посередине были проложены рельсы для вагонетки, на которой спускали и поднимали груз с помощью лебедки, установленной на поверхности. По обе стороны туннеля, в больших гротах, хранилось замороженное мясо. Охлаждение осуществлялось естественным воздухом. Зимой открывались ворота склада, и температура воздуха понижалась в нем до нужной величины. За короткое полярное лета температура воздуха в складе не поднималась до положительной.

После жары на поверхности, нас пронизывал холод. Кладовщик, одетый в ватную фуфайку, подвел нас к одному из гротов, в котором штабелем лежали оленьи туши и спросил:

- Сколько туш будете брать?

- Нам одной много, - произнес Парфенов.

- Хорошо бы отрубить заднюю часть, - добавил Николай Васильевич.

Рабочие отпилили циркулярной пилой заднюю часть оленьей туши, уложили в бумажный мешок и отдали моим спутникам. Дома мы обмотали сверток мешковиной, перевязали багажными ремнями, и груз для отправки самолетом был готов.

Проводив своих гостей в аэропорт, я с облегчением вздохнул и отправился на работу.

Последний год

Наталья не забыла разговор об отъезде из Игарки. Когда подошел срок окончания моего договора, она заявила:

- Заказывай контейнер, я буду укладывать вещи.

- Куда ты собираешься ехать?

- В Новосибирск, детям надо учиться в нормальной школе и готовиться к поступлению в институт.

- Чем здесь не нормальная школа? Ты всегда была в восторге от Сашиной учительницы Марии Алексеевны.

- Я тебе уже сказала, что в Игарке не останусь. Мне надоело возить на санках Диму в детский сад. Тебя вечно нет дома, ты даже не представляешь, как тяжело его поднимать, когда санки переворачиваются в снег на узких тропах.

В Игарке от снега очищались только улицы, по которым ходил автобус. По остальным улицам были протоптаны пешеходами тропы.

- Хочешь, я больше ни разу не поеду на охоту и рыбалку, - попытался я успокоить жену.

-Что от этого изменится?

- Буду по утрам возить Диму в детский сад.

- Я сказала, уезжаем - значит уезжаем.

- Ты подумай о моей работе, надо сдавать в эксплуатацию объекты.

- Без тебя сдадут.

Она была непреклонной, ее твердый характер, проявился в полной мере. Прекратив с ней спорить, решил, что пройдет время, и она передумает.

Прошло несколько дней без разговоров о переезде, но вот однажды, придя домой, увидел гору коробок с уложенными книгами.

- Это что такое? – спросил жену.

- Это означает, что укладываю вещи, готовлюсь к отъезду, - спокойно ответила она.

- Наташа, подумай о моей работе, не могу я бросить объекты в завершающий момент строительства, не доведя до сдачи в эксплуатацию.

- Ты о моей работе подумал? Я прошла по конкурсу на кафедру начертательной геометрии в НИИЖТ. Мне надо быть в Новосибирске к началу учебного года.

На следующий день пришлось поговорить с Долининым об увольнении.

- Даже не думай. Пока не сдадим в эксплуатацию строящийся завод, заявление не подпишу.
- Жена уже вещи собирает.
- Как можно в такой ответственный момент бросать производство? - с удивлением и даже с возмущением произнес он.
- Я прекрасно понимаю, но с Натальей ничего не могу поделать.
- Поговори еще раз. Вот запустим завод, устроим праздник по такому событию и проводим вас со всеми почестями.

Обычно вечером жена встречала меня словами:
- Контейнер заказал?

Мне приходилось находить разные предлоги, чтобы отсрочить день отъезда.

В тот вечер я заговорил первым:
- Филипп Григорьевич тебя очень просит задержаться до ввода в эксплуатацию завода.
- Ты оставайся, занимайся заводом, а я с детьми уеду. Пока контейнер с вещами придет, поживем у сестры на даче. Дети смогут купаться в Ине, загорать, здесь за все годы ни разу на улицу босиком не выходили. Мне надо Сашу оформить в школу, а Диму устроить в детский сад.

Через несколько дней мы прощались в аэропорту. У меня, как принято говорить, «на душе скребли кошки», мне было жаль расставаться с семьей, в глубине души затаилась обида на жену, на ее твердый, принципиальный и упрямый характер. «Могла бы задержаться на несколько месяцев, - думал я, - и улетели бы все вместе».

Наташа стояла молча с обиженным выражением лица и держала за руку четырехлетнего Диму. Позже я узнал от нее: она считала, что я променял семью на работу, не написал заявление на увольнение, чтобы, отработав положенный срок, улететь вместе с ними.

Только Саша был рад отъезду. Ему хотелось скорее встретиться с двоюродным братом Андреем, чтобы вместе бегать на речку рыбачить и купаться. В самолете его укачало, Наташа подала гигиенический пакет. Дима с удивлением, глядя на него, спросил:
- Саша, ты почему так много плюнул?

Домой в тот день я вернулся в удручонном состоянии. Пустая квартира настроения не улучшила. Я прошел через пустую комнату в спальню, где недавно стояли кровати и висели на стенах ковры. На обоях остались только следы от ковров, на чисто вымытых полах не было даже признаков бывшей мебели. Я стоял и думал: «Сколько лет прожито в этой комнате! Здесь вырос младший сын Дима».

Теперь эта комната мне была ненужной, даже враждебной своей пустотой.

На кухне остался столик, два табурета, да электрическая плитка. Присев на табурет, подумал, что живет же сосед Григорьев много лет один без семьи, значит, проживу и я несколько месяцев. Эти мысли меня приободрили и я отправился к Николаю Филипповичу.
- Проводил? – встретил он меня вопросом.

- Тоскливо в пустой квартире.
- Привыкнешь, я же живу. Присаживайся, выпьем чая, поговорим. . .

К Новому году запустили в эксплуатацию лесопильный завод и сдали под заселение первый восьмидесяти - квартирный жилой дом. Квартиры распределял Горисполком. Каждая организация города в зависимости от численности работающих сотрудников получила жилье. Мерзлотной станции была выделена однокомнатная квартира. Претендентов на нее кроме Григорьева не было.

Вечером я зашел к Николаю Филипповичу, чтобы поздравить его с получением новой квартиры. Он встретил меня со счастливой улыбкой.

- Прости, сегодня английским языком заниматься не будем. Укладываю книги, коробок не хватило, приходится перевязывать шпагатом.
- Николай Филиппович, чему вы радуетесь? Здесь вам до работы стоит только спуститься на первый этаж, а из первого микрорайона придется в мороз ездить на автобусе.
- Ты не представляешь, какое блаженство вечером лечь в теплую ванну и обдумывать какую-нибудь проблему.
- Представляю, но предпочитаю раз в неделю париться в бане.
- Баня хорошо, но иметь возможность в любой момент окунуться в ванну - лучше.
- Когда новоселье?
- Согласуем по дипломатическим каналам, - пошутил он.
- Не буду мешать сборам, пойду в свою обитель, - сказал я и отправился в пустую квартиру. Вся моя обстановка состояла из раскладушки и спального мешка. Я надеялся, что жить в спартанских условиях придется недолго.

Вскоре у меня состоялся разговор с Долининым о моем увольнении.

Я свое обещание помню, - сказал он, - снимайся с партийного учета и получишь расчет.

Секретарь горкома партии Геннадий Викторович Радаев, выслушав мою просьбу, был удивлен и возмущен.

- Я думал, что ты пришел ко мне посоветоваться по вводным объектам, а ты вон что придумал.
- Что я особенного придумал?
- Решил бросить строительство в ответственный момент.
- Строительство будет продолжаться постоянно, у меня давно закончился срок договора пребывания на севере.
- Ты что, испугался трудностей?
- Никаких трудностей я не пугался, пора возвращаться на материк.
- Как же, не испугался! Предстоит в ближайшее время сдача в эксплуатацию школы, детского сада, жилых домов, а ты бежишь от ответственности.
- У меня семья уехала. Мне что, бросить семью и остаться здесь на постоянное жительство?
- Почему не пришел посоветоваться, когда отправлял семью?
- Вы вряд ли смогли чем-нибудь помочь.
- Может, ты специально отправил семью, чтобы было легче уехать?

Я не знал, что ему ответить. Любой ответ выглядел бы оправданием.

- Ты же коммунист, - продолжал Радаев, - нельзя личные интересы ставить выше общественных. Неужели тебе не хочется увидеть белокаменную Игарку?

- Ее уже сейчас видно.

- Мне надоели наши дебаты. С партийного учета снимем только после сдачи в эксплуатацию школы и детского сада, - сказал Геннадий Викторович твердым и решительным голосом, дав мне понять, что разговор окончен.

На работу я возвращался с тяжелыми думами. Недавно домой написал письмо, что скоро приеду. Своими мыслями давно был с семьей, продумывал, как появлюсь в новосибирской квартире, какие привезу подарки. Теперь надо писать о непредвиденной задержке на неопределенный срок.

Когда пришел в свой кабинет, отбросил все тягостные думы и начал просматривать и подписывать процентовки на оплату выполненных строительных работ. Потянулись производственные будни: планерки, посещения строящихся зданий, встречи со строителями, открытие финансирования на новые объекты, заботы о поставляемых строительных материалах и оборудовании, решение многих других задач, входящих в обязанность заказчика.

В этих заботах пролетело еще полгода моего одиночества в Игарке.

Я стоял в аэропорту и ожидал посадки в самолет. На душе были радость и печаль одновременно. Всем сердцем стремился в Новосибирск, к семье, предвкушая радостную встречу. В глубине души уже зарождались печаль и тоска по суровому, но прекрасному краю, по городу и его людям, с которыми за шесть лет успел пережить немало радостных и счастливых дней. . .

Самолет сделал разворот над Енисеем, в иллюминатор открылся вид первого микрорайона нового каменного города. С небольшой высоты прекрасно просматривались панельные и кирпичные жилые дома, четырехэтажная школа, двухэтажный детский сад. Это был совсем другой город по сравнению с тем, который встретил меня шесть лет тому назад. В одном из панельных домов на втором этаже жил Николай Филиппович – мой учитель и друг. Недавно переехали жить в благоустроенные квартиры Володя Архипов и рамщик Николай. Увижусь ли я когда- нибудь с ними? Семья Архиповых с тремя детьми могла получить благоустроенную квартиру в первом построенном панельном доме, но Володя, в силу своего характера и положения парторга, сказал:

- Перееду в новый дом после того, как все рабочие будут переселены из аварийного жилья.

Мысленно я прощался с ними и с Заполярьем, со своей сбывшейся мечтой. Годы, прожитые в Заполярье, навсегда остались в моей памяти, они сохранились, как стихи классиков, выученные в детстве.

Мое внимание привлекли пять панельных домов, сблокированных буквой «Ш». Они были похожи на белое крыло птицы на фоне зеленой местности, воспетое Эдуардом Успенским в его песне про Игарку. В каждом доме я

бывал неоднократно, а при приемке в эксплуатацию обходил каждую квартиру.

Вскоре показался старый город с его малоэтажными деревянными домами, среди которых выделялся двухэтажный дом, в котором я недавно жил, и каланча пожарного депо, в котором несли свое дежурство мои постоянные спутники на охоте и рыбалке Виктор Морозюк и Валентин Воложанин. Мне стало грустно - никогда не придется сидеть с ними у костра или ночевать в лесной избушке. . .

Постепенно город остался позади, вместе с ним оставался небольшой кусочек моей жизни.

«Доведется ли мне когда – нибудь вновь побывать в Заполярье, встретиться с его замечательными людьми, увидеть, какие произошли перемены,» - думал я, наблюдая в иллюминатор за местностью, над которой пролетал много раз. Все, что я видел, откладывалось в моей памяти, как фотографии в семейном альбоме.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, откинулся на спинку кресла и стал дремать под шум винтов самолета.

Впереди меня ждала новая работа, встречи с новыми людьми, новые события. . .

Р а с с к а з

Последняя спичка

Стояли погожие дни октября сибирской осени. Давно осыпались листья с кустов шиповника, ягоды гроздьями покрывали колючие ветки, кусты горели заревом в лучах осеннего солнца. Алексей Катков собирал шиповник в пойме реки Уень. Урожай был хороший - Алексей переходил от куста к кусту, совком снимал крупные ягоды и вспоминал школьные годы, когда они со своим другом Рудиком Рябышевым в этих местах по первому снегу тропили зайца. След зайца заметили на сенокосных лугах. Зайчишка обследовал стог за стогом, намериваясь устроить там лежку. Приятели обходили стога с разных сторон, зайца под ними не было, а след уходил все дальше и дальше. Затем он привел их в березовый колок, но заяц и там не задержался на дневку. Они долго бродили по следу, пока не оказались в зарослях шиповника. Кусты были густые и колючие, ноги путались в плетях ежевичника. Преследование хитрого зверька пришлось прекратить. С тех пор минуло почти пятьдесят лет и вот Алексей вновь в этих местах и радуется обилию ягод на густых зарослях шиповника.

Катков недавно ушел на пенсию и все свободное время проводил на охоте, рыбалке, в походах за грибами и ягодами. Работа в большом городе не позволяла часто бывать на природе, и вот теперь он старался наверстать упущенное. Среднего роста, сухопарый, энергичный и подвижный, он не был похож на старика, мог по несколько дней бродить по лесу, наслаждаться полевой жизнью у костра. К обеду он набрал три ведра ягод, взвалил тяжелый рюкзак на плечи и отправился к своей машине, которая стояла среди леса в тридцати метрах от проселочной дороги, по которой очень редко проезжали машины грибников и ягодников. Около машины провеял собранные ягоды, рассыпал на целлофан для сушки и принялся за приготовление обеда. На костре разогрел сваренный с вечера суп и чай, заваренный шиповником и ветками черной смородины. Попивая из эмалированной кружки ароматный чай и наблюдая за пламенем костра, вспомнил своего постоянного спутника за грибами и ягодами Леонида Ивановича Зиновьева, который вырос в дальневосточной тайге, по образованию был охотоведом и очень многому научил Алексея. По его инициативе они занялись сбором шиповника и сдачей его в медицинские учреждения. Вырученные деньги были хорошим подспорьем к их небольшим окладам. Несколько лет тому назад Леонид Иванович отошел в мир иной, а Алексей продолжал каждый год заниматься сбором шиповника. Это

позволяло ему содержать автомашину, не жалеть денег на бензин. Его воспоминания прервал моросящий дождик. Он с неохотой поднялся от костра, поставил котелок и чайник под машину, прикрыл рассыпанный для просушки шиповник целлофановой пленкой и сел в кабину автомашины. Через лобовое стекло просматривалась окружающая местность, знакомая с давних пор. Прямо перед машиной простирался кочкарник с низкорослыми молодыми кустами шиповника – здесь несколько лет назад прошел пожар. Левее росли высокие тополя с густым подлеском из тальника и калины. Правее стоял осиновый колок в своем осеннем наряде, за которым были заросли шиповника, чередующиеся с болотами, заросшими ольхой и вербой, участки вырубленного березового леса. Когда дождик прекратил моросить, Алексей вылез из машины, закрыл ключом дверцы, спрятал ключи под колесо и, надев на плечи пустой рюкзак, с ведром и совком в руках отправился к облюбованному месту. Небо было затянуто низко плывущими хмурыми тучами, предвещающими изменение погоды. Отойдя метров двадцать, остановился, достал из кармана коробок спичек. В коробке оказалась одна спичка. Он заострил ее охотничьим ножом и воспользовался как зубочисткой. Бросив спичку в траву, его первым желанием было вернуться и взять полный коробок спичек.

Он никогда не курил, но всегда в карманах полевой одежды и в бардачке машины имел спички. Его пытались приучить к курению, когда учился во втором классе. Первая затяжка цигарки вызвала отвращение на всю жизнь. Шла война, курево в магазинах не продавали, старшие по возрасту ребята заставляли младших собирать окурки, за что обещали свое покровительство. Окурки почему-то называли бычками, хотя сходства с рыбой под таким названием было мало. Набрав окурков, высыпали из них табак на кусок газеты, затем закручивали толстую цигару и, спрятавшись где-нибудь за углом или в саду, по очереди делали затяжки, пуская ее по кругу, как американские индейцы трубку мира. Когда очередь дошла до Алексея, он первый раз в жизни сделал затяжку полной грудью. Эффект был неожиданный: ощутил удушье, затем начался кашель, из глаз покатились слезы, закружилась голова. Приятели, глядя на него, смеялись, а он, придя в себя, заявил: «больше не курю». С тех пор ни разу не пытался курить.

- Вернуться за спичками или продолжить путь? - стоял и думал Алексей.

В его размышлениях верх взяла примета: возвращаться – не будет удачи.

- Идти мне до места сбора шиповника всего тридцать минут, - думал он, - до темноты успею набрать три ведра ягод и вернуться к машине, спички не понадобятся.

Приняв такое решение, продолжил начатый путь. Прежде, чем начать собирать ягоды, осмотрелся, наметил направление движения и начал сбор. Левой рукой, на которой одета брезентовая рукавица, пригибал к себе несколько веток и одним движением правой руки снимал все ягоды совком. Набрав два ведра шиповника, положил рюкзак с ягодами под березу, чтобы не носить тяжесть на плечах, и продолжил обходить кусты, выбирая более удобные для сбора ягод совком. Приближались сумерки, а ведро наполнялось

медленно. Алексей торопился, выбирая кусты с крупной ягодой. Когда ведро наполнилось, сумерки настолько сгустились, что с трудом просматривались редко растущие вокруг березы. Он направился к березе, под которой предполагал, что должен лежать рюкзак, но рюкзака не обнаружил. «Вероятно, это не та береза», - подумал он и направился к другой. Под ней тоже рюкзака не было. Пока он ходил от березы к березе, наступила кромешная темнота – в нескольких метрах ничего не было видно. Теперь он не мог определить направление к машине. Алексей остановился и прислушался, надеясь услышать лай деревенских собак, чтобы по нему выйти к дороге. Лая слышно не было. Ветер утих. Его окружала безмолвная тишина. Страха не ощущал: лес - его стихия. В этих местах, кроме зайцев, не водились другие звери. У него появилось беспокойство – придется провести ночь без костра. В глубине души тлела надежда, что тучи скоро уплывут, выглянет луна, появятся на небе звезды, по которым он определит направление на север и отправится к автомашине. В кармане его камуфляжной куртки лежал компас. Он несколько раз вынимал его из кармана, но не смог разглядеть даже стрелки. У него было ощущение человека, оказавшегося в темном помещении и не знающего, в какой стороне находится дверь. Его беспокойство нарастало по мере того, как воздух, становился холоднее и холоднее. Его рубашка была потной, и ему становилось зябко. Он пожалел, что не вернулся за спичками. Сейчас они ему понадобились, чтобы развести костер и согреться. Суеверие лишило его этой возможности.

- Да что же я жду, пока простужусь? – подумал он, - надо двигаться, чтобы не мерзнуть.

Со всех сторон лесного массива, в котором он находился, проходили дороги. «Надо выйти на любую из них, - подумал он, - а по ней будет легче добраться до машины». Подхватив ведро с шиповником, осторожно ставя ноги на землю, чтобы не споткнуться о пень или валежину, стал пробираться по лесу. Прошел метров пятьсот, ноги стали цепляться за плети ежевичника, несколько раз спотыкался и падал. Наконец, его путь преградили густые заросли кустарника. В темноте нельзя было определить, росла перед ним ива или тальник.

- Надо возвращаться назад, - подумал Алексей, - впереди может оказаться болото, выходить к дороге следует по вырубам.

Ночь вступила в свои права, темнота еще сильнее сгустилась, уже с трудом можно было видеть кусты на расстоянии вытянутой руки. Сильно похолодало, холод заползал под сырую от пота рубашку, по спине поползла дрожь то ли от холода, то ли от предчувствия, что его скитания в темноте не скоро кончатся.

Выбравшись из зарослей ежевичника, Алексей с трудом разглядел силуэты нескольких берез. С каким бы удовольствием он развел сейчас костер из сухих веток, валявшихся под ногами, и, наслаждаясь его теплом, прокоротал ночь до рассвета. «Какой олух придумал примету, что не будет удачи, если

вернешься за забытым предметом, - думал Алексей, - надо было вернуться за спичками».

За свое суеверие приходилось расплачиваться. Он повернул на девяносто градусов от своего прежнего маршрута и продолжил путь. Идти стало легче, ноги не путались в ежевичнике, иногда спотыкались о кочки, разбросанные среди редких кустов шиповника. Неожиданно он споткнулся и упал, рука нащупала тропу, вдавленную в мягкий грунт. Стоя на коленях, разглядел рядом еще одну тропу. «Здесь проходило стадо коров, - мелькнула мысль, - тропа должна вывести к дороге».

Найденная тропа приободрила его и вселила надежду на скорое окончание бессмысленного блуждания по лесу. Возник вопрос: в какую сторону идти? Он мысленно представил себе маршрут своего движения, начиная от машины, но не смог учесть все зигзаги, сделанные при поиске рюкзака. Выбранное им направление вело его в противоположную сторону от машины. Это он понял примерно через час, когда вышел на кромку леса и почувствовал запах прелого сена. Прямо перед ним с трудом просматривался контур стога. Впереди на десяток километров до деревни Красный яр лежали сенокосные луга. В этих местах ему доводилось бывать не один раз, проезжая на утиную охоту к озеру Лопатино. Предстояло идти в противоположную сторону к деревне Почта. Теперь он точно знал, как ему добираться до своей стоянки, но это его не обрадовало – путь был неблизкий. «Надо повернуть вдоль леса влево и идти до реки Старый Уень. Затем вновь повернуть влево вдоль реки и идти около пяти километров до загона для коров, от которого идет нужная мне дорога», - так размышлял Алексей, медленно продвигаясь по кромке луга. Ноги отдыхали, ступая на ровную поверхность, заросшую мягкой отавой, после кочек и ям, вытоптанных коровами на лесной тропе. В темноте он не заметил поваленное дерево и больно ударился об него ногой. Присев на ствол, поставил ведро между ног и вновь подумал о последней спичке и примете, которая так его подвела. Вспомнился случай на охоте, когда многие приметы не подтвердились.

. . . В институте в одной группе с Алексеем учился Вадим Лобарев, который был родом с одного из приисков в горной Хакассии. Перед зимними каникулами подходит Вадим к Алексею и говорит:

- Я знаю, что ты охотник, поедем в Хакассию охотиться на коз?

- Такие поездки без подготовки не делаются, - ответил Алексей.

- У меня на прииске живет школьный приятель Николай. Он профессиональный охотник, давно приглашает приехать на охоту, просит привезти ему патронов. Если ты поможешь купить патроны, нам будет обеспечен самый теплый прием, - уговаривал Вадим Алексея.

- Предложение заманчивое, но надо обсудить детали, - ответил Алексей.

Через несколько дней студенты ехали в поезде Новосибирск – Абакан. В Абакане пересели на поезд до станции Абаза, где у Лобарева жили родственники. Отдохнув один день у родственников Вадима, рано утром на попутной грузовой автомашине, которая везла продукты в магазин, устроившись в кузове на мешках с мукой и сахаром, ехали на прииск. Стояла

тихая морозная погода, из труб жилых домов струился белый дым и, поднявшись на несколько метров, замирал на одном месте, постепенно растекаясь по сторонам. Когда машина свернула на лед реки и увеличила скорость, встречный ветер стал обжигать лица, так что пришлось завернуться с головой в тулупы и растянуться на мешках с продуктами. Алексей сожалел, что не может смотреть и любоваться берегами горной реки. Он спросил Вадима:

- По Абакану будем ехать до самого места?

- В Абакан впадает река Она, вот по ней поднимемся в горы к поселку Приисковый.

- Поселок большой?

- Осталось дворов двадцать. Живут пенсионеры да два охотника. После того, как прииск закрыли, люди лишились работы и разъехались.

За разговорами время летело быстро, машина повернула влево и медленно поползла вверх. Мотор гудел с надрывом. Ему, как человеку, было тяжело тянуть груженую машину в гору. Алексей поднялся со своей лежанки из мешков с сахаром, завернулся в тулуп и, устроившись удобно среди ящиков с продуктами, стал смотреть по сторонам. С правого берега реки тянулись отвесные скалы с множеством уступов и пирамидальных вершин. Чтобы увидеть вершины гор, приходилось запрокидывать голову. Они красовались на фоне голубого неба и сияли в лучах зимнего солнца. Снега на скалах не было – его сдувал ветер. На одной из скал он увидел двух коз, стоящих на краю пропасти, как изваяния из местного серого камня. Растолкав Вадима, который уснул под теплым тулупом, закричал:

- Смотри, смотри, козы!

Вадим неохотно вылез из-под тулупа, посмотрел в сторону протянутой руки Алексея, увидел коз, но не удивился.

- Ты еще целый табун коз сможешь увидеть, - спокойно произнес он.

Николай ожидал приезда приятелей, встретил радостно и приветливо, а когда Вадим вручил ему металлическую запаянную коробку с винтовочными патронами, его радости не было предела. Он прочитал на коробке калибр патронов, поднес ее к губам и, поцеловав, положил на лавку у окна. После этого стал благодарить за ценный для него подарок. Радостным голосом произнес:

- Патронов мне хватит на всю жизнь!

Его мать давно хлопотала у русской печи. Вскоре на столе появились козлятина, свинина, грибы, ягоды, хлеб домашней выпечки.

- Сегодня гуляем, - сказал Николай, - у нас праздник.

Он жил в доме вдвоем с матерью, по возрасту ему давно надо было жениться, но в поселке не было невест. У его одноклассника Вадима уже было двое детей. Бросать мать и любимую работу не хотел, а найти невесту на стороне, которая бы согласилась ехать в глухомань, не удавалось. Внешне он был очень привлекательный: выше среднего роста, широкоплечий, с крепкой мускулатурой, с приятным улыбчивым лицом. О таких людях говорят: «добрый молодец».

Они долго сидели за столом, мирно беседовали, каждый рассказывал о себе.

В дом несколько раз забегали соседки, обращались к хозяйке, а глазами косили на приезжих. Не часто в их краю появляются новые люди, вдруг приехал кто-то из старожилов. Убедившись, что молодые люди им не знакомы, быстро удалялись.

От Николая Алексей узнал, что его отец закончил войну в Германии. Многие солдаты увозили с собой домой ценные вещи, а его отец разобрал найденную на поле боя винтовку, смазал, аккуратно завернул и привез, как самую драгоценную вещь. Хранилась винтовка незаконно в горах, о ней знали только отец и сын. Добыть в горах козу или марала без нарезного оружия было чрезвычайно сложно. У Николая кончились патроны, привезенные отцом с фронта, и он, как ребенок, радовался подарку, старался во всем угодить гостям: подливал водку в рюмки, подкладывал на тарелки самые аппетитные куски мяса.

Когда Алексей почувствовал, что свою норму водки выпил, встал из-за стола и пересел к печке. На лавке лежали меховые рукавицы, сшитые из шкурки с мягкой серой шерстью. Он подумал, что они сшиты из кошачьего меха, но чтобы рассеять свои сомнения спросил Николая:

- Из какого меха у тебя сшиты рукавицы?
- Из соболя.
- Разве соболь бывает серым? Разве можно такой дорогой мех использовать на рукавицы? – произнес Алексей.

Николай с удивлением посмотрел на него, выпил из приготовленной рюмки, наколол на вилку небольшой груздок и стал его пережевывать. Потом сказал:

- Мне дают лицензию на заготовку двадцати соболиных шкурок, большее количество шкурок «Зоготпушнина» не примет. Полученные деньги за сданную пушнину – мой основной годовой заработок. Цена шкурок разная: максимальная – сорок рублей, а за серого соболя не дадут и трех рублей. Таких зверьков надо выбраковывать. Я вместо него добыл полноценного, темного соболя, который по цвету был, как баргузинский.
- Других у тебя никаких заработков нет? – допытывался Алексей.
- Почему же - есть. Я получаю лицензии на заготовку мяса коз и маралов, летом собираю ягоды, осенью – орехи, дел хватает круглый год. В этом году надо добыть еще одного марала и несколько коз.

На следующий день Николай пригласил приятелей во двор и повел показывать свое хозяйство. Вдоль забора под шапкой снега стояла длинная поленница березовых дров. Под одной крышей были коровник, свинарник и хозяйственные постройки. Он открыл одну дверь, и они увидели две козлиные туши, лежащие на дощатом полу. Показывая на них рукой, сказал:

- Заберете это мясо с собой, а на охоту не поедем, будем гулять, пока не кончатся ваши каникулы.

Алексей не только удивился такому обороту событий, он даже испугался. «Не для того же мы ехали в такую даль, чтобы просидеть неделю за столом и

не увидеть охоты в горах, - мелькнула у него мысль, - неужели с предложением Николая согласится Вадим?».

-Нам не нужно мясо, мы приехали принять участие в охоте, а не отсиживаться в доме, - четко произнес Вадим.

- Хорошо, завтра выезжаем, - сказал с сожалением Николай.

По его лицу было видно, что он недоволен настойчивостью Вадима.

На следующий день рано утром Николай повез своих гостей в горы к месту охоты. Они ехали по реке, которая виляла по долине между высоких гор. Мотоцикл с надрывом преодолевал неглубокий снег, которым было занесено русло реки. Встречный ветер обжигал лица, Вадим прикрылся чехлом люльки мотоцикла, а Алексей, сидя за спиной Николая, прижимал лицо к его спине. Когда Николай остановил мотоцикл и заглушил двигатель, Алексей с облегчением вздохнул, слез с сиденья, потоптался в снегу, чтобы размять затекшие ноги, и осмотрелся. Перед ними была небольшая деревянная избушка, стоящая у склона гор, невдалеке еще одна, в которой жил лесник. Неширокую долину между гор прорезала река, по которой они приехали. На противоположной стороне долины скалистые горы сияли в лучах поднявшегося солнца.

Из ворот ограды вышел их встречать очень старый хакасс. Николая он обнял и похлопал рукой по спине, Вадиму и Алексею протянул руку.

- Это друг моего папы Кичемей, - сказал Николай, - я почитаю его, как своего родного отца.

Охотники загнали мотоцикл во двор, захватили рюкзаки и вошли в дом. Их встретила бабушка Клана, приветливая, энергичная старушка. Мужчины уселись за стол, Николай стал рассказывать о своих спутниках, бабушка Клана - готовить чай.

Обращаясь к Николаю, Алексей спросил:

- Как перевести имя Клана на русский язык? Мне хочется называть ее русским именем.

- Этого делать не следует.

- Почему?

- Ты можешь ее обидеть.

- С какой стати?

- До революции имена хакасов в большинстве представляли прозвища по качествам, свойствам, физическим недостаткам. В качестве имен давали также названия животных, растений, предметов.

- Такие имена продолжают давать поныне?

- Теперь в большинстве случаев детям дают русские имена, но часто в быту используют традиционные национальные имена.

Напившись чая, они стали собираться на охоту. Николай отдал свой охотничий карабин Вадиму, а сам слазил на чердак дома и принес винтовку своего отца. Он с бережным вниманием осмотрел ее, стер лишнюю смазку, посмотрел на свет через ствол, передернул дважды затвор. Убедившись в полной готовности винтовки к стрельбе, повесил на плечо, поговорил с Кичемеем и тот принес свой карабин и вручил Алексею, который принял

его, как драгоценный дар. Во время службы в Армии Алексей научился хорошо стрелять из нарезного оружия и даже получил разряд по стрельбе из боевой винтовки.

Идти по заснеженной долине было убродно, Николай шел первым, за ним - Вадим и Алексей. Коля рассказывал порядок охоты:сначала будем подниматься по ущелью в горы, идти надо параллельно в пределах видимости. Вперед не забегать, чтобы не оказаться на линии стрельбы.

Получив короткий инструктаж, они поднимались по крутому ущелью, заросшему лесом, внимательно осматривая его склоны и просветы между деревьями. Внезапно за низкорослым лесом послышалось грубое блеянье козла, напоминающее смех. За деревьями замелькали козы, убегающие большими прыжками по склону за перевал. За лесом охотники обнаружили с десяток козьих лежек. Козы копытами выбили снег до сухой травы и устроились на отдых в лунках. Они услышали приближение опасности раньше, чем охотники увидели их.

- Дальше подниматься нет смысла, - сказал Николай, - спустимся вниз и устроим облаву в соседнем ущелье.

В соседнем ущелье все повторилось. Козел «посмеялся» над охотниками и увел табун в горы.

- Надо менять тактику, - сказал Николай, - вы останетесь у подножия ущелья, а я, сделав круг, поднимусь на вершину хребта и пугну коз на вас.

Коз Николай спугнул, они с шумом неслись вниз, но, не добегая до охотников, свернули на каменистый склон и скрылись с глаз. В тихую безветренную погоду долго слышался шум осыпающихся камней из-под ног убежавшего табуна.

Первый день охоты закончился без результата. Алексей был доволен – он никогда не видел такого количества коз, уяснил тяжесть охоты в горах, здесь нужна особая физическая подготовка.

Мужчины сидели за столом и обсуждали планы на завтра. Клана подошла к рюкзаку Алексея, развязала его и стала перебирать вещи, не обращая внимания на его пристальный взгляд. Когда в ее руке оказался нож с деревянной ручкой, она вынула его из самодельных ножен и стала внимательно рассматривать. Это был обыкновенный кухонный нож из толстой стали. Алексей купил его перед отъездом на охоту из-за неимения охотничьего ножа.

Клана повернула голову к Алексею, стала щелкать языком и движениями рук показывать, что таким ножом хорошо чистить картошку. Всем своим видом она показывала, что ей очень понравился нож.

- Дарю, - сказал Алексей. Про себя подумал: «Вряд ли мне доведется свежевать козу, на всякий случай есть складной перочинный ножичек».

На лице Кланы расплылась улыбка одобрения, она унесла нож на свой кухонный стол.

На следующий день решили идти на противоположный берег реки и там попытать счастье. По словам Кичемея, там козы не пуганы.

В пойме реки, шириной меньше километра, лежал глубокий снег, преодолевать долину приходилось с трудом. Алексей обратил внимание, что в долине и в нижней части ущелий, где наметалось много снега, следов коз не было. Они держались на склонах, с которых снег сдувался ветрами.

Второй день охоты не отличался от первого. Они видели коз, слышали «смех» козлов, но выстрелить никому не довелось.

На третий день Кичемей предложил запрячь его лошадь в сани и поехать в долину незамерзающей реки, которая находилась в десяти километрах от его дома. Он, казалось, переживал больше всех за неудачную охоту своих постояльцев.

Отъехав от дома метров двадцать, Алексей вспомнил, что забыл хлеб на столе.

- Стой, - закричал он и соскочил с саней.
- Что случилось? – спросил Николай.
- Я забыл хлеб, - ответил на бегу Алексей.
- Вернись, обойдемся без хлеба, это плохая примета, не будет удачи.

Алексей убежал, а Николай ругал забывчивого компаньона и примету, которая сулила неудачу.

В это время из соседнего дома вышла жена лесника и с пустыми ведрами на коромысле отправилась к реке по воду. Это совсем вывело Николая из равновесия. Он продолжал ругаться, доказывал Вадиму, что нет резона сегодня ехать в эту сторону на охоту.

Когда вернулся Алексей и завалился в сани, Николай нехотя легонько шлепнул лошадь вожжами по спине, и умная смирная лошадка напрягла все свои силы, чтобы сдвинуть сани с места. Проезжая мимо дома лесника, они увидели, как из подворотни неожиданно выскочила кошка и, подняв хвост трубой, помчалась вслед за хозяйкой к реке.

Николая прорвало: «Еще нам этого не хватало!». Его ругань была многоэтажной и многословной. Он вспоминал всех богов и чью-то мать. В конце длинного монолога предложил в этот невезучий день на охоту не ездить.

- У нас сегодня последний день охоты, завтра надо выезжать на прииск, послезавтра будет машина из Абазы, - урезонил его Вадим.

Путь к долине незамерзающей реки оказался нелегким. Лошадь с трудом тянула сани по глубокому снегу, охотники часто поднимались из саней и шли следом за лошадью. Около широкого ущелья Николай распряг лошадь, привязал к саням, чтобы она могла кормиться привезенным в санях сеном.

Они шли по тропе, натоптанной копытами лошади. Идти было не легче, чем по целине. Снег по краям лунок затвердел, их ноги, обутые в валенки, проваливались в эти лунки то носком, то пяткой, доставляя болезненные ощущения. Вадим, обращаясь к Николаю, спросил:

- Кто здесь ездил на лошади?
- Это Кичемей проезжал верхом по ущелью. Он уже не может далеко ходить пешком и охотится с лошади. Его лайка бегает и разыскивает соболя. Обнаружив зверька, подает голос и облаивает так, чтобы не спугнуть с

дерева. Кичемей подъезжает верхом на расстояние выстрела, собака помогает ему обнаружить соболя, забегая с той стороны, где притаился зверек. После выстрела лайка налету подхватывает добычу и приносит ее старику.

Через несколько километров ущелье раздвоилось. Николай сказал:

- Я пойду по левому отвилку, кто со мной?

С ним вызвался идти Вадим.

- Встречаемся на этом месте, - сказал Николай и зашагал вдоль крутого склона ущелья. Алексей, выворачивая ноги, побрел по лошадиным следам. Одному идти было проще: он не торопился, останавливался, чтобы внимательнее осмотреть долину, покрытую, как скатертью, снежным покровом, и склон горы с редким сосновым лесом. Погода была ясная, для зимы теплая, деревья, залитые солнечными лучами, казались яркими, светлыми и радостными. Таким же было его настроение. Он снял ватную фуфайку и повесил на сук дерева около тропы, несколько раз спускался к звенящему ручью, чтобы напиться холодной ледяной воды. Все его внимание было приковано к склону. На широкой пойме с высоким покровом снега не надеялся встретить коз. Когда в очередной раз напился студеной воды, присел в снег на склоне ручья и стал осматривать окрестность. Его внимание привлек пень на противоположной стороне ущелья рядом с молодыми березами. На пне было белое пятно, с противоположной стороны торчали две ветки. «Видимо, пень присыпан снегом», - подумал Алексей. В это время «пень» развернулся, и он увидел козла, стоящего к нему боком. От неожиданности его охватило волнение, дрожащей рукой он взял карабин, воткнутый рядом в снег. Чтобы унять дрожь в руках, поставил локоть левой руки на колено и начал целиться. «Спусковой крючок надо нажать плавно», - сверлила мысль. После выстрела из снега взметнулся табун коз и скрылся за мелким березняком. Вместе с ним убежал козел, в которого стрелял Алексей. Его охватили разочарование и досада, сердце учащенно билось, из глаз готовы были покатиться слезы. Впервые в жизни ему довелось стрелять в козла, и он промазал. «Вот что значит приметы, - промелькнула мысль. Николай был прав – не надо было ехать сюда на охоту».

Перебравшись по поваленному дереву на противоположный берег ручья, пошел посмотреть следы коз, считая шаги. До коз было триста шагов. На снегу четко виднелись капли крови. Разочарование сменилось радостью. «Значит, я не промахнулся, надо идти по следу и добрать зверя», - решил Алексей.

Через несколько десятков метров на снегу лежал добытый им козел. К радости добавилось сомнение: сможет ли он перочинным ножичком разделать козла. Оставленная туша в шкуре и с кишками до утра запреет и будет непригодной в пищу. Мелькнувшую мысль - идти за товарищами - быстро отбросил. Сходить за друзьями намного дольше, чем освежевать добычу. Он достал ножичек и принялся за работу. Когда туша была без шкуры и внутренностей, в горах наступила темнота. Алексей вымыл руки снегом, развел костер, насадил на прут кусочки печени и начал готовить

шашлык. Сочная печень без соли и без хлеба была изумительно вкусной после дневного поста. Подкрепившись, отправился в обратный путь. За последним поворотом ущелья увидел вдали костер. Это ждали его друзья. У костра на него обрушились упреки: «Почему пришел поздно? Почему не отвечал на наши выстрелы? Мы беспокоились о тебе». Выслушав спокойно все упреки, Алексей сказал:

- Я был за несколькими поворотами ущелья и не слышал ваших выстрелов. Пришлось долго свежевать козла перочинным ножичком, - и он показал свое «оружие».

- Ты добыл козла? - удивился Вадим.

- Завтра на лошади под седлом вывезем мясо, - сказал Николай, - надо торопиться, а то нас потеряет Кичемей.

Алексею хотелось сказать Николаю, что все приметы не подтвердились, но он промолчал.

. . . Эти воспоминания мгновенно пролетели в его памяти. Он вновь подумал о приметах: «Как мог он, человек с высшим образованием, на своем опыте знающий, что приметы – это предрассудки и редко сбываются, не вернуться за спичками?». Обвиняя себя в суеверии, поднялся с поваленного дерева и побрел по сенокосу в стороны Уеня. Дорогу вдоль реки нашел быстро - она была разбита тракторами и представляла глубокие ямы и высокие бугры. В темноте идти по ней было труднее, чем по лесу. От усталости он еле волочил ноги, постоянно опасаясь споткнуться, упасть и рассыпать шиповник.

Времени прошло много. По его прикидкам он давно должен был пройти пять километров, но вдоль дороги не было загона для коров и не слышалось лая деревенских собак. В нем зародилось сомнение – правильно ли он идет? Постепенно сомнение переросло в беспокойство – вдруг он идет не в ту сторону. Заметив рядом с дорогой толстую изогнутую березу с множеством сучьев, решил взобраться на нее с надеждой увидеть огни в деревне. Оставив ведро на дороге, отошел метров на двадцать и залез на березу. Огней не было видно, его окружала густая темнота, на душе появилась тревога. Он чувствовал себя моряком, оказавшимся в океане без компаса. В какой - то момент его слух уловил отдаленный собачий лай, который мог доноситься только из селения Почта. Сомнения рассеялись, но радости не было - предстоял еще немалый путь. Спустившись с дерева, подошел к дороге, но ведра не было видно. Пришлось присесть и шарить руками до тех пор, пока не наткнулся на ведро.

На территории загона стояла избушка сторожа. Открывая незапертую дверь, Алексей подумал: «Сейчас растоплю печь и проведу в тепле оставшуюся часть ночи». От холода его спасало только движение.

В избушке была металлическая печь и лежанка для отдыха. Он обшарил всю избушку, но нигде не нашел спичек. Раздосадованный, прилег на лежанку и вытянулся во весь рост, расслабив уставшее тело. Долго лежать не пришлось – холод погнал его в путь. Алексей еще раз пожалел, что выбросил под ноги последнею спичку.

Он шел вдоль леса по знакомой дороге, на фоне темного ночного неба видны были только верхушки редко стоящих берез. Густой подлесок из шиповника, калины, тальника ухудшал видимость. Его взгляд искал две рядом стоящие березы, под которыми за кустами стояла его автомашина. Несколько раз проламывался через кусты к таким березам, но машины под ними не было. Внезапно остановился обрадованный и вместе с тем разочарованный. Около дороги стоял железобетонный пасынок от столба некогда проходящей здесь электролинии. К машине надо было возвращаться назад всего метров тридцать.

Не открывая машину, залез в палатку, разделся и нырнул в спальный мешок. У него еще хватило силы включить фонарик и посмотреть на часы. Было три часа ночи.

Алексей проснулся во второй половине дня, все с ним приключившееся казалось дурным сном. Позавтракав, захватил пустое ведро и отправился за рюкзаком. Он шел по давно знакомой местности, узнавал каждое дерево, каждый куст шиповника. «Вот на этом кусту была очень крупная ягода, а на следующих кустах мелкая», - вспоминал, проходя мимо. Рюкзак долго искать не пришлось – он лежал под деревом вблизи тропы, натоптанной Алексеем.

Содержание

На заполярной широте – повесть.

Книга вторая

Вместо предисловия 3
Вступление 3
Игарский лесокомбинат 4
Обиженная женщина 7
На отдыхе 19
Происхождение фамилии 22
Охота на уток 24
Командировка 32
Сашина рыбалка 37
Валентин 42
Волки 47
Подледный лов рыбы 50
Встреча с эвенками 54
Пожар 59
Отпуск 64
Весенняя охота 70
Последний год 82

Рассказ

Последняя спичка 87

«Таланты земли Новосибирской»

Кайков Альберт Сергеевич

На заполярной широте

Повесть. – Книга вторая.

Книга издана в авторской редакции

Дизайн обложки – Мыслин О. Г.
Корректор – Рябышева Э. И.
Руководитель проекта –Пендюрина Т. В.